

INSPIRIA

ФРАНСУАЗА БУРДЕН ЛЕД И ПЛАМЯ

INSPIRIA

Annotation

Скотт, наследник богатого семейства, после долгого отсутствия возвращается домой, в старинный особняк в самом сердце Шотландии.

Его ждут неожиданные новости – его отец вновь женился. Вместе с его новой супругой, француженкой Амели, в доме появляются новые родственники. А значит – и новые проблемы.

Новоиспеченные родственники вступают в противостояние за влияние, наследство и, главное, возможность распоряжаться на семейной винокурне.

Когда ставки велики, ситуацию может спасти выгодный союз. Или искренняя любовь.

Но иногда мы влюбляемся не в тех. И тогда все становится лишь сложнее.

«Семейная сага на фоне великолепных пейзажей. Ангус женится на француженке гораздо моложе него, матери четырех детей. Она намерена обеспечить своим детям сытое будущее, в этом расчет. Увы, эти дети не заслужили богатство. Исключение – дочь Кейт, которую не ценит собственная семья...

Красивая, прекрасно написанная история». – Amazon Review

«Франсуаза Бурден завораживает своим писательским талантом». – L'Obs

Франсуаза Бурден – одна из ведущих авторов европейского «эмоционального романа».

Во Франции ее книги разошлись общим тиражом более 8^м млн экземпляров.

«Le Figaro» охарактеризовала Франсуазу Бурден как одного из шести популярнейших авторов страны.

В мире романы Франсуазы представлены на 15 иностранных языках.

- [Франсуаза Бурден](#)

-

-

- [1](#)

- [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)

- [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
-

Франсуаза Бурден

Лед и пламя

© Жукова Н., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Жану Аркашу^[1], с которым я разделяю любовь к семейным ценностям, наш уголок Нормандии, наше прекрасное «любовное приключение» и, главное, крепкую дружбу.

Кейт полюбила его с первого взгляда. Скотт показался девочке самым очаровательным из молодых людей, которых ей доводилось до сих пор встречать. Настолько он не был похож на ее братьев с их резкими, грубыми подростковыми играми и неприятным мальчишеским языком, с чем ей каждый день приходилось иметь дело. Совершенно покоренная, она протянула Скотту детскую ладошку, уже предчувствуя, что он на всю жизнь останется ее единственным другом.

В тринадцать лет Кейт познала горе расставания с отцом и потеряла, как ей казалось, все жизненные ориентиры, когда приехала с матерью в имение Джиллеспи, где у нее было единственное желание – плакать, плакать без конца, что она и делала все последние месяцы. Отчим Ангус сразу же испугал ее своим пронзительным, недоверчивым взглядом, вместо того чтобы сказать ей хотя бы «Добро пожаловать!». Само же поместье и огромный особняк викторианской эпохи произвели на нее столь гнетущее впечатление, что она не представляла, как сможет провести в таком доме хотя бы одну ночь. Даже пейзаж, воистину грандиозный, внушал ей отвращение. Но мать и не думала о том, чтобы как-то поддержать, успокоить и придать ей уверенности: она отнесла ее плач к детским глупым слезам маленькой капризной девочки и не переставала нахваливать бесчисленные преимущества будущей новой жизни.

И на самом деле их жизнь полностью изменилась. Повторный брак матери с Ангусом Джиллеспи перевернул с ног на голову прежнее существование, и радоваться тут было особенно нечему. Кейт и ее братьям пришлось расстаться со своими школами, а значит, и с друзьями, прежними привычками и занятиями, не говоря уже о парижской квартире. Огромный контейнер, отправленный в Шотландию, вместил большую часть одежды, но сколько же всего пришлось оставить: книги, игрушки, настольные игры, как оказалось, занимавшие слишком много места. Глядя в иллюминаторы самолета, уносившего их в Глазго, они со щемящим сердцем смотрели, как постепенно исчезала внизу земля родной Франции.

В Джиллеспи их ожидали только морская пена безбрежного океана, лежавшая на холмах пелена тумана да пасущиеся вдалеке отары овец. Почему мать решила похоронить себя в этих диких местах, а вместе с собой и их тоже? Любовь матери к Ангусу в глазах Кейт была невыносимой: это был высокий, массивный мужчина с суровым, будто высеченным из камня лицом. Даже смягченные облаком рыжих волос с проблесками серебряных прядей, черты лица казались грубо вытесанными долотом; зато взгляд светлых, словно вылинявших глаз был настолько пристален, что, казалось, пронзал душу насквозь. Кейт, согласно традиции, пришлось называть его «отец», что поначалу внушило ей ужас, но она покорилась, воображая, что ведь теперь и Скотта она может считать братом.

Джиллеспи представляло собой обширное угодье с раскинувшимися, насколько хватало глаз, пастбищами, необозримыми ячменными полями, урожай с которых поступал на два винокуренных завода, где производился виски — главное богатство семьи уже в течение многих поколений. И девочке долгие годы предстояло слышать бесконечные разговоры о солоде, дроблении, браге и дистилляции. Во время семейных трапез подобные разговоры за столом обычно заводил Ангус, бомбардируя Скотта самыми заковыристыми вопросами. Он редко старался что-то подсказать или помочь с ответом Скотту, хотя его иногда так и подмывало, особенно во время игры в гольф или на охоте, — тот до всего должен был додумываться сам.

С тех самых пор, как их дальний предок приобрел титул барона, купив земли, согласно шотландскому обычаю, поместье Джиллеспи процветало, и Ангус очень рассчитывал на Скотта в том, что именно на его плечи должно было лечь увековечивание славной родословной. Поэтому, разочарованный и обеспокоенный тем, что у него лишь единственный наследник, он воспитывал мальчика в большой строгости. Первая его супруга, Мэри, долго не могла забеременеть, прежде чем на свет явился долгожданный мальчик. Но роды, которые принимали, разумеется, не в больнице, а в самом поместье, оставили у женщины такое кошмарное впечатление, что, сколько бы ни упраскивал муж, на вторичный подвиг она ни за что не желала соглашаться. Хуже того, она не проявляла к новорожденному подобающей материнской любви, словно затаив на Скотта обиду за то,

что он принес ей столько мук, появившись на свет. С тех пор она делала все возможное, чтобы как можно дальше бежать от Ангуса, да и от дома тоже, проявив невиданную доселе любовь к разведению овец. И преуспела в этом. Мэри до того увеличила поголовье скота, что Ангус даже купил ей небольшую прядильную фабрику, которая производила изделия из шерсти, полученной от овец их стада. Мэри сама занималась составлением эскизов, рисовала узоры кардиганов, шарфов и шапочек, что ей очень нравилось. Уезжая из дома на фабрику ранним утром, она возвращалась домой лишь ближе к ночи. Но однажды вечером не вернулась вовсе. Машина упала в овраг, и ее искореженный остов обнаружили лишь спустя несколько дней. По свидетельству медиков, смерть оказалась мгновенной, ибо женщина была задушена раздавленными металлическими креплениями пояса безопасности.

Потрясение оказалось для Ангуса очень тяжелым. К счастью, в этом горе большую поддержку ему оказала его сестра Мойра, которая и взяла на себя все обязанности по содержанию дома, чем она занималась еще до брака Ангуса и к чему вернулась с большой радостью. В течение какого-то времени их маленькое семейство вроде бы снова обрело более-менее нормальное существование. Пока Скотт был еще ребенком, а он был очень привязан к тете Мойре, Ангус мог этим пользоваться, чтобы вернуться к привычным делам. Винокурни приносили неплохой доход, а в память о Мэри он оставил нетронутой и прядильную фабрику. Затем он решил немного расширить семейное хозяйство и приютил у себя одного из своих малоимущих кузенов – Дэвида, которого сделал управляющим, после чего стал потихоньку задумываться о втором браке. Но женщинам он доверял мало, и ни одна из предполагаемых невест не казалась ему подходящей на роль матери семейства. Единственная, в ком он мог увидеть достойную супругу, должна была непременно оказаться горожанкой, которую притом не смутил бы переезд в Джиллеспи.

Между тем Скотт подрастал. Слишком нежное воспитание тетушки Мойры привело к тому, что он становился упрямым, строптивым и чересчур избалованным ребенком, так что в конце концов Ангус решил отправить его в пансион. Выбрал он, разумеется, высокочеловеческое заведение, известное как строгостью дисциплины, так и хорошими результатами учебы своих питомцев. Скотт приобрел там

блестящее образование, ум его получил должное развитие во многих научных дисциплинах, и, кроме того, пансион сделал его прекрасным спортсменом. Юноша отлично играл в регби, занимался верховой ездой, боксом, фехтованием и скалолазанием. Каждый раз, когда сын приезжал домой на каникулы, Ангус приобщал его к традициям семейных занятий, таким как стрижка овец или уборка ячменя. Об «интернатских» годах, проведенных в пансионе, которые иному показались бы слишком суровыми, у Скотта остались самые приятные воспоминания; юноша оставил в стороне все дурное, с чем там столкнулся, и, главное, сохранил прочную дружбу со многими из товарищей.

После окончания курса он получил право на годичный отпуск. Ангус решил предложить ему поездку на несколько месяцев в Европу, но не просто так, а с особой миссией – ознакомиться с методами работы в крупных сельскохозяйственных поместьях за пределами Великобритании. Этот глоток свободы был очень полезен молодому человеку, который только теперь наконец-то почувствовал себя истинным шотландцем, и тем не менее в Джиллесли вернулся с удовольствием, зная, что отец ждет его, чтобы передать ему бразды правления помещьем.

Стремясь как можно лучше проявить себя и приобретенные им знания, Скотт меньше всего ожидал, что ему придется встретиться лицом к лицу с мачехой. Ибо Ангус считал за лучшее не сообщать ему до поры до времени о вторичной женитьбе. По его мнению, эта тема была слишком серьезной и личной, чтобы обсуждать ее по телефону. Он с неслыханным цинизмом заявил сыну, что приберегал этот «чудесный сюрприз» до его возвращения. Поставленный перед свершившимся фактом, Скотт почувствовал себя так, словно его окатили ледяной водой. Мачеху его звали Амели, она была француженкой, разведенкой, да к тому же обремененной четырьмя взрослыми детьми.

Трое из них – мальчики Джон, Джордж и Филип – были уже подростками, а единственная девочка тринадцати лет казалась совсем ребенком. Только она и вызвала в глазах Скотта симпатию, потому что он угадал ее полную растерянность, почти отчаяние. Зато мальчишки, которые и провели-то в доме всего несколько недель, уже неплохо устроились и вели себя так, словно это была давно завоеванная ими территория. Совершенно очевидно, что воспитание их оставляло

желать лучшего, однако Ангус будто не замечал этого и ни во что не вмешивался. Он был настолько счастлив вновь обзавестись супругой, что ее «хвост» нисколько его не интересовал. Эта ребятня от другого мужчины, да еще и англичанина, заслуживала лишь относительной доброжелательности, да и то из чистого уважения к Амели, но уж никак не из желания заниматься наставлением их на путь истинный.

Мойра же, казалось, была обуреваема двумя крайне противоречивыми чувствами: с одной стороны, она радовалась, что брат нашел-таки себе жену, однако с другой – не испытывала ничего, кроме неприязни, к этой незнакомой женщине, явившейся сюда со своим стадом. Она и не стала ничего скрывать, заявив Скотту, как только тот вернулся, что малышка Кейт была *обворожительной*, а вот три ее брата – *отвратительными*. В комнатах, отведенных последним, всегда стоял шум и гам, слышались звуки драки или грохот какой-то невразумительной музыки. Кейт, напротив, производила так мало шума, что ее перемещение по коридорам вообще было незаметным; нередко девочку можно было видеть застывшей в одной позе возле окна, и она казалась целиком погруженной в созерцание парка.

По правде говоря, слово «парк» применительно к окружавшему особняк саду было, пожалуй, слишком напыщенным. Ангус не питал пристрастия к красотам, находившимся рядом, и он не обращал внимания даже на цветы, которые время от времени срывала там Мойра. Его неукоснительным требованием было лишь то, чтобы газоны всегда были аккуратно подстрижены, с чем его двоюродный брат Дэвид худо-бедно справлялся при помощи шумной электрокосилки. Но, поскольку сухие ветки с больших деревьев никогда вовремя не обрезались, при каждом более-менее сильном порыве ветра они рушились вниз со страшным треском, загромождаая аллеи. И тем не менее благодаря двум каменным фонтанам и нескольким кованым скамейкам это место таило в себе некое романтическое очарование, неизменно приковывавшее взгляды Кейт. Там она обнаружила немало потаенных местечек, где при желании можно было укрыться от тирании братьев и безразличия матери. Большую часть своего первого лета в Джиллеспии девочка провела именно там, заранее пугаясь начала учебного года, которое вновь должно было бросить ее в неведомое. Втайне она писала письма отцу,

хотя и не могла их переслать, поскольку не знала адреса. После развода он не давал о себе знать, а спросить у матери, как он поживает, она не решалась. Разумеется, даже это отсутствие новостей все-таки было лучше тех невообразимых ссор, предшествовавших разводу, но сердечко Кейт каждый раз больно сжималось, когда она думала об отце. Увидится ли она еще с ним? Не забудет ли он своих сыновей и особенно ее, которую часто называл «мое сокровище»? Женился ли он снова, подобно матери? Она ничего не знала и очень страдала, но открыться ей было некому. Сидя в тени деревьев или на бортике одного из фонтанов с открытой книгой на коленях, она продолжала писать бессмысленные горькие послания, в которых хотя бы изливала свое отчаяние.

Но в один из серых и холодных дней, предвещавших приход ранней осени, Скотт застал ее врасплох. На плечи юноши был наброшен свитер, в руках он держал топор, с волос по лбу стекали бисеринки пота.

– Читаешь что-нибудь интересное? – спросил он, возникнув перед ней, как привидение.

Она почувствовала, что у нее внутри все тает от благодарности к мальчику, поскольку он остановился специально ради нее, обратился к ней и улыбнулся.

– «Отверженные», французский роман.

– О! Виктор Гюго. Я вижу, ты любишь серьезные книги.

– Пока я не знаю, что буду проходить в школе по программе, потому и не понимаю, что стоит читать. Но как только начнутся занятия, похоже, мне придется больше уделять внимания английским или... шотландским авторам.

– В любом случае ты со всем отлично справишься.

– Мой отец – англичанин, – напомнила она.

Сказав это, она покраснела. Имела ли она право говорить с ним об отце? Девочка поспешила сменить тему и поинтересовалась, знает ли Скотт, в какую школу она пойдет?

– Нет, это же девичья школа.

– Ах, как хорошо! Мне так будет гораздо спокойнее. Мальчишки иногда бывают до того... невыносимы.

Она снова испугалась, что проявила неучтивость.

– Я имела в виду братьев, – уточнила она, сделав многозначительную гримасу. – Вы наверняка уже это заметили.

Она увидела, как по лицу юноши пробежала тень, но он ответил ей спокойно, размеренным тоном:

– Меня слишком долго не было дома, чтобы я мог составить себе какое-нибудь мнение о них.

– В их возрасте вы были таким же буйным?

– Да, – признался он. – Очень! Но, правда, у меня не было сестры.

– Ну так вот, теперь есть я, – произнесла она, придя в ужас от того, что сказала.

Он бросил на нее странный взгляд, кивнул и снова взял топор, который недавно положил у ее ног. Расстроенная тем, что он уже уходит, Кейт тоже встала, чтобы пойти вместе с ним.

– Вы срубали деревья? – спросила она.

– Да нет, дров нарубил для топки. Эти камины просто ненасытны, сколько они их жрут! А скоро придут настоящие холода. Шотландский климат наверняка тебе покажется куда менее мягким, чем парижский.

Скотт старался не показывать виду, что ему было бы приятно избавиться от нее поскорее, пока девочка продолжала идти рядом.

– Вы что, бывали когда-нибудь в Париже?

– Нет. В этом году я провел несколько недель во Франции, но в Париже был только проездом.

– О, вам бы там понравилось! Это фантастический город, там столько людей, столько всего, чем можно заняться или что посмотреть! Как же я любила мою школу возле Люксембургского сада, куда мы бегали с подружками на переменах. Там столько прекрасных клумб, скульптур, огромный водоем и...

Несмотря на все усилия сдержаться, ее внезапно охватила икота, после чего она разрыдалась, закрыв лицо руками.

– Кейт, что случилось?

Она почувствовала, что он ласково, совсем слегка взъерошил ей волосы.

– Не плачь, – проговорил он. – Я понимаю.

Вопреки ее мнению, вести со Скоттом светские разговоры оказалось выше ее сил, а воспоминание о Париже погрузило в невыразимую печаль. Что она делала в этой незнакомой стране среди чужих ей людей? Она привыкла скрывать слезы, потому что

мальчишки смеялись над ней, а мать читала нотации, но Скотт вел себя естественно – не иронизировал и не чувствовал себя неловко.

– Простите, простите, – повторила она, вытираясь рукавом. – Я чувствую себя такой...

– ...потерянной? Это нормально – здесь ты не у себя.

– Мама говорит, что теперь это и наш дом тоже.

– Конечно, – сказал он с долей сомнения.

Почувствовав его нерешительность, она поняла, что только что совершила очередную глупость. Она не могла справиться с ситуацией, но догадывалась, что Скотт, несомненно, всех их ненавидел: ее, братьев, да и мать тоже. Интересно, что испытал он, увидев перед собой всю эту ораву незнакомцев, поселившихся в его доме? Проклятый трус Ангус приберег для него «сюрприз», который мог попросту вызвать у него шок! А что, если он решит уйти отсюда? В конце концов, он уже был почти взрослым человеком и мог сделать, что его душе угодно, в том числе и бросить все к черту.

– Вряд ли вы пришли в восторг от нашего приезда, – печально произнесла она.

Услышав его смех, Кейт подняла голову и посмотрела на него. Скотт отнюдь не показался ей враждебным, а просто очень развеселившимся.

– Ну и смешная же ты девчонка, Кейт! Мои чувства в данном случае не имеют никакого значения.

Не успели они достичь центральной аллеи, как перед ними вырос величественный особняк. Девочка вздрогнула и замедлила шаг.

– Ну и костерчик я сейчас разожгу! Если продолжишь читать в гостиной, тебе станет жарко.

Он положил руку ей на плечо, ободряя ее и как бы подталкивая к особняку.

– Все будет хорошо, – добавил он совсем тихо.

Кейт впервые почувствовала себя увереннее и спокойнее. Она отчаянно нуждалась и в том, и в другом, боясь в это поверить, но рядом со Скоттом она сразу ощутила себя не такой одинокой. Девочка подняла глаза, обратив их на высокий белый фасад здания и пытаясь разглядеть окно своей комнаты, но так и не смогла угадать, постоянно сбиваясь со счета. Когда же она обернулась, Скотт был уже далеко, идя

в другом направлении и небрежно покачивая рукоятью топора, который по-прежнему держал в руке.

* * *

Как только дочь подняла голову, отыскивая свое окошко, Амели поспешно отошла в сторону. Машинально взглянув в окно и будучи убежденной, что парк совершенно пуст в такое время, она с раздражением увидела, что ее дочь Кейт находилась в компании Скотта. У нее не вызывала никакого сомнения враждебность юноши к их семейству. Что в таком случае он мог рассказывать девочке-подростку? Или она заблудилась в крохотной рощице, затаившейся среди лужаек? Ведь девчонка все время проводила на улице, с книгой под мышкой, с этим скорбным лицом и вечно набрякшими от слез глазами. Бог ты мой! И как она не понимала, насколько им всем повезло? Да могла ли она мечтать о жизни в таком прекрасном особняке, в двух шагах от морского берега, окруженная роскошью и записанная в элитную частную школу? Да если бы она, Амели, не встретила Ангуса, если бы не подтолкнула его к поспешному браку, что было бы со всеми ними, с Кейт и ее братьями? Союз этот не просто устраивал обе стороны, он был для них настоящим спасением. Да Амели и не пришлось совершать никакого насилия над собой, поскольку Ангус ей нравился. Нет, нельзя было сказать, что она была в него влюблена, но разве не миновало для таких, как она, время романтических бредней? До чего они дошли с подобным браком с Майклом? У них была свадьба, о которой только можно было мечтать, с «венцом непорочности» на голове, а уж сколько было произнесено слов с клятвами в вечной любви! Этот «прекрасный англичанин», как она его называла, пока ее сердце еще билось от волнения при виде его, — что он сделал? Наградил кучей детей до того, как она перестала его волновать, а потом бросил и отпустил на все четыре стороны! В течение первых лет замужества она подарила ему одного за другим троих сыновей, и ей бы уже хотелось остановиться, чтобы окончательно не превратиться в наседку, но, увы, Майкл непременно хотел дочку, которая, впрочем, не заставила себя долго ждать. И какое-то время все шло прекрасно, у них вроде бы была настоящая семья,

поселились они в хорошей квартире, которую им выделила компания Майкла, да еще не где-нибудь, а посреди квартала Сен-Жермен-де Пре! Днем Амели занималась детьми, но почти каждый вечер они отправлялись куда-нибудь с Майклом. Поначалу она знакомила его со столицей, гордясь своим статусом парижанки, но очень скоро Майкл сам стал ей показывать модные местечки. Он очень любил шумные вечеринки, праздничные застолья с друзьями, но ведь не он же вставал по ночам давать детям пустышки или бутылочки с едой! И только одни разговоры о том, как он обожает своих детей, – заниматься он ими никогда не занимался. Годы шли, а она так ничего и не замечала. Ни ставшего привычным и не дающего уже никакой радости быта, ни слишком уж хорошеньких сотрудниц Майкла. Он все чаще отлучался из дома, ссылаясь на бесконечные конгрессы, собрания и симпозиумы. И она, идиотка, принимала все за чистую монету с наивностью поглощенной делами домохозяйки... Он и выходные-то почти не проводил с семьей, а когда такое случалось, то его безумно раздражало все, что в ней происходило: сплошной шум и гам, никакого покоя. А что могла поделаться Амели с тремя буйными подростками? Да, она с ними не справлялась, ведь помощи со стороны их отца она никогда не видела. Квартира их превращалась в сплошное поле битвы, куда уж тут было Амели думать о внешности? И однажды в ванной комнате она нашла записку от Майкла, который оказался слишком трусливым, чтобы объясниться лицом к лицу: он писал в ней жене, что «кое-кого встретил».

После нескольких семейных сцен, достойных эпоса Гомера, под гром барабанного боя произошел развод. Найдя самого крутого и хорошо оплачиваемого адвоката, Майкл добился того, что по суду должен был выплачивать им лишь смехотворное денежное пособие. Но самым возмутительным было то, что он с видом триумфатора заявил, что компания, выделившая им в свое время квартиру, предоставила в ее распоряжение аж целых полгода, чтобы она подыскала себе за это время другое жилье. Эта подачка тоже якобы вошла в «компенсационное пособие» и была великой милостью! Не сдержав слез, Амели вымолила еще несколько дополнительных месяцев этого срока, чтобы дети смогли доучиться в своих школах, пока она будет срочно устраивать дела с переездом. Что же ей оставалось делать? Идти работать? Но ведь на обучение потребовалась

бы уйма времени, и устроиться она смогла бы лишь на самую мизерную зарплату. И тогда она решила сделать ставку на самое себя. Она вновь стала за собой ухаживать и, бросая детей одних по вечерам, откровенно начала искать нового мужа. Ей ведь не было еще и сорока лет, да и внешне она оставалась привлекательной. И вот благодаря невероятной удаче ей удалось познакомиться с Ангусом. В Париже он оказался проездом, так что времени у нее было мало. И пока он с упоением рассказывал ей о Джиллеспии, своих винокурнях и прядильной фабрике, она открывала для себя все больше и больше достоинств в совместной жизни с этим человеком. Шотландия? Ее это совершенно не пугало. Пусть хоть у черта на рогах, пусть в Шотландии, но где бы оно ни находилось, это прекрасное поместье, фото которого он ей охотно продемонстрировал, она согласится там жить с превеликим удовольствием, но лишь в роли законной супруги, госпожи Джиллеспии. Ангус что-то там вскользь упоминал о Скотте, своем единственном двадцатидвухлетнем сыне, но она его не слушала: все ее мысли были заняты лишь тем, как бы его скорее подчинить себе, воспользовавшись своим арсеналом роковой женщины. Прекрасно отдавая себе отчет, что ее приданое новобрачной сильно обременено четырьмя детьми, она продемонстрировала ему всю мыслимую и немыслимую чувственность, на которую только была способна, да так, что Ангус побывал на седьмом небе от счастья.

Вспоминая эти подробности обольщения, Амели улыбнулась. Теперь-то муженек полностью был у нее в руках, вернее, на самом коротком из поводков. Но и Ангус, как говорится, за ценой не постоит: несмотря на свои шестьдесят, он, пылкий, как юноша, исполнял неукоснительно каждой ночью свой мужской долг. Притом он обладал своеобразным грубоватым шармом в противовес изнеженному, расслабленному Майклу, и Амели как раз это и нравилось, ибо она не хотела вспоминать ничего о первом супруге. Страница была перевернута, хотя, пожалуй, чересчур быстро, и, следовательно, немудрено, что детям не так-то легко было привыкнуть к отчиму. Но рано или поздно они, конечно, привыкнут и к нему, и к великолепному поместью, которое станет их новым родовым гнездом. Сознательно решив слегка ослабить поводки на шеях детей, она надеялась, что деревенские забавы, а заодно и обязанности их слегка успокоят. К тому же неужели Ангус не поможет завершить учебу ее мальчишкам? Если

он хоть немного привяжется к ее детям, а особенно к Кейт, то будущее всех четверых будет обеспечено. Пока Ангус считал своим сыном только Скотта, но, возможно, позже он приобщит и пасынков к делам поместья, а потом и к наследству... Как истинный шотландец, он потребовал, чтобы был заключен брачный контракт, который, подобно всем контрактам, легко можно было изменить. Амели не только знала, чего она хотела, но также и понимала, как этого достичь.

Она снова приблизилась к окну. Теперь парк был абсолютно пустынным. Скотт и Кейт исчезли. Этим двоим нечего было делать вместе. Явная антипатия, которую проявлял по отношению к ней Скотт, несколько Амели не смущала. Напротив, она была ей даже на руку. И она очень на это рассчитывала, чтобы пожаловаться Ангусу, что, дескать, его сын ее не признает, так же как и его сестра, тем более что, можно сказать, так оно и было на самом деле. Ибо Мойра встретила ее со сдержанностью, которая граничила с откровенной холодностью. Но, однако, отныне весь этот маленький мирок, хочешь не хочешь, будет вынужден признать в ней законную хозяйку поместья.

Повернувшись спиной к окну, Амели оглядела комнату: стены, обшитые темным деревом, расписанный фресками потолок с арабскими мотивами, тяжелые пыльные шторы. Нет, ее комната должна выглядеть по-иному, несомненно, и, главное, ее стоит непременно освежить тем, что принято называть «изящным французским вкусом». Ангусу обязательно должно понравиться. Амели начнет с нее, с этой комнаты, а уж затем возьмется за остальную часть поместья, придав ему свое видение удобного и комфортного жилья. Мальчишек поселили там же, на том же этаже, только в западном крыле, и пока они были в восторге от своей относительной свободы. Их не интересовали ни мебель, ни цвет стен, они с ликованием продолжали сеять хаос, фоном к которому служила их безобразная музыка. Кейт, напротив, смущали огромные размеры ее спальни, обтянутой серым, местами пожелтевшим от времени бархатом. Даже у Ангуса появилась на лице гримаса, когда он открыл туда дверь. А Мойра, тоже не пришедшая в восторг от комнаты, объяснила, что так малышка будет хотя бы немного ближе к матери. В особняке, имевшем множество комнат, повсюду были коридоры и коридорчики, замысловатые переходы, лесенки, тупички, так что

разобраться во всем этом лабиринте новеньким сначала было нелегко. Но на следующий же день после приезда Амели, несколько раз обойдя особняк, решила, что обязательно составит себе четкое представление о том, кто и где здесь живет. Мойра, кузен Дэвид и Скотт обитали на третьем этаже, а это означало, что Ангус много лет провел в одиночестве на втором этаже. Этот уж точно был не из пугливых!

Амели села в изножье кровати и начала размышлять. Когда ее дети привыкнут к новому жилью, действительно ли им будет здесь нравиться? Что и говорить, место само по себе было великолепным, и теперь они могли считать его своим домом. Кроме того, они привыкнут называть Ангуса отцом, а это непременно будет способствовать сближению. Она не собиралась их ни к чему принуждать, они сами должны были открыть для себя всю прелесть жизни в таком необозримо огромном поместье, где они могли носиться сколько угодно по необъятным землям, заниматься любыми видами спорта по их желанию, не имея ни малейшей нужды в деньгах. Что касается ее самой, то она могла только радоваться своему выбору, этой неожиданно выпавшей ей удаче. Она ощущала в себе готовность всей душой полюбить Джиллеспи и целиком внедриться в его жизнь, почувствовать себя его хозяйкой. О Париже она и не думала тосковать, слишком уж мало у нее было там своего, личного, принадлежавшего только ей. В Париже у нее не было будущего: ни у нее, ни у детей. Здесь же она станет непременно возлюбленной супругой, мудрой матерью, кем-то очень важным и значительным.

* * *

Но сладким мыслям Амели не суждено было продолжиться. Прямо перед ее дверью промчались с топотом – это ее ребята затеяли очередную свару, не ограничивая себя ни в криках, ни в музыке, короче, абсолютно ни в чем.

* * *

Из курительной комнаты Ангус сделал нечто вроде своего личного места для уединения. Еще при жизни Мэри, не выносившей запаха его сигар, он приобрел привычку уходить туда и мало-помалу перенес с собой множество счетов и целые кипы бумаг, касавшихся управления поместьем. Так что со временем курительная комната стала его кабинетом, куда никто не смел зайти, не постучав.

— Заходи! — гаркнул Ангус зычным голосом античного глашатая.

Он увидел, что Скотт уже успел принять душ и переоделся. Немногим раньше он заметил его на улице с топором в руке. Выглядел Скотт уставшим, но спокойным. Их первый разговор насчет Амели был довольно резким, как он и ожидал, и теперь Ангус надеялся, что второй сложится более удачно.

— Ты что, решил вырубить все деревья? — с иронией поинтересовался Ангус.

— Нет, просто обрубил сухие сучья, которые ждали этого довольно долго.

— Вообще-то, у нас этим занимается Дэвид. Он платит поденщику, который срезает сушняк.

— Значит, он за ним не слишком-то хорошо следит.

— Ах, вот оно что...

Они обменялись улыбками, как это давно было у них заведено, но Ангус не прибавил, как обычно, что, мол, все равно кузен Дэвид отличный парень, хотя и неважный управляющий.

— Ладно, сядь, нам надо поговорить. Я знаю, что ты не очень-то доволен...

— Скажем иначе, удивлен и нахожусь в растерянности.

— А почему? Я провел довольно много лет вдовцом после смерти твоей матери, разве теперь я не имею право жениться снова? Впрочем, это моя жизнь, а не твоя, и я не должен спрашивать у тебя разрешения. Признай хотя бы, что Амели — красивая женщина.

— У каждого свой вкус. Я привык считать женщинами только особ своего поколения.

— Это что, камень в мой огород?

— Нет, я только хочу сказать, что ей на двадцать лет меньше, чем тебе.

— И что из этого?

— Ничего. Но уж как-то быстро вы все решили.

– Чтобы привезти ее сюда, нужно было сначала жениться на ней. Таково было условие Амели. Да и ее можно было понять: ведь она оставляла страну, все, ей же нужны были какие-то...

– Гарантии?

– Если хочешь. Но ведь это законно, попробуй не согласиться! Сорвать с места четверых детей, покинуть страну, оставить там всех друзей, близких, знакомых...

– А что ты знаешь о ее семье, роде занятий?

– Она не работала. Воспитывать четверых детей – это, знаешь ли, не шутка, на это уходит все свободное время. А вот насчет ее семьи я ничего не знаю.

– Иными словами, ты вообще о ней ничего не знаешь?

– Я знаю, что она мне нравится и что под закат жизни я стал счастливым и опять могу назвать себя женатым человеком. Это достаточно ясно?

Тон его обрел суровость. Ангус не желал уступать сыну ни пяди.

– Что ж, достаточно откровенно. Конечно же, мне все ясно, – сказал Скотт.

– Прекрасно, ибо больше к этому разговору я не вернусь. А ты как думал? Что шестьдесят – уже конец жизни? Что человеку больше уже ничего не нужно? Поживи с мое, и тогда, возможно, ты поймешь. Я еще полон сил и хочу воспользоваться остатком отпущенной мне жизни. Со дня смерти твоей матери, чем, ты думаешь, я занимался? Заботился о тебе, этих чертовых винокурнях, да еще, будь она неладна, прядильной фабрикой, которую захотелось Мэри, нужно было поддерживать ее на плаву. Дабы обеспечить тебе полноценную семейную жизнь, я разрывался между своей сестрой и двоюродным братом, ты полагаешь, я испытывал бездну удовольствий? Но теперь пришло и мое время немного пожить, так что ты давай бросай этот похоронный вид и постарайся подладиться к мачехе, ты меня понял?

– И не только к ней, а еще и к троим ужасным дебилам и доченьке.

Перед лицом возмутительного спокойствия Скотта Ангус собрал в кулак все свое хладнокровие.

– Кейт – милая девочка, к тому же, сам знаешь, ее не видно и не слышно. Что до мальчишек... Не хотел бы ты немного ими заняться, так сказать, взять их под свое крыло на правах старшего брата?

– Надеюсь, это шутка?

– Вовсе нет.

– Если ты ожидаешь от меня реальной помощи в делах поместья, чтобы тебя разгрузить, то знай, что это занятие на полный рабочий день.

– Разгрузить? Меня? – возмутился Ангус. – Это наши с тобой *совместные дела*, и, главное, в этом поместье – *твое* будущее. Не строй из себя пай-мальчика, который просто помогает своему отцу. Если бы мне нечего было тебе оставить, кем бы ты стал?

– Я бы освоил другое ремесло, – спокойно ответил Скотт, уставившись отцу прямо в глаза.

За четыре года до этого они уже однажды касались этой темы. Скотт высказал идею стать врачом или, что еще лучше, ветеринаром, и отец тогда смеялся до колик, прежде чем развеять в пух и прах такую возможность. Что стало бы с винокурнями, полями, прядильной фабрикой, стадами? Для единственного потомка Джиллеспи другого выбора не было, кроме как заниматься всем сразу, тем, что оставят ему предки.

– Подойди к этому посерьезнее, – отрезал Ангус.

– Я вполне серьезен.

Скотт поместье любил, всегда интересовался его делами, и то, что отец нередко демонстрировал свои тиранические замашки, отнюдь его не смущало. Во время путешествия по Европе он часто думал о Джиллеспи, трепеща от желания поскорее туда вернуться. Но мачеха, неожиданно свалившаяся с небес, резко изменила его взгляд на вещи.

– Вы рассчитываете с Амели иметь детей? – вдруг спросил он задумчивым тоном.

– Об этом не может быть и речи!

– Да неужели? Ей нет и сорока, и она вполне может захотеть еще детей, твоих детей, которые будут носить твое имя.

Ангус резко ударил кулаком по столу, уронив к ногам Скотта резак для бумаги.

– Боишься за наследство? – хихикнул он с презрительной яростью.

Скотт понял, что задел чувствительную струну. Отец его вовсе не был простофилей, даже наоборот, в какой-то мере он не был лишен

цинизма, однако в последней фазе своей сентиментальной жизни вполне мог попасть впросак, поддаться чувству.

– Мое «наследство» это никак не может затронуть. До сих пор ты мне говорил, во всяком случае, что оно будет принадлежать мне в силу традиционных обязательств.

Наступило короткое молчание, во время которого они, набывчившись, не отрывали глаз друг от друга.

– Откуда столько враждебности? – наконец спросил Ангус. – Может, ты просто встал не с той ноги? Но уверен, со временем все между вами наладится.

Первая встреча Амели и Скотта действительно прошла не слишком хорошо. Оба мгновенно прониклись непонятной взаимной антипатией, и было заметно, что обоим неловко в присутствии друг друга. В глазах Амели Скотт представлял собой несомненное препятствие для планов, которые она строила насчет своих детей, а Скотт тоже не собирался скрывать неприязни к новой, неизвестно откуда взявшейся мачехе. Во-первых, она была на двадцать лет моложе отца, во-вторых, притащила с собой четверых отпрысков, а в-третьих, явно намеревалась вести себя в поместье как настоящая хозяйка.

– Все будет хорошо, пусть пройдет время! – стоял на своем Ангус.

Он произнес это с таким жаром, что Скотт был неприятно поражен изменением его тона. Неужели он на самом деле верил, что сляпанная таким образом «семья» сможет жить в гармонии? Неужели для того, чтобы «полюбить» друг друга, им будет достаточно совместного проживания? Но, что и говорить, Ангус, безусловно, имел право вступить во второй брак, он находился в собственном поместье и имел все основания диктовать другим свою волю.

– Мы еще поговорим об этом, – пробормотал Скотт.

Их дискуссия явно зашла в тупик, бесполезно было останавливаться на мелочах.

– Нет! – запротестовал Ангус, чья ярость словно обрела новую силу. – Для меня эта глава закрыта. Я жду от тебя как минимум вежливого обхождения с мачехой и доброжелательности по отношению к ее детям. Никакого другого поведения я не потерплю под моей крышей!

Лишний раз он напомнил сыну, что по-прежнему оставался главой клана. Клана, который давно считал слишком ничтожным по

численности и который благодаря ему только что значительно увеличился. Даже если он и собирался постепенно передать все свои дела по управлению поместьем сыну, то верховную власть над кланом он пока не собирался ему отдавать.

Скотт поднялся с места, изобразив на лице подобие принужденной улыбки, и вышел, не произнеся ни слова.

* * *

Кейт слушала, как мать расписывала ей изменения, которые собиралась произвести в ее комнате.

– Этот ужасный пожелтевший бархат мы заменим на светлый чинц^[2]. Тебе нравятся цветочные узоры? Или нет, скорее это будут розовые полосы на кремовом фоне с занавесками и подушками в тон.

– Но это же все будет так дорого стоить! – воскликнула Кейт, расширив глаза от удивления.

– Таких проблем у нас больше не будет, дорогая. Кроме того, я должна подыскать тебе красивый туалетный столик с большим зеркалом. Мне кажется, я видела нечто подобное в одной из незанятых комнат, а муж мне предоставил возможность делать в твоей комнате все, что мне вздумается, лишь бы это было тебе по вкусу. Признайся, это очень мило с его стороны! Если ты увидишь какой-нибудь предмет мебели, который тебе понравится, ты можешь установить его здесь. Например, тебе совершенно необходим хороший письменный стол, чтобы делать домашние задания...

Она ходила взад-вперед и все говорила, говорила... Но Кейт не разделяла ее энтузиазма. Зная мать, она понимала, что та все равно украсит спальню по собственному усмотрению. Тем не менее ей и самой не хотелось бы видеть здесь этот вылинявший бархат. Неужели это правда, что они могли распоряжаться любыми вещами в особняке, которые им понравились? Кейт не была уверена, что ее «тетя», которая держала бразды правления в доме до их приезда сюда, пришла бы от этого в восторг. А Скотт, интересно, как бы он к этому отнесся?

Как только она подумала о нем, то сразу перестала слушать мать. Вот здорово, что в особняке рядом с ней будет такой приятный и милый человек. Ангус внушал девочке страх, его кузен Дэвид – тоже,

Мойру она тоже слегка побаивалась, и только Скотт проявлял к ней искреннее дружелюбие.

И до чего же он привлекателен! Для девочки ее возраста он воплощал романтического героя, словно явившегося из ее любимых книг. Красивый, высокий, темноволосый, с сумрачным взглядом синих глаз, атлетического сложения, но в то же время стройный, с приятным мужским голосом и очаровательной улыбкой: не Скотт, а настоящее совершенство. Сам факт, что он считался теперь ее старшим братом, вызывал у нее восхищение.

– Ей-богу, ты опять о чем-то мечтаешь! – возмутилась Амели.

– Нет, я... думаю, что мне бы хотелось иметь еще ковер.

– Отличная мысль. Придется подыскать подходящий. Вот увидишь, как нам обеим будет здорово здесь иногда побыть вместе и повеселиться. Твоим братьям абсолютно наплевать на обстановку, в которой они находятся, меня это огорчает, конечно, но что я могу поделать?

Мать все время пребывала в уверенности, что не в состоянии справиться со своими тремя сыновьями, и охотно об этом говорила. Может, надеялась, что Ангус ей в этом поможет. По-видимому, он преуспел в воспитании Скотта, но ведь это был его собственный сын, а не три чужих подростка, чьи имена он с трудом мог запомнить.

Кстати, Джон, старший, по секрету сказал сестре, что никто из них не собирался подчиняться незнакомцу.

Однако, несмотря на свое нахальство, они все же избегали прямых столкновений с ним и покорно называли его отцом. Кейт применительно к Ангусу тоже использовала это слово, но отнюдь не выглядела при этом бунтовщицей.

– Я написала папе письмо, – робко призналась она матери. – Не могла бы ты дать мне его адрес?

– Нет у меня его адреса! – взвилась Амели. – Он прячется от меня, видимо, опасаясь, что я от него что-то начну требовать. Он давно и думать перестал о нас, бедняжка ты моя, смирись уж наконец с очевидным!

Кейт снова почувствовала комок в горле, тот, что у нее обычно предшествовал слезам. То, как мать говорила об отце, делало ее несчастной, она не хотела верить, что он настолько злой и подлый.

– В жизни никогда не надо оглядываться назад, это почти всегда бесполезно, – продолжала Амели. – Так как твой отец нас игнорирует, то и не стоит больше думать о нем. Радуйся тому, что мы здесь, что у тебя будет прекрасная жизнь и отныне ты будешь вести новое привилегированное существование. Могла ли ты представить даже во сне, что будешь иметь для одной себя большую спальню, да еще с таким чудесным видом? Все, что ты видишь из окна, принадлежит Ангусу, а сейчас – ты часть его семьи. Вскоре ты станешь одной из самых завидных невест в округе, вот посмотришь! Тебя будут всюду приглашать, тебя...

– Куда приглашать, мама? Здесь же вокруг ничего нет, это настоящая пустыня!

– Это наши *угодья*, надо различать такие вещи. И конечно же, в соседних поместьях находится множество людей. Глазго не так уж далеко отсюда, и как только ты научишься водить машину, ты ее получишь. Ну а пока я могу тебя туда отвезти. Там есть театры, музеи, столько разных магазинов! Это уже не тот чисто промышленный город сорокалетней давности: он стал современным, модным, говорят даже, что именно там находится лучшая музыкальная сцена Великобритании.

Кейт вздохнула, вспоминая Париж и подруг в Люксембургском саду, подумала о своих мечтах, которые она собиралась осуществить и которым так и не суждено будет сбыться.

– Послушай, дорогая, – примирительным тоном добавила мать, – ты же ничего не знаешь о Шотландии. Как и все англичане, твой отец не любил шотландцев, он их высмеивал, ничего толком о них не зная, рассказывал всякие нелепицы. На самом деле эта страна – прекрасна, и ты обязательно со временем ее полюбишь.

Отец? Кейт что-то не припоминала, чтобы тот когда-либо упоминал Шотландию – тему, которая якобы не должна была его интересовать. Нет, она не была заранее настроена против этой страны, в которую приехала, но перемена оказалась слишком резкой. Покинуть Париж ради Лондона было бы еще туда-сюда, но попасть в эту безбрежную «пустыню», простиравшуюся до бесконечности, кое-где усеянную холмами и кипами деревьев, с морем вместо горизонта...

– О, я надеюсь, ты сейчас не заплачешь?

Немота дочери доводила Амели до иступления. Она начинала терять терпение.

– Твои братья слишком шумные, но, по крайней мере, они полны радости жизни! Не будь такой замкнутой, дорогая, и перестань все время уединяться в парке. Тебе лучше спуститься вниз и посмотреть, как там Мойра готовит пирожные.

С этими словами, которые она сама считала ободряющими, Амели вышла из комнаты, оставив Кейт в растерянности. Мысль сходить в кухню вовсе не была ей неприятна – там всегда царили волшебные запахи. Но у нее были совсем другие планы. Девочке хотелось взобраться на верх крыши и побывать в беседке, венчавшей особняк. Братья утверждали, что оттуда открывался потрясающий вид. Сами-то они поднялись туда в первую же неделю, а вот Кейт никак не могла решиться побороть головокружение и боязнь высоты. Почему бы не сделать это именно сейчас? Опасности никакой, а возможно, ей удастся разглядеть Скотта где-нибудь в поместье? Она надела двубортное пальтецо-бушлатик, прислушалась как следует, затем выскользнула из комнаты и украдкой подкралась к лестнице.

* * *

Ангус, оставшись один в кабинете-курительной, стал размышлять над недавним разговором с сыном. Он любил Скотта и даже в какой-то степени восхищался им. В том же возрасте он не обладал ни его раскованностью и умением держаться, ни его внешностью чуть загадочного красавца. Конечно, сам он был далеко не единственным рыжеволосым среди подростков его поколения, однако заполучил в полной мере набор шуточек по этому поводу, что впоследствии сыграло по-своему роковую роль в его трудностях при общении с девушками. Он никогда не считал себя особенно соблазнительным, скрывая застенчивость под маской напускной агрессивности, но тем не менее имел у женщин некоторый успех. А потом появилась Мэри. Она-то и избавила его от всех комплексов, так как влюбилась в него.

Мэри! Она была настолько хороша, что все мужчины в округе пламенно желали ее. От Мэри-то Скотт и унаследовал ярко-синие глаза, гладкие, шелковистые темно-каштановые волосы, матовую кожу

и бесподобную, с легкой кривинкой улыбку. Когда Ангус смотрел на сына, он волей-неволей вынужден был вспоминать Мэри. Принять, что она исчезла навсегда, было невероятно болезненно, фантастически трудно, почти неприемлемо. Несмотря на все ее капризы, из которых самым красноречивым и нелепым была прядильная фабрика, несмотря на то что она совершенно отдалилась от Ангуса после рождения сына, ему было суждено обожать ее до своего последнего вздоха. Оставшись вдовцом, он с головой ушел в работу, время от времени наведываясь в Глазго, чтобы позволить себе немного «наслаждений», оплаченных по таксе, когда необходимость в этом уж слишком начинала себя проявлять. Ему потребовались долгие годы, чтобы снова начать осторожно интересоваться женщинами. Он совсем не умел ухаживать, снова стал застенчивым, а оттого и слишком бурным любовником. Но в скором времени Скотт значительно обскакал его по количеству подружек, ибо был девичьим любимчиком, что порой вызывало у Ангуса сумрачную зависть. Неужели ему суждено остаться никому не нужным вдовцом, в то время как его сын только множил свои завоевания? Смешное соперничество, не правда ли? Но на кону стояла мужественность, ничто иное, и он, не собираясь записывать себя в проигравшие, вышел на охотничью тропу. Сначала Ангус навестил кое-кого из старых друзей, что обеспечило ему несколько поездок, и в Париже наконец его подстерегла самая настоящая удача.

Встреча с Амели осталась в его душе восхитительным воспоминанием. Улыбаясь, она слушала его с огромным вниманием, ее большие глаза сияли. Он вновь почувствовал себя тем молодым человеком, который впервые сжал Мэри в объятиях. Невозможно было упустить этот второй шанс, который подарила ему жизнь. Конечно, все произошло поневоле быстрее, чем следовало бы, но Амели тоже, казалось, спешила не упустить столь прекрасный случай. Пара ужинов при свечах в ресторанчиках на Сен-Жермен-де-Пре, за которыми последовала их первая ночь: она проводила Ангуса до его гостиничного номера, а потом... было сплошное ослепление. Проснувшись рядом с ней, бодрый и помолодевший, он принял то единственное решение, которое только и могло за этим последовать. Какая разница, что подумает об этом Скотт, какие выводы сделает Мойра, да и вообще, каково будет мнение всех остальных. Разве так уж важно, что у нее оказалось четверо детей? Так ли это существенно,

если она слегка и преувеличила свою внезапную страсть к нему? Во всяком случае, сделала она это просто восхитительно, а если у нее и были основания для извлечения выгоды из этого брака, то уж у него тем более они имелись. Никто не мог проиграть в этой слишком поспешной, на первый взгляд, женитьбе. Кстати, со временем взаимная признательность могла обернуться подлинной нежностью, и между ними могли завязаться поистине прочные и любовные супружеские отношения.

Амели отлично вела свою партию, она так часто занималась с ним любовью, как он этого хотел. Она вела себя как настоящая подруга жизни, и поместье Джиллеспи вроде бы ей очень нравилось. Вместе с тем ей, разумеется, не терпелось вырвать из рук Мойры бразды правления особняком. Придется ли ему в случае обострения ситуации делать выбор между ними? Но пока ему вполне удавалось делать вид, что он не собирается принимать никакого участия в этих «женских распрях». И притом ни за что на свете он не согласился бы удалить сестру из поместья – слишком уж многим он был ей обязан.

Озадаченный, Ангус стал слегка поигрывать с резакром для бумаги, который обронил чуть раньше, разозлившись на Скотта. То, что сын осуждал его решение, раздражало Ангуса. Конечно, он заранее мог предположить, что первая реакция сына будет негативной, но со временем все должно было прийти в порядок. И кузен Дэвид тоже должен будет перестать удивляться каждый раз, когда станет наткаться в очередной раз на Амели за углом коридора или аллеи в саду. Теперь все должны были называть ее не иначе как леди Джиллеспи – так всем было велено!

Что касается Скотта... Неужели он чувствовал для себя угрозу в его новой семье? Думал ли он всерьез, что отец перенесет свою привязанность к нему на этих троих отпрысков новой супруги? Какая глупость! По мнению Ангуса, в Джоне, Джордже и Филипе не было ничего хоть мало-мальски привлекательного. Наглые, даже неуправляемые, подростки, которых лучше всего было бы засадить в какой-нибудь пансион, если когда-нибудь Амели даст на это согласие. Правда, когда он об этом заговорил, она сказала, что не готова пока расстаться с ними, а он и не стал настаивать, ведь за их учебу придется расплачиваться-то ему. Представить только, что он должен будет выложить столько же, сколько выложил в свое время за обучение

Скотта, да умножить все это на три, а то и на четыре, это же уму непостижимо! Итак, ладно, пусть возится со своими отпрысками, пока они не начнут серьезно портить ему жизнь. Впрочем, если бы он оставался достаточно отстраненным от этих троих бузотеров, Скотт сразу бы понял, что в смысле привязанности отца ему ничего не грозит. Да и что с них взять, с этих сынков *англичанина*! Да к тому же, вероятно, довольно мерзкого типа, который без зазрения совести послал к черту четверых своих кровных детей. Правда, несчастные не были в этом виноваты, а вот Амели, должно быть, страшно страдала, оставшись один на один с такой оравой. С этой точки зрения Ангус оказывался едва ли не в роли спасителя их судеб – роль, которая ему вполне подходила.

– Скотт, тебе придется привыкнуть, – процедил он сквозь зубы.

До сих пор все у них шло как по маслу. В сознании Ангуса у него всегда был единственный наследник, которому он с наслаждением передаст все свои дела. Естественно, самыми прибыльными были винокурни, приносявшие наибольший доход. Ему он собирался передать также поля и отары овец, не говоря уже о злосчастной прядильной фабрике. Он уже заказал и герб для Скотта. Тот принимал на себя все больше и больше обязанностей и никогда не заговаривал, что изберет для себя иное ремесло.

Если не считать того, что он сказал сегодня... Провокация? Случай продемонстрировать свое сожаление? Неужели он и вправду хотел себе иной судьбы, чем та, которая ему была предначертана? Или собирался намекнуть, что, взяв в руки факел, он не собирается никогда передавать его кому-то другому?

Отчего-то вдруг почувствовав себя дурно, Ангус отбросил резак и поднялся. Он решил позволить себе выкурить сигару, чтобы немного успокоить разгулявшиеся нервы. Зря, возможно, он так все распланировал, рассчитал, как оно будет заранее. Вторжение Амели и ее отпрысков могло внести непоправимые изменения в их жизнь. Супруга, да еще страстно желанная каждую ночь супруга, вполне могла сделать Ангуса более уязвимым. И Скотт прекрасно это понимал.

Осторожно открыв коробку с сигарами, он выбрал одну, поднес ее к носу, слегка размял пальцами, потом вернулся и сел. Крошечной двойной гильотинкой он аккуратно срезал кончик сигары, чтобы не

развернулись начала свернутых листьев. Каждый раз он исполнял этот священный ритуал, когда выкуривал сигару, несмотря на строжайший запрет его врача. Тот был его другом и прекрасно понимал, какое это удовольствие, вплоть до того, что иногда составлял ему компанию и тоже выкуривал сигару вместе с ним. Ангус поджег сначала ободок, затем сердцевину сигары и с наслаждением вдохнул дым. В отличие от Мэри, Амели, похоже, нравился запах сигар. Может, она говорила это, чтобы доставить ему удовольствие? Как бы то ни было, все же Ангус предпочитал блаженствовать в одиночку в своей курительной комнате.

Сквозь голубоватые завитки он взглянул в сторону окна. Ночь уже входила в свои права. Мойра, наверное, сейчас хлопотала всюду на кухне. Если, конечно, Амели не вызвалась ей помочь там, среди горячих плит и духовок. Еще одна головная боль впереди... Он вздохнул, перед тем как снова взять в рот сигару. Не лучше ли было в самом деле обзавестись постоянной любовницей где-нибудь в Глазго или другом городе, а не приводить законную жену под крышу Джиллеспи? Он, превыше всего ценивший стабильность и налаженный годами неизменный ход вещей, сунул голову в пасть ко льву. Но возможно ли было сопротивляться чувствам? Помимо плотских радостей, как же приятно было знать, что тебя любят или, во всяком случае, хотя бы ценят, ласкают, проявляют к тебе нежность, разве это можно было принести в жертву? И он слишком долго прожил в одиночестве, чтобы теперь иметь полное право хоть ненадолго насладиться этим.

Привалившись к спинке кресла, он закрыл глаза. Он был бароном и лэрдом^[3], этот последний титул соответствовал английскому рыцарю. Его все уважали, счета в его банках находились в завидном состоянии, бизнес процветал. Со временем его заменит сын, и очень скоро он получит свое законное право наслаждаться лишь игрой в гольф, охотой, пламенными любовными ночами. Можно ли требовать от жизни большего? Счастье его было полным, и он никому не позволит ему его испортить.

Первый год, проведенный в Джиллеспии, был трудным для Кейт. Школа показалась ей подходящей, она получала довольно хорошие оценки, но подружками не обзавелась. Возвращаясь с занятий по вечерам, она садилась в школьный автобус, который высаживал ее на условной остановке посреди полей, где она выходила одна-одинешенька. На этой «остановке» ее встречали на машине Дэвид или мать, чтобы потом отвезти в особняк. Изредка, и в таких случаях сердечко Кейт начинало биться часто-часто, она издали видела черный джип «Патриот», принадлежавший Скотту. Обычно он открывал дверцу, вставал на подножку и делал ей знак рукой, будто бы она могла его не узнать! За слишком короткую дорогу к дому он успевал ей задать несколько вопросов, делая для этого радио потише, и всегда приветливо улыбался. Но кроме этих редких случаев, она видела Скотта лишь во время еды, да и то, если он не отсутствовал на трапезе, что тоже случалось довольно часто.

Дела в их семействе шли, можно сказать, скверно. Джон, Джордж и Филип учились плоховато, объясняя свои результаты множеством разных причин. Их послушать, так учителя новичков откровенно не любили, ученики дразнили презрительно «жалкими англичанами», да и школьные задания оказались слишком трудными. Мать очень огорчалась, в то время как Ангус лишь молча поднимал глаза к небу. До сих пор он ни во что не вмешивался, считая, что это не его дело, и мальчишки этим пользовались. Тем не менее они его побаивались и старались вести себя как следует хотя бы за столом. Амели с Мойрой так и не удалось найти общий язык. Амели изо всех сил пыталась всем управлять, но у нее ничего не получалось, в результате большую часть желанных прерогатив ей пришлось уступить золовке. Да что и говорить, поварихой Амели была плохой, и помимо нескольких французских рецептов, которыми очень гордилась, она почти ничего не умела готовить. А ведь к обеду их собиралось за столом по меньшей мере восемь человек, даже девять, если присутствовал и Скотт, а это требовало огромного количества еды и нескольких часов готовки. Однако Амели куда больше любила заниматься украшением дома и

меблировкой, чем стряпать супы из дичи или кромсать потроха для «отвратительного» хаггиса^[4].

Ангус все больше занимался охотой, предавался любимой игре в гольф либо закрывался в курительной комнате и беседовал со Скоттом. Он любил принимать у себя друзей, часто приезжавших издалека и остававшихся на ночь в особняке, расположившись в одной из многочисленных незанятых комнат. В качестве ответных визитов они с Амели тоже получали приглашения, и он обожал щеголять под ручку с молодой женой. Во время этих отлучек он требовал, чтобы все заботы о семье брал на себя Скотт, ибо знал, что Мойра не имела над всеми необходимой для их укрощения власти, а уж Дэвид тем более.

Сначала Джон, Джордж и Филип пытались изображать мышей, которые ударяются в пляс, едва коту стоит уйти из дома, так что в конце концов Скотту пришлось призвать их к порядку. Он бы очень не хотел выглядеть ни тираном, ни слишком строгим старшим братом, но три нахальных подростка безумно раздражали его. Ленивые, разболтанные, шумные, они постоянно ругались, кроме тех моментов, когда против кого-то объединялись. Одной из самых их любимых целей была Кейт, и они развлекались, не жалея сил, подстраивая ей всякие гадости, например, обдумывая, как бы посильнее ее напугать ночью, куда спрятать ее школьные тетради или разрезать ей носочки. Привыкшая к этому с рождения, Кейт все терпела, думая лишь об одном, как бы ей не выдать своего влечения к Скотту. Если бы, не дай бог, братья догадались об этом, ее жизнь превратилась бы в ад. Однако она ничего не могла поделать: Скотт занимал и все ее мысли, и все ее маленькое сердечко. Кейт уже исполнилось четырнадцать лет, и ее фигурка стала преображаться, становясь девичьей. Долгое время она считалась слишком миниатюрной для своего возраста, однако теперь стала настоящей девушкой-подростком, заодно и познав первые душевные порывы.

Скотт, естественно, ничего этого не замечал, он продолжал видеть в ней ребенка, всегда проявляя к ней заботу и доброту, и ни на миг не задумывался о том, что являлся объектом ее обожания. Первый год совместного проживания был и для него непростым испытанием: мачеха не вызывала в нем ничего, кроме откровенного недоверия. Стараясь как можно реже испытывать на себе давящую атмосферу особняка, он часто уезжал в Глазго, чтобы встретиться там с

товарищами. Его прежние однокашники по пансиону составляли довольно большую группу, к которой регулярно присоединялись новенькие, и весь этот молодняк, только вступающий в жизнь, с удовольствием обменивался друг с другом уже имевшимся у него жизненным опытом на вечеринках, где вино лилось рекой. Скотту было хорошо в этой компании, он был общительным и восторженным юношей, и уж, конечно, от девушек не укрылись ни его бесподобные синие глаза, ни очаровательная улыбка. И если он не стремился распространяться о жизни в поместье, то с удовольствием рассказывал о винокурнях, работа в которых, казалось, вызывала у него все возрастающий интерес. То, что он прежде принимал за неприятную нагрузку, на деле оказалось увлекательнейшим занятием. Он уже рассматривал разные способы усовершенствовать производство, излагая их отцу, начинал завязывать более тесные отношения с его партнерами по виноделию и опытными служащими. А вот прядильное дело, честно говоря, ставило его в тупик. Ткачество тартанов^[5] очень вдохновляло его мать, но только не его. Тем не менее он чувствовал себя обязанным уважать ее память и, следовательно, не запускать производство, держать его на плаву. Вот кого ему для этого не хватало, так это хорошего дизайнера. Он рассказал об этом своему лучшему другу Грэму, с которым проучился почти целиком весь курс в свое время в университете, и тот представил ему молодую и красивую женщину. Звали ее Мэри, и тот факт, что она носила то же имя, что и его мать, очень позабавил Скотта. Увидев в этом «перст судьбы» и оценив ее рекомендации, он предложил ей работать у него на фабрике. Несмотря на то что Мэри была еще начинающим дизайнером, она уже добилась некоторых успехов в солидных фирмах, но главное, она была хорошенькая, умная и воспитанная.

И вот в один прекрасный момент, когда они, работая вместе на фабрике, склонились над эскизом, обсуждая его, Скотт и Мэри вдруг поняли, что они по-настоящему нравятся друг другу. Однако, чтобы избежать сплетен на работе, они решили, что будут встречаться только вне поместья. В Глазго они стали обходить стороной центральные пабы, такие как «Лошадиный башмачок», «Бабочку» и «Свинку», где могли легко встретить кого-нибудь из своей компании, а предпочитали скрываться где-нибудь в небольших ресторанчиках Вест-Энда^[6] и проводить вечера один на один. У Скотта уже имелся кое-какой

любовный опыт, и не впервые его сердце билось от страсти, однако он сразу догадался, что с Мэри все будет иначе, чем то, что он знал прежде. Она была блондинкой, носила очень короткую стрижку и лишь слегка подкрашивала большие голубые глаза. Как того и требовала ее профессия, одевалась она не только с большим вкусом, но и с оттенком оригинальности. Предыдущие контракты привели ее сначала из Эдинбурга в Дублин, а затем в Лондон. И хотя, разумеется, она мечтала о Париже, похоже, в данный момент ей совсем неплохо было и в Глазго.

В течение нескольких месяцев Скотт чувствовал себя очень сильно влюбленным, однако ему было всего двадцать три года, и он не стремился слишком поспешно надевать на шею хомут. Что же касалось Мэри, той было уже двадцать пять, и она надеялась, что эта связь рано или поздно приведет их к браку, но при этом девушка старалась избегать и малейших намеков на это. Она жила в крохотной квартирке рядом с университетом, где частенько Скотт оставался на ночь. Когда это случалось, он вставал еще до рассвета, чтобы успеть к утру приехать на одну из винокурен. И если он еще ни разу не пригласил Мэри в Джиллеспии, то они уже вместе стали принимать участие в совместных вечеринках с друзьями, в глазах которых выглядели настоящей парой.

* * *

– Оставлять тарелку чистой после себя – это самый минимум вежливости за столом, – напомнил Скотт.

Сидевший напротив Джон лишь смерил его недовольным взглядом и скрестил на груди руки, не отвечая.

– Если ты не голоден или плохо себя чувствуешь, можешь выйти из-за стола и лечь в постель.

Джон поднял глаза к потолку, но остался сидеть на стуле, очевидно, решив позлить Скотта.

– Что-то не так, Джон?

– Мне не нравится твое поведение тюремного надсмотрщика, – произнес подросток по-французски.

– Ну что ж, я не знаю этого слова, но, полагаю, в нем содержится что-то очень неприятное.

Скотт хорошо говорил по-французски, что, казалось, сильно удивило троих сыновей Амели. До сих пор они использовали родной язык как секретный код, убежденные, что никто из Джиллеспи их не понимает. Пожав плечами, Джон решил снова вернуться к английскому.

– Ты не имеешь права мне приказывать, Скотт! Я разрешаю это делать только матери, да и то не всегда.

Он сделал это заявление, перемежая его вызывающим хихиканьем, а затем грубо отодвинул тарелку. Из троих он был самым наглым и всегда озвучивал свои гадости, служа братьям хорошим примером.

Скотт бросил взгляд на Мойру, которая, поджав губы, ожидала, чем закончится перепалка, Дэвид по своему обыкновению делал вид, что находится в другом месте, Кейт сидела, опустив глаза, с пылающими щеками.

– Если ты хочешь драться, то у нас разные весовые категории, предупреждаю. Ты должен понимать, что я вовсе тебе не приказываю, а прошу прилично себя вести во время совместной трапезы. Мойра каждый раз тратит столько сил, чтобы накормить всех нас...

– Но это же не еда, а отравка какая-то! – взорвался подросток. – Да уж точно, Шотландия никогда не блистала гастрономией, но я одного не пойму: как вы можете все это есть?

Скотт встал, обогнул стол и, подойдя ближе, схватил Джона за локоть.

– Убирайся отсюда, – сказал он, заставив его тоже встать со стула.

Когда они находились рядом, было видно, что Скотт выше Джона больше чем на голову. Было ясно, что, если они сцепятся, подростку победы не одержать. Похоже, Джон тоже это понял и, несмотря на всю свою ярость, пошел к двери.

– Ты еще пожалеешь об этом! – бросил он через плечо.

Они слышали, как он большими шагами пересек соседнюю гостиную, потом раздался грохот разбитого стекла. Скотт тут же выскочил из столовой и обнаружил Джона среди обломков великолепной китайской лампы.

– Я не нарочно, – возвестил тот голосом, в котором явно сквозила ирония. – Надеюсь, это не была твоя любимая ваза?

Скотт молчал две-три секунды, за которые подросток успел кое-что добавить:

– А знаешь что, Скотти? Твой отец обожает мою мать, а моя мать обожает меня... Так что я буду делать здесь что хочу, нравится тебе это или нет.

– Не смей называть меня никакими уменьшительными именами, ясно? – спокойно ответил Скотт. – Ты сам скоро поймешь, что никому не позволено делать что угодно под этой крышей. Став Джиллеспы, ты вошел в семью уважаемых и аристократичных людей, а сам-то ты кто? Всего лишь обыкновенный сопляк, дурно воспитанный и трусливый. Мама его, видите ли, не будет ругать! Да сколько тебе лет, чтобы ты мог говорить как маленький ребенок?

Из столовой не доносилось ни звука, смолкли все разговоры, наверное, чтобы слышать спорщиков. Задетый за живое последними словами Скотта, Джон совершил непростительную ошибку. Он бросился на него, вскинув кулак, но промахнулся и, увлекаемый своим порывом, плюхнулся в кресло с высокой спинкой.

– До чего ты жалок, – проговорил Скотт, покачивая головой.

Обиженный, опьяненный яростью, Джон вскочил на ноги. В его глазах читалось такое страстное желание отомстить, что Скотт понял, что отныне они стали настоящими врагами. Он не знал о том, какотреагирует его отец, узнав о случившемся, но догадывался, в каком затруднении окажется Амели, тем более что сын постарается изложить инцидент в выгодном для него свете.

– Отправляйся спать, – бросил он, крайне раздосадованный.

Для него сущим мучением было видеть, как Ангус расстилается перед женой, хотя он и пытался с этим смириться в первое время. Но прошло уже столько месяцев, а он так и не смог. И теперь он задавался вопросом, как долго его отец еще будет пребывать в этом ослеплении? Вполне отчетливо формировались два непримиримых клана. Интересно, к какому примкнет его отец? Обстановка неприязни между его собственным сыном и пасынками накалялась с каждым днем все больше и больше, и рано или поздно все это должно было вылиться в грандиозный скандал.

Скотт вернулся в столовую, встреченный язвительными взглядами Джорджа и Филипа.

– Мы, пожалуй, пойдем к себе, – проворчал Джордж. Он сказал это вполголоса, и его тарелка была абсолютно пуста. Скотт кивнул, давая разрешение, а Джордж потащил за собой и брата. В наступившей тишине Кейт пробормотала:

– Мне очень жаль...

– Не извиняйся, ты тут ни при чем.

– Они всегда были ужасны! По отдельности каждый еще ничего, но когда собираются вместе... Мойра, все было просто восхитительно.

Скотт с удовольствием наблюдал за девушкой, видя сколько забавных усилий она предпринимает, чтобы восстановить мир.

– Спасибо, милая, – ответила Мойра, улыбаясь. – Не знаю, так ли уж это получилось восхитительно, но точно не было «отравой».

Выходка Джона больно ранила ее, и, вероятно, ей следовало готовиться к продолжению. Скотт догадывался, что и для нее ситуация была не из простых. Что ей следовало передать в ведение Амели, а что не следовало ни в коем случае? Раз она сестра хозяина, было ли ее положение менее престижным, чем положение его законной супруги? Подавив вздох, она обменялась взглядом со Скоттом. В присутствии Кейт им невозможно было поговорить свободно.

– Давайте я принесу десерт, – предложила девушка, которая словно догадалась об их затруднительном положении.

Она пошла в кухню, и Мойра успела этим воспользоваться, чтобы шепнуть Скотту:

– До чего она очаровательна, полная противоположность братьям!

– И она ко всему сумела приспособиться, – добавил Скотт.

Дэвид словно вышел из оцепенения: он выпрямился и начал улыбаться.

– Милая девочка, я согласен. Она обожает парк и часто приходит поболтать со мной. К тому же она прелестна, как птичка. Сам Ангус смягчается, когда с ней разговаривает.

Дэвид никогда не говорил ни о ком плохо. Тем не менее его последняя фраза была намеком на властный характер Ангуса, который он в течение долгих лет испытывал на своей шкуре. Но для него, как и для Мойры, возможность жить в Джиллеспи представляла большую удачу. Что бы они делали сейчас без щедрости своего брата и кузена?

Ангус радушно принял их, предоставил им реальное место в клане, спас их от одиночества. Конечно, и они были ему полезны, поскольку отвечали за управление как особняком, так и всем, что его окружало, и возможно, великодушные Ангуса сочеталось с определенным эгоизмом, однако такое положение вещей всех устраивало.

Когда Кейт вернулась, неся *кранахан* – шотландский сливочный десерт, сдобренный малиной и spryнутый виски, Скотт заметил, что действительно она стала просто восхитительной. По сравнению с прошлым годом, когда она сюда приехала, девушка сильно изменилась, выросла, ее по-детски неопределенные черты лица оформились в прелестное девичье личико. Он словно впервые увидел ее большие карие глаза с золотыми крапинками, окаймленные длинными ресницами, красиво очерченные губы, нежную, хотя и немного бледную, кожу. Через какое-то время она сокрушит не одно мужское сердце, но пока ей было всего лишь пятнадцать лет, и наверняка она еще и думать не думала о любви.

Она повернула к нему голову, и их взгляды встретились, страшно смутив Кейт, которая тут же залилась румянцем.

– В этом торте очень мало алкоголя, – усмехнулся он, – тебе тоже можно его есть.

Удивительная застенчивость девушки-подростка вызвала у Скотта прилив нежности к ней. Скотт всегда старался, чтобы ей было здесь как можно комфортнее. Трудно было поверить, что она воспитывалась тем же человеком, что и ее братья. А между тем Амели уделяла дочери куда меньше внимания, слишком занятая тем, чтобы обихаживать любимых мальчиков. От кого Кейт переняла эти изысканные манеры, изящную и сдержанную улыбку? Неужели от ее таинственного отца, о котором она никогда не говорила?

– Когда ты готовишь этот десерт, ты – моя самая любимая тетя на свете! – заявил он, подмигнув Мойре.

Он с удовольствием заметил, как она оживилась вне себя от счастья, что получила долгожданный и столь искренний комплимент.

– А теперь, – добавил он, – если вы, конечно, простите меня, я должен уйти. Сегодня я ночую в Глазго и завтра, вероятно, тоже.

– Будь осторожней на дороге, – машинально заметила Мойра.

Подойдя и поцеловав ее, он шепнул ей на ушко:

– Ну что, ты справишься сама?

– Ангус и Амели вернутся утром. Надеюсь, до этого времени все будет хорошо.

Попрощавшись с Дэвидом, проходя мимо Кейт, он легонько похлопал ее по плечу.

– Скотт! – окликнула его Мойра. – Когда же ты представишь нас всех Мэри?

Кейт впервые услышала имя таинственной подруги Скотта, и ей показалось, что ее ударили прямо в сердце.

– Я не хочу приглашать ее сюда... пока... – ответил Скотт вполголоса.

Кейт поняла, что он имел в виду ее мать, братьев, может, и ее тоже. Сама мысль о том, чтобы представить своей подружке весь этот шумный и не слишком воспитанный мир, должна была вызывать у него раздражение.

– Ангус пришел бы в восторг, зная, что ты обручен, – пошутила Мойра. – Ведь он ждет с нетерпением, когда ты наделаешь много-много маленьких Джиллеспи!

– Я пока не на той стадии.

Уставясь на свою тарелку, Кейт больше не хотела на него смотреть. Интересно, выглядел ли он счастливым, когда говорил об этой Мэри? Спешил ли он поскорее уехать, чтобы пораньше встретиться с ней? Это у нее он оставался на ночь в Глазго? Тысячи вопросов, самых разных, теснились в ее головке, а некоторые заставляли гореть ее нежные щечки. Когда она осмелилась поднять голову, оказалось, что Скотт уже ушел, и сразу мир наполнился пустотой. Мойра любезно предложила ей съесть еще порцию десерта, и она поспешила согласиться, надеясь, что виски поможет ей быстрее заснуть. Каждым вечером, лежа в постели, она думала о Скотте, мечтала о нем, выдумывала разные прекрасные истории. Она понимала, что это всего лишь бесплодные мечтания, что Скотт не будет ей предназначен жизнью, но не могла помешать себе мечтать о нем все смелее и смелее. Жизнь под одной крышей, безусловно, подогревала эти мечтания, каждая обращенная к ней улыбка лишь усиливала ее одержимость, а как же теперь? Теперь все будет гораздо хуже, ведь она знает, что другая покорила сердце Скотта, и будет постоянно терзаться ревностью. Ведь она была абсолютно бессильна перед судьбой: во-первых, ей еще не исполнилось и пятнадцати, а во-

вторых, она была дочерью Амели, и оба препятствия были непреодолимыми! Через несколько месяцев или лет ей предстоит присутствовать на свадьбе Скотта, возможно, она даже будет подружкой невесты, и ей останется только пожелать им обоим счастья!

Расстроенная, она постаралась отогнать мрачные мысли, встала и принялась помогать Мойре убирать со стола.

* * *

Как всегда, элегантная, Мэри была одета в очень коротенький килт, черные плотные колготы и высокие сапоги. На ней было одно из последних ее творений: кремовый свитер с большим воротом «хомут», отделанный серебристыми нитями.

– Ты потрясающа... – прошептал Скотт, сжимая ее в объятиях.

Он говорил ей эти слова каждый раз при встрече с обезоруживающей искренностью.

– Налить тебе виски? – спросила она. – Как ты уже заметил, я на этот раз выбрала «Джиллеспи»! Пришлось немало потрудиться, чтобы найти, ведь вы поставляете его в очень ограниченном количестве... Как дорого?

– Скользкая. Мокрая. Но пока не обледеневшая. Мне кажется, к завтрашнему утру стоит быть особенно внимательными.

Завтра утром они планировали вдвоем поехать на своих машинах до фабрики, где Скотт собирался провести утро, прежде чем отправится на одну из своих винокурен в Гриноке^[7].

Пока она готовила бокалы, он не отрывал от нее взгляда, счастливый, что находится рядом. Маленькая квартирка Мэри была современной, уютной и какой-то жизнерадостной. Необычная обстановка для Скотта, привыкшего к внушительной мебели особняка, его огромному пространству, закоулкам и крытым галереям.

– Старший из сыновей Амели вчера вечером снова устроил скандал. Да еще и воспользовался этим, чтобы разбить очень ценную китайскую лампу.

– До чего же отвратительный мальчишка!

– Если бы я в его возрасте позволял себе такое безобразие, мне быстро бы объяснили, что к чему. Но теперь отец совсем околдован

новой женой, он ни во что не вмешивается и закрывает на все глаза.

– Если лампа стоила дорого, он их снова откроет, – шутливо предсказала Мэри.

– Не уверен. Амели найдет для сынка оправдание. Она не понимает, что, потакая детям во всем, скоро сделает их просто невыносимыми. Я говорю о мальчишках, разумеется, потому что Кейт – очень милая девочка.

– Хотелось бы мне однажды со всеми ними познакомиться.

– Действительно?

Мэри протянула ему свой бокал и подождала, пока он поднимет на нее глаза.

– Да, действительно.

Она не понимала, почему он до сих пор ни разу не свозил ее в поместье Джиллеспы. Фабрика была совсем рядом с особняком, но Скотт никогда не приглашал ее туда, хотя бы просто, чтобы позавтракать.

– Думаю, что в твоем возрасте ты имеешь право завести подружку, да к тому же я еще и одна из твоих сотрудниц!

Мгновение он колебался, подыскивая наименее обидный ответ.

– Мой отец не очень... современный человек. Если я приглашу тебя в особняк, он увидит в этом едва ли не официальную помолвку и примет тебя с такой помпой, что ты будешь поражена. Пока я еще не представлял ему ни одну из моих подруг, только приятелей. Он всегда рад, когда они приезжают, но тут же приводит их в ужас своими допросами по поводу их будущего, политических взглядов и мнений насчет независимости Шотландии!

Он надеялся, что Мэри улыбнется ему после этих слов, однако увидел на ее лице полную сомнений гримаску.

– Мэри...

Встав с дивана, он подошел к ней и взял ее за руки.

– Пока нам не стоит задумываться о более серьезных вещах, достаточно пользоваться сегодняшним моментом и чувствовать себя счастливыми. Так давай же наслаждаться настоящим, согласна? Я люблю тебя, Мэри, и мне очень хорошо с тобой.

Без сомнения, она надеялась на что-то еще, кроме этого банального заверения, и потому ничего не ответила, а только прислонилась головой к плечу Скотта.

– Я только начинаю зарабатывать себе на жизнь, – продолжил он тихим голосом. – Да, меня назначили управляющим фабрикой, но на винокурне я пока обычный служащий.

– Но ты же все время там работаешь!

– Пока я себя ничем не проявил. Отец очень ревностно относится ко всему, чем занимается, и ждет от меня наилучших результатов, опасаясь, что я принесу ущерб делу из-за нерадения или некомпетентности. Но у меня не так много места для маневра: с одной стороны, он требует, чтобы неукоснительно соблюдались все заведенные им много лет назад порядки, а с другой – ждет от меня нововведений. Ведь он знает, что мир быстро меняется и что, возможно, скоро многие его опередят, но пока он до конца во мне не уверен. Ему самому пришлось бороться за то, чтобы его отец передал ему факел в эстафете, и он не собирается преподносить мне его на блюде с голубой каемочкой.

– Но в то же время он дает тебе полную свободу действий, не так ли? Ты говоришь, что он только и занимается, что своей женой, игрой в гольф да охотой...

– И притом каждый день вызывает меня в свой кабинет для отчета. Мне ведь только еще будет двадцать четыре года, и отец считает, что рановато мне всем заправлять.

– Но твоя личная жизнь касается только тебя.

– Я женюсь, только когда у меня будет для этого достаточно средств, не раньше.

Он сказал это таким резким тоном, что Мэри поневоле отодвинулась от него, а он не сделал ничего, чтобы ее удержать. Почему же тогда, если Скотт настолько в нее влюблен, он не хочет рискнуть? Ведь это было единственным способом убедить ее в серьезности своих чувств! А вместо этого Скотт не только не собирался жениться, но даже и помыслить не мог об этом. Неужели все мужчины настолько нерешительны в отношении женитьбы? Скотт производил впечатление очень независимого человека, наверняка он будет отстаивать свою свободу любой ценой. Он и представить не мог, что, например, из этого Джиллесли, где он родился и все время жил, можно было просто уехать куда-нибудь в другое место и находиться там с женой и детьми. На самом деле если уж Скотт о чем и думал, то только о том, чтобы снять себе небольшую квартирку-студию и

поселиться в ней одному. Может, стоило поискать где-нибудь поближе к Гриноку, на побережье, чтобы быть рядом с винокурней, или в самом Глазго, в котором ему очень нравилось, где он мог веселиться с друзьями. После многочисленных вечеров, проведенных вдвоем, Мэри и Скотт вновь вернулись в свою тесную и непринужденную компанию приятелей, с которыми ходили на концерты и в пабы. Но разве сможет женщина когда-нибудь понять, что мужчине хочется иногда иметь собственную «берлогу», для себя одного? Разве нельзя просто приглашать друг друга в гости время от времени...

– Как жаль, что мы не мечтаем об одном и том же, – вздохнула Мэри.

Она отошла от него и теперь стояла у окна, наблюдая за жизнью улицы, где царило необыкновенное оживление. На мгновение он испугался, что Мэри сейчас скажет что-то, что может положить конец их отношениям. Он не намеревался потерять ее, он просто хотел, чтобы она проявила больше терпения. Ведь она была всего на два года старше, почему же она так спешила?

Когда она обернулась, он вновь был поражен ее красотой. Изящные мелкие пряди светлых волос короткой стрижки обрамляли безупречно изящное лицо: тонкий носик, миндалевидные глаза, прекрасно очерченные губы. Каждый раз, когда он ее раздевал, у него дух захватывало от ее идеально круглой груди, тонкой талии, пышных бедер и плоского живота. В глазах посторонних мужчин, когда они на нее смотрели, вспыхивало желание, а так как она всегда была одета, чтобы подчеркнуть достоинства фигуры, то среди других женщин всегда была самой притягательной. Уверенная в себе, очень женственная, всегда улыбающаяся, она ему понравилась с первого взгляда, и желание Скотта к ней не угасало с тех пор, а лишь разгоралось сильнее. Он приблизился к ней и, обняв, проговорил:

– Во всяком случае, сейчас я просто мечтаю заняться с тобой любовью. Ты – самая красивая женщина из всех, кого я знаю.

Стоя позади нее, Скотт крепко держал Мэри в своих объятиях, он поцеловал ее в затылок, в ушко, однако вместо того, чтобы подхватить любовную игру, она сказала:

– Раз уж мы не можем встретиться с твоим отцом, я хотела бы познакомить тебя с моим. О, не бойся, это тебя ни к чему не обяжет, просто он очень интересуется парнем, с которым я встречаюсь.

Согласишься ли ты как-нибудь провести выходные со мной в Эдинбурге? Я пообещала, что буду там к концу месяца, но нам вовсе не обязательно жить у родителей. Мы можем снять номер в отеле, а их просто пригласить поужинать с нами.

Скотт застыл расстроенный. По строгим канонам воспитания, которые преподавал ему Ангус, познакомиться с родителями девушки было равнозначно тому, чтобы попросить у них ее руку и сердце. В противном случае как же он сможет чувствовать себя непринужденно перед человеком, который будет на него смотреть и думать при этом: «Вот тип, который спит с моей дочерью».

– Ты и в этом мне отказываешь? – настаивала Мэри.

– Да нет, что ты, никаких проблем, – выдавил он.

– Они живут недалеко от Шарлотт-сквера, знаешь, где это?

– Прекрасный район...

– Я скучаю по Эдинбургу, я была там очень счастлива.

– Так почему ты оттуда уехала?

– Окончив учебу, я захотела попутешествовать, повидать другие места. Дублин и Лондон – чудесные города, но я всегда скучала по Шотландии.

– А как ты оказалась в Глазго?

– Я подписала там контракт с одной фирмой, который как раз закончился, когда мы с тобой впервые встретились. И тут ты предложил мне работу!

На ее лице появилась нежная улыбка, словно Мэри вспомнила тот счастливый момент, который до сих пор вызывал у нее волнение.

– Во время собеседования ты едва на меня смотрел, тебя интересовали только мои эскизы и резюме, но я просто пожирала тебя глазами, молясь, чтобы ты меня взял. Такие красавчики шефы не каждый день попадаются!

– «Красавчик»? – повторил он с гримасой.

Потом разразился смехом, забыв о своей досаде. В конце концов, к чему мог обязать его обычный ужин с родителями Мэри? Зачем создавать из всего непреодолимые препятствия? Она так хотела этой встречи, что Скотт подумал, что не стоит лишний раз ее разочаровывать.

– Джон не десятилетний мальчишка, которого запросто можно отправить спать, – протестовала Амели. – Скотт по отношению к нему повел себя бестактно и глупо.

Ангус кивнул, все еще надеясь избежать сцены, однако Амели на этом не остановилась:

– Стоит нам с тобой куда-нибудь отлучиться, как он начинает вести себя с моими сыновьями как тиран. Чтобы Джон нарочно разбил лампу? Да это же просто чушь несусветная, он скоро будет совершеннолетним, ты хоть это понимаешь?

– Позволь заметить, что я уверен, что хаера^[8] ему не видать как своих ушей. А если он его не сдаст, – напомнил он, – про университет можно забыть.

– Ну, значит, попытается во второй раз. Пока он еще не определился с будущей профессией. Но здесь есть и моя доля вины. Я перетащила бедных мальчиков из Франции в Шотландию, а здесь совсем другая система образования! Они никак не могут адаптироваться... Это же так понятно!

– Дорогая, они здесь уже больше года – достаточное время для любой адаптации.

Ангус не собирался брать на себя ни малейшей ответственности за плохую успеваемость трех мальчишек и уж совсем, ради полной объективности, не обращал никакого внимания и на блестящие успехи Кейт. Единственное, что он хотел, – держаться как можно дальше от отпрысков Амели, хотя это не всегда было легко.

– Но ведь дочь-то твоя прекрасно со всем справляется, – добавил он примирительным тоном.

– В таком возрасте девочки всегда мудрее мальчиков. Полагаю, что и Скотт не всегда был примерным учеником!

Она постоянно сравнивала своих сыновей со Скоттом, что в конце концов надоело Ангусу.

– Мой сын всегда шел прямым путем, ничего другого я просто не допустил бы, – проговорил он.

– И что же он выбрал в качестве ориентира?

– Мы выбрали вместе. Он всегда знал, что когда-нибудь ему придется взять дела в свои руки, как это бывало у нас в каждом поколении, и что он обязан обеспечить их процветание, насколько возможно. Поэтому он изучал управление бизнесом, торговлю и

маркетинг в течение четырех лет в университете, затем получил диплом бакалавра, после чего уехал в тур по Европе – набираться опыта.

– И ты, разумеется, оплатил ему это развлекательное путешествие? – с иронией произнесла Амели.

– Конечно, нет! Он не поехал туда в качестве туриста, а проходил стажировку в различных хозяйствах, сравнивал различные методы и возможности, изучал рынок алкогольной продукции и текстиля. Да, мне хотелось, чтобы он чувствовал себя более уверенным в тех областях, которыми ему придется заниматься, а не бродил как слепой котенок, натываясь на неведомое, как некогда приходилось это делать мне. В мое время все было иначе, специальных знаний тогда было не получить, вот и познавалось все только в процессе самой работы, на практике. Теперь же, с развитием глобализации, все стало иначе, передовые практики внедряются и распространяются очень быстро, за всем нужно поспевать!

Вероятно, он говорил со слишком большим энтузиазмом, поскольку Амели становилась все мрачнее. И хотя Ангус все еще был влюблен в жену, но глупым не был. Он прекрасно понимал, что она задумывалась о будущем собственных сыновей и по возможности постарается ему их навязать. Этой перспективы он боялся больше всего, однако ему следовало быть более дипломатичным, чтобы избежать ссор. Когда Амели бывала чем-то недовольна, она ночью в постели поворачивалась к нему спиной, оставляя его разочарованным, с неутоленным желанием. Ибо он уже вкусил ее тела, привык к удовольствию, которое оно ему доставляло, и не хотел себя его лишать. Слишком долго он жил в воздержании, ведя жизнь вдовца, и теперь в роли «новобрачного» собирался пользоваться удовольствием, которое дарила ему жена, сполна.

– У тебя целых три компании, Ангус. Скотт никогда не сможет управлять ими один, используя передовые методы, это слишком для одного человека. Почему бы тебе не попытаться заинтересовать Джона или Джорджа, например, прядильной фабрикой?

Вопрос застал его врасплох. Фабрика? Помилуй бог, это же было дело Мэри! Никогда Скотт не допустит хозяйничанья там одного из сыновей Амели, он увидел бы в этом оскорбление памяти матери.

– Я предлагаю тебе фабрику, потому что чувствую, что винокурни для нас под запретом! Тем не менее я ношу твою фамилию и тоже Джиллесли.

– Ты, но не твои дети, – сухо ответил Ангус.

Ответ вырвался сам собой, однако попал точно в цель. Амели испепеляла его взглядом.

– Это потому, что их отец англичанин, ты их отвергаешь, отбрасываешь от себя, да?

– Нет... Я совершенно их не отвергаю. И даже готов предложить им кое-что, что сможет поднять их школьные результаты. Мальчишек следует устроить в закрытый пансион, Амели. Точно так же я поступил и со Скоттом, и он получил там прекрасное среднее образование. Оплата за учебу в таких заведениях превышает все разумные пределы, но я могу себе позволить содержать там всех *троих*. Можешь считать мое предложение подарком тебе.

Амели все же удалось сдержать гнев, и она возразила плаксивым тоном:

– Я не собираюсь с ними разлучаться. Кроме меня, у них никого нет! Если они уедут в пансион, мы больше не сможем общаться, ведь они будут далеко от меня, от сестры...

– Ваше «общение» обычно сводится к ссорам, и они только мучают сестру.

– Ты слишком суров к ним и упрям к тому же. Так послушай: ни за что на свете я не отправлю их туда, чтобы ты мог от них отделаться. Если у тебя хватило жестокости так поступить со своим сыном, мне все равно, но я – другой человек и не сделаю этого. Я слишком чувствительна, чтобы перенести то, что я все время буду думать о них, что они сейчас, в это время, находятся в холодном интернате, может быть, их разлучили друг с другом, может, несправедливо наказали...

– Их и нужно наказывать, а ты на это не способна.

Он сразу понял, что зашел слишком далеко. Амели выпрямилась во весь рост и смерила его презрительным взглядом.

– Вопрос закрыт, – произнесла она. – Не заставляй меня пожалеть о том, что я доверилась тебе и потащила их за собой в такую даль. Дети для меня – святое. Я сразу тебя предупредила. А теперь прошу мне сказать честно, если я и мои дети – нежелательные персоны под твоей крышей.

– Ну хватит тебе, Амели! Вы все пятеро для меня самые «желательные персоны», как ты сказала, и я каждый день благодарю судьбу, что она свела нас с тобой. Этот дом – твой, и я хочу, чтобы ты чувствовала себя в нем хорошо.

– Тогда перестань меня расстраивать, перестань обвинять моих сыновей во всех смертных грехах, и хватит тебе превозносить своего любимчика Скотта, пока я не начала его ненавидеть.

Чтобы смягчить эти слова, она прильнула к нему, обняла его за талию и поцеловала в губы. Почувствовав ее тело так близко, он мгновенно возжелал ее. Ах, как же он обожал подобные мгновения ее обостренной чувственности, когда она начинала его провоцировать на сладкую любовную игру! Да чем он, собственно, заслужил такое, что настолько прелестная женщина хочет заняться с ним любовью? Он не был ни молод, ни хорош собой, он отлично знал это, однако она, несомненно, получала удовольствие, когда он ее ласкал. Неловким жестом он приподнял ее свитер, расстегнул лифчик и впился пальцами в ее грудь. Закрыв глаза, она издала какое-то сладкое урчание удовлетворенного желания, которое попросту приводило его в бешенство, сводило с ума.

Ему страстно хотелось сделать ее счастливой. Не только удовлетворить физически, но и принести ей счастье, и, может быть, как знать, окончательно изгнать из ее сердца этого проклятого Майкла.

* * *

– Мы имеем право прийти с кем захотим, – повторила Кейт. – С кем-нибудь из родни, с другом, братом, лишь бы рядом был сопровождающий кавалер. Но я никого здесь не знаю.

Взгляд, полный надежды, смутил Скотта, который одарил ее признательной улыбкой.

– С братом? Да у тебя их целых три!

– Я никогда не попрошу их меня сопровождать куда бы то ни было. Они совершенно не умеют себя вести, ты же их знаешь. Ну пожалуйста, Скотт... Это будет очень веселая вечеринка, хотя и под присмотром учителей.

– А переодеваться надо?

– Определенного костюма не нужно, можно выбрать любой. В школе всегда устраивают эту вечеринку в ноябре, но в прошлом году я только что приехала и еще чувствовала себя одинокой, потому и не пошла. На этот раз не пойти будет неудобно, нельзя пропустить. У нас будет накрыт стол, все ученицы принесут с собой какое-нибудь угощение, я, например, попросила Мойру испечь шоколадный торт для нас, а потом начнутся танцы!

– Никакого алкоголя, я полагаю?

– Пиво, да и то только для родителей. Ты можешь вполне считать себя родителем, если учесть твой возраст. Ну пожалуйста, согласишься, скажи да...

Она была такой трогательной, что, в конце концов, он уступил. Стоит признать, что ей тоже нелегко далось привыкание к школе, как и к самому Джиллеспи, разве не заслуживало это поощрения?

Как только Скотт дал согласие, Кейт, взвизгнув от радости, прыгнула ему на шею.

– Какой ты выберешь себе костюм? – спросил он. – Переоденешься в эльфа? В Белоснежку? В Робин Гуда?

– Почему не в принцессу?

– Мне кажется, стоило бы проявить большую изобретательность.

Разочарованная, она состроила досадливую гримаску.

– Я поговорю с Мойрой, ведь она будет заниматься моим костюмом. А ты, Скотт, в каком образе ты себя видишь?

– Понятия не имею. Султан? Нет, слишком сложно.

– Вильгельм Завоеватель? – предположила она.

– Естественно, нет. Ведь это он вторгся в Шотландию!

– С тех пор прошла тысяча лет.

– Браво, мадемуазель, как вижу, вы хорошо учились истории. Ладно, я еще подумаю. Когда точно должна состояться вечеринка?

– В субботу, двадцать восьмого.

– Ну и ну...

Дата костюмированного бала совпадала с днем, когда он запланировал встретиться за ужином с родителями Мэри. Но ему так не хотелось разочаровывать Кейт, и он предположил, что встречу с родителями вполне можно отложить на неделю-другую и что вряд ли Мэри на это обидится.

– Ах, женщины! Вы обладаете редким искусством всегда усложнять нам жизнь! – усмехнулся он.

Это явно было сказано в шутку, однако Кейт смутилась, опустив глаза.

– Я тебя обидел? Прости, моя крошка.

Играючи, Скотт взял одну из ее косичек и сделал девушке из нее усы.

– В роли Чарли Чаплина ты тоже была бы очень хороша, а у Мойры наверняка в каком-нибудь шкафу отыщется подходящий котелок.

Улыбнувшись ей напоследок, Скотт быстро ушел, сказав, что у него еще много дел. Оставшись одна, Кейт глубоко вздохнула от досады. За кого он ее продолжал принимать? За десятилетнюю девчонку? Разве он не заметил, насколько она изменилась? Но то, что он согласился сопровождать ее на костюмированный бал, само по себе уже было неслыханной удачей. Скотт будет ее кавалером! Все ученицы ее школы попадают в обморок от зависти! И не собирается она рядиться в клоуна или карлика, ни за что на свете! Наоборот, она предстанет в своем лучшем виде. В платье принцессы или феи и обязательно с высокой прической, которая сразу добавит ей лет, а там, кто знает, может, осмелится и на декольте.

При этой мысли ее щеки вспыхнули. Она ничего не смыслила в способах соблазнения. Ведь с утра до вечера Кейт находилась только в обществе девчонок в школе, а на выходных была со своей семьей. Она никогда и никого еще не пыталась *соблазнить*. Разумеется, она много об этом читала, смотрела сериалы и фильмы о любви по телевизору, но не была уверена, что способна предпринять то, что делали для этого их героини. Да и если бы она знала, как это делается, разве посмела бы она испробовать эти приемы на Скотте? Меньше всего она хотела оказаться в его глазах смешной, вызвать его осуждение или хотя бы неодобрение. Она просто безумно боялась ему не понравиться, ибо, оставь он ее, она потеряла бы навек самую светлую радость своей жизни, самую большую ее драгоценность. Но, ей-богу, обращаться с ней как с ребенком – в этом было что-то непереносимое!

Кейт подошла к великолепному венецианскому зеркалу, украшавшему одну из стен. Маленькая гостиная, в которой она сейчас находилась, не была такой помпезной и торжественной, как две другие

большие гостиные, предназначенные для приемов, и в ней девушке было гораздо приятнее находиться.

Нежная, уютная атмосфера малой гостиной ей очень нравилась, и она втайне надеялась, что мать, которая еще не закончила полную переделку всех комнат, не будет здесь ничего менять. Несколько мгновений она смотрела на свое отражение критическим взглядом: зарождавшийся некстати прыщик на щеке, немного редкие зубы, которые братья элегантно называли «кроличьими зубами», слишком бледная кожа. Интересно, сколько лет ей можно было дать? Вот бы поскорей вырасти, измениться! Когда же, через сколько времени станет она похожей на женщину или хотя бы на молодую девушку? Пока она производила лишь впечатление угловатого и дурно причесанного подростка с этими ужасными косичками! В сотый раз она спросила себя, как, интересно, выглядит эта Мэри? Несомненно, она была великолепна, иначе разве выбрал бы ее Скотт?

– Мэри... – сказала она зеркалу.

Несколько раз Кейт с отвращением произнесла это имя, а потом показала своему отражению язык.

– Ты сама с собой говоришь или репетируешь пьесу? – бросил ей с порога Джордж.

Рядом с ним стоял Филип, и оба они прыснули со смеху. Не оборачиваясь, она в зеркале сверлила их взглядом. Если бы Скотт все-таки отказался ее сопровождать, она бы скорее не пошла на бал совсем, чем тащить туда этих неотесанных болванов. Никто из них не умел себя правильно вести в приличном обществе. И это притом что остальные девочки ее школы только и мечтали, чтобы показать всем своих братьев!

– Я репетирую кое-что о Марии Стюарт, – небрежно обронила она.

Кейт научилась больше не бояться их, по крайней мере, когда она находилась в доме, потому что, в отличие от матери, Ангус, Скотт и Мойра всегда принимали ее сторону.

– Этот Гадкий утенок, похоже, превратился в настоящую задаваку, – усмехнулся Филип.

– Зато вы трое не меняетесь, все такие же хамоватые и ограниченные!

Когда она собиралась выйти, они, стоя на пороге, преградили ей путь, и каждый схватил ее за косичку.

– Тебе не помешало бы получше причесаться...

– Убирайтесь к черту отсюда!

Они по очереди стали дергать ее за косички, заставляя раскачиваться между ними.

– Хватит, больно!

– Давай, давай, маленькая скво, танцуй немного быстрее...

Кейт тщетно пыталась освободиться, натянутая кожа на голове причиняла ей страшную боль.

– Немедленно отпустите вашу сестру.

В соседней гостиной внезапно возникла массивная фигура Ангуса, который направлялся к ним большими шагами. Приказ он отдал спокойно, но его внушительный голос трибуна разнесся по всему особняку.

– Что здесь происходит, вы что забыли, где находитесь?

– Мы просто развлекаемся, – возразил Джордж.

– Странное развлечение. Вам что, больше делать нечего?

Ангус смотрел на них строго, без малейшей снисходительности, и мальчишки украдкой обменялись взглядами. Кейт знала, что они только и жаждали, чтобы позлить отчима, но Джона рядом не было, а без своего заводилы на продолжение у них не хватало смелости. Джон у них был лидером, которому каждый раз удавалось убедить мать в своей невинности.

– Займитесь чем-нибудь поумней. А ну, пошли!

Джордж на мгновение заколебался, но, в конце концов, покорился, вышел и потянул за собой Филипа.

– Спасибо, – пробормотала Кейт после их ухода.

– Тебе не следует терпеть их пакости, сразу же зови на помощь, если они начнут к тебе приставать.

– Да они, в общем-то, не злые, – проговорила она без особой убежденности.

Не желая дальнейшего развития событий, Кейт надеялась, что Ангус смягчится.

– Не знаю, злые они или нет, но глупые – точно. Не будь они глупцами, они гордились бы тобой и защищали тебя.

Он внимательно посмотрел на нее, потом почему-то спросил:

– Со Скоттом у тебя, надеюсь, все в порядке?

– Со Скоттом? – переспросила она, стараясь сохранить равнодушный вид. – О, Скотт всегда так добр ко мне...

– Ну и здорово.

Резко повернувшись, он пошел прочь тяжелой походкой. Кейт до сих пор не понимала, как ее мать могла влюбиться в такого мужчину, но начинала испытывать к нему что-то вроде уважения, хотя и побаивалась его. С ней он всегда был любезен, поздравлял с хорошими результатами учебы, а порой снисходил до комплиментов по поводу нового пальто или берета. Потребовалось несколько месяцев, чтобы Ангус начал ее по-настоящему замечать, но однажды в воскресенье, когда никто не мог составить ему компанию, чтобы пойти к мессе, даже Мойра, которая не могла оставить включенную плиту, Кейт предложила ему себя в роли сопровождающей. Во время службы он бросил на нее два-три внимательных взгляда, а на обратном пути спросил насчет ее веры. Девушка не была уверена в своих религиозных убеждениях, и тогда он понял, что она вызвалась ему в спутницы исключительно ради него самого. Позабавленный, а возможно, и тронутый этим жестом, Ангус задал ей еще несколько вопросов, так что, в конце концов, между ними завязался довольно оживленный разговор. Впоследствии он никогда не принуждал ее ходить к мессе, хотя и не препятствовал этому, и вообще больше не возобновлял подобных бесед. Скорее всего, он продолжал считать, что это обязанность Амели как матери дать детям наилучшее воспитание, в том числе и религиозное, и она пусть делает это по своему усмотрению. Он никогда и ни во что не вмешивался, это было так, но суровые взгляды, которые он время от времени бросал на мальчишек, говорили о его истинном отношении. Жалел ли он о том, что взвалил на себя заботу о четырех пасынках? Кейт надеялась, что нет, потому что с недавних пор совершенно не желала покидать Джиллеспи. Разумеется, здесь был Скотт, но также и чудесный парк, по которому она могла бродить сколько душе угодно, даже иногда предлагая Дэвиду устроить то там, то тут какую-нибудь новую клумбу или грядку. А еще этот чудесный вид, которым она могла наслаждаться из беседки, куда часто поднималась, любуясь морским берегом и постепенно укротив боязнь высоты. И потом, благодаря Мойре в особняке создавалась своего рода семейная атмосфера. Зимними вечерами на кухне царило

благодатное тепло, а из духовки по дому распространялись соблазнительные ароматы. В конечном итоге здесь, в шотландской глубинке, Кейт обрела то, чего ей так не хватало после развода родителей. И потому что своим идолом она сделала Скотта, ей временами удавалось забыть о полном равнодушии к ней матери.

Решительным жестом девушка сняла резинки с косичек, расплела их и с наслаждением встряхнула распущенными волосами.

* * *

Амели пришлось еще раз перечитать письмо Майкла, настолько оно ее ошеломило. Но прежде она пошла и заперла дверь спальни на ключ. Вообще-то, Ангус должен был вернуться еще не скоро: ранним утром он отправился на охоту с парой винтовок, двумя охотничьими ружьями известной фирмы «Верней-Каррон», которые и были причиной его поездки во Францию. Купил он их в Сент-Этьене^[9], прежде чем позволить себе остановиться на несколько дней у друзей в Париже, где и произошла его встреча с Амели. Думая об этом, она каждый раз радовалась тому, что ей удалось тогда схватить удачу за хвост. Она вспоминала, как начала с того, что задала ему пару вопросов о том, какая дичь водится в Шотландии, каковы местные способы охоты, словно ее интересовал этот странный для женщины предмет, пока он не начал поглядывать на нее масляными глазками.

Заперев дверь, Амели вернулась к окну, откуда могла наблюдать за прибытием в парк автомобилей, и надела очки. Почерк Майкла ничуть не изменился, однако на сей раз в тоне письма свозила мрачная ирония.

Ты наверняка удивишься, получив от меня весточку после столь долгого молчания, но теперь наш развод – дело давно свершившееся, и я надеюсь, что все наши ссоры остались позади. Во всяком случае, я говорю за себя, потому что знаю, насколько ты обижена и злопамятна.

Итак, ты снова вышла замуж – за шотландца... Я испытал настоящий шок, когда увидел его фотографию! Да,

этот джентльмен явно не Дон Жуан, либо просто-напросто фотограф имел на него зуб. У наших мальчишек, к счастью, славные мордахи, хотя они и не тянут, пожалуй, на красавчиков, и притом они так сильно выросли, что меня это очень обрадовало и даже в чем-то мне польстило. Как жаль, что в галерее этих чудесных портретов не оказалось ни твоего, ни Кейт. Теперь, наверное, ты интересуешься, откуда у меня эти фото, твой адрес и столько подробностей, не так ли? И поскольку мне прекрасно известно, что в компьютерах ты далеко не самый продвинутый человек, то вряд ли ты подумаешь о «Фейсбуке». Зато наши сыновья активно им пользуются и ведут в Сети активную переписку. Пока я не входил с ними в контакт, не хотел этого делать, не посоветовавшись с тобой, но очень скоро, надеюсь, это произойдет.

Насколько я мог сделать вывод из их постов, они не в восторге от своего отчима, шотландца, которого считают деревенщиной, да и саму Шотландию не считают местом, где им хотелось бы жить. А ведь между тем прекрасное поместье сулит им определенную выгоду в жизни, равно как и состоятельность его владельца. С этой точки зрения ты, безусловно, прекрасно выпуталась из тяжелой ситуации и, главное, не стала затягивать с поисками мужа! Женщины в этом плане – существа замечательно организованные, и мне не стоило долго лить слезы насчет твоей «ужасной судьбы». К счастью, я и не думал этого делать.

Итак, теперь ты – владелица поместья, а наши дети чуть ли не потомственные аристократы... Безумие! И самым безумным является то, что человек, оказывается, способен добровольно обременить себя, и не только материально, четырьмя чужими детьми! Тем более шотландец, ведь шотландцы всегда отличались непомерной скупостью. Твой оказался не злым и не подозрительным, если принять во внимание скорость заключения вашего брачного союза, что сыграло тебе на руку. И все-таки будь настороже, судя по тому, что пишут наши сыновья в Сети, они не собираются меня им заменять и нисколько не нуждаются в его

псевдоотцовском руководстве. Я обязательно буду встречаться с сыновьями время от времени, чтобы при необходимости вводить их в нужные рамки, но не стану скрывать, что страшно перегружен на службе. Как и ты, я вступил во второй брак, у меня двое малолетних детей, и моя жена не работает. Живем мы в Париже, куда я вернулся с огромной радостью, если не считать, что там жутко дорогая жизнь, так что не жди от меня ничего в материальном плане, Впрочем, что для тебя не так уж и важно, если учесть твое комфортное существование.

Скажи моей маленькой принцессе, что я часто думаю о ней. Стала ли она уже прекрасной или все еще находится в неопределенности подросткового возраста? Главное, не выдавай ее замуж за толстяка, подобного твоему, каков бы ни был его счет в банке!

Целую и не держу на тебя никакой обиды.

Майкл.

Задумавшись, Амели сложила письмо. Прочитав его в первый раз, она испытала шок, а затем вспышку гнева, а тут вдруг расплакалась. Ох нет, она не должна, ведь она же не Кейт! Вот только почему внезапно она ощутила такое сильное волнение, которое просто переполняло ее? Что это? Как назвать это чувство: сожаление, злость или горечь от того, что она когда-то полюбила этого человека? Майкл был ее первой большой любовью, и она подарила ему четырех детей, которых он так желал от нее иметь. Ничуть не сомневаясь в том, что их брак продлится всю жизнь, она погрязла в домашнем быте, не помышляя о том, что когда-нибудь Майклу все это надоест и он будет искать счастья на стороне. Разве думала она, что он осмелится ее бросить в один прекрасный день, словно забыв о том, что она остается с четырьмя детьми. Что, решив начать новую жизнь, он возьмет да и сотрет, словно ластиком, предыдущую. Оставит ее без денег, без поддержки, даже не даст адреса, по которому она смогла бы его разыскать! И когда она, Амели, была в страшном отчаянии, он, оказывается, переживал новую любовную историю! Пока она, скрепя

сердце, решала, воспользоваться ей или нет сомнительным шансом связать жизнь с Ангусом Джиллесли, он уже дарил младенцев, одного за другим, новой супруге. Он тоже не стал тянуть с поисками спутницы, а ведь еще посмел упрекнуть ее в этом. Каким же чудовищем нужно быть, чтобы проявить столько равнодушия к чужой судьбе? Ясно, что никогда никто из детей по-настоящему его не волновал: ни «принцесса» Кейт, ни сыновья. Что касается ее, Амели, с которой он обошелся с немыслимой жестокостью и пренебрежением, так вдобавок он еще и послал ей отвратительное по своему цинизму письмо. Зачем? Был ли он потрясен тем, что отныне она была под защитой другого мужчины и к тому же способной сделать это за такой короткий срок? Разумеется, он предпочел бы знать, что она осталась безутешной, обескровленной, в полной нищете. А ведь между тем она ничего плохого ему не сделала, это он предал ее. При всем том он не сообщил ей своего адреса, следовательно, продолжал оставаться недостижимым. Ведь даже если Амели и действительно ни в чем не нуждалась, то его дети были вправе предъявить счет своему отцу. Детям нужно было бы как-то объяснять то, что он их покинул, и с глазу на глаз с детьми он не смог бы употребить тот безобразно-ироничный тон, которым было пронизано его письмо к бывшей жене.

Должна ли она показать письмо Ангусу? Нет, конечно же нет. Фразы Майкла содержали обидные инсинуации в ее адрес, то есть намеки на ее заинтересованность в новом браке. Проверив в последний раз, нет ли где на листке или в конверте адреса или хотя бы номера телефона, Амели подошла и бросила все это в камин, где догорали остатки полена. Она подождала, пока письмо охватит огонь, оно загорится, а потом обратится в пепел. Сказать ли ей об этом Кейт, которая все время спрашивает у нее об отце? Она решила передать дочери только, что у отца все хорошо, но что он не пожелал сообщить, где находится. И это будет чистой правдой.

– Ты только взгляни на работу этих двух бордер-колли^[10], Кейт!

Скрестив руки на руле, Скотт с восхищением наблюдал за действиями собак. Радуюсь возможности насладиться зрелищем, он остановил машину, заметив овец, которые спускались с холма, ручейком стекаясь к дороге. Пастух оставался в нескольких шагах позади стада, он просто опирался на посох, стоял и ни о чем не заботился, пока овцы перестраивались в довольно ровную шеренгу.

– Сейчас «пограничники»^[11] их переправят. Я обожаю на это смотреть, никогда не надоедает...

Кейт бросила на него быстрый взгляд, удивляясь его энтузиазму, но почти сразу перенесла внимание на собак. Окруженные со всех сторон и подталкиваемые собаками, овцы, казалось, повиновались их приказному лаю. Немного поколебавшись, животные, тесно прижавшись, наконец осмелились ступить на асфальт, образуя огромное озеро колышущейся шерсти перед самым капотом джипа.

– Как глупо они выглядят, – проговорила Кейт, – по сравнению с «пограничниками»...

– Это фантастические собаки, они делают всю работу! При малейшей ошибке овец пастух просто засвистел бы, но бордер-колли в этом случае не издают никаких звуков. Они очень хорошо поняли, что моя машина остановилась, не представляя для овец опасности, и решили, что сейчас наиболее подходящий момент для переправы. Эти собаки прекрасно отслеживают все возможные ситуации на дороге.

– Долго их приходится натаскивать?

– Наверное. Вообще-то, этим занимаются пастухи. Когда какая-нибудь из их собак становится слишком старой, они на замену ей берут щенка, и тот всему учится сам, глядя на старших. Главная трудность заключается в крайней тупости овец.

Когда отара уже заканчивала переправу под оглушительное блеяние, проходивший за ними пастух высоко поднял посох в направлении Скотта.

– Он что, благодарит тебя?

– Скажем так: приветствует.

– Ты его знаешь?

– Мы все еще на нашей земле, Кейт.

По дороге до прядильной фабрики она обдумывала его ответ. Не желая выглядеть нескромной, Кейт почти никогда не задавала Скотту вопросов о размере владений Ангуса, но сама часто спрашивала себя, все ли овечьи отары региона ему принадлежат.

С приходом весны Кейт всегда чувствовала себя легкой и полной энергии, а особенно этим утром, когда Скотт согласился, чтобы она поехала вместе с ним на фабрику. Вторая четверть учебы в школе только что закончилась, у нее были каникулы, и под этим предлогом она попросила Скотта взять ее с собой, не очень в это веря. Но ее умоляющий взгляд так растрогал его, что он даже рассмеялся, распахнув перед ней дверцу джипа.

По обеим сторонам дороги простирался необычный, потрясающий по красоте пейзаж. Покрытые диким вереском и чертополохом холмы спускались к самому морю, перемежаясь с густыми лесополосами. Порой где-то в глубине долины мерцал отблеск озера, и Кейт даже увидела двух хищных птиц, лениво круживших на огромной высоте в чистом голубом небе. По мере того как они приближались к побережью, стали вырисовываться первые отвесные скалы.

– Твоя мама проделывала этот путь ежедневно? – удивленно спросила она.

– Увы, да.

Кейт закусила губу, раскаиваясь, что задала такой бестактный вопрос. Мойра рассказывала ей об аварии, в которой погибла Мэри, и о том ужасе, который все они испытали, найдя ее мертвой в машине на дне оврага. Скотт тогда был семилетним мальчуганом, но ей нетрудно было представить, какое огромное горе он испытал.

– Ты вспоминаешь ее?

– Годами я каждое утро смотрел на мамину фотографию, чтобы не забыть ее лицо. А потом меня отправили в пансион, и я оставил фото дома, спрятав его в глубине ящика секретера. Что подумали бы однокашники, узнав, что под подушкой я держу снимок матери? Теперь он, оправленный в рамку, стоит на моем столе в винокурне. Но я ни разу так и не побывал на кладбище, на ее могиле, потому что не хочу больше об этом думать. И потом... Насколько я помню, она не

испытывала ко мне глубоких материнских чувств, не проявляла большой нежности, я помню лишь редкие, беглые ее поцелуи. И тогда, возможно из жалости, ее место по-своему заняла тетя Мойра, которая меня всегда любила и много ласкала.

Представив его несчастным в детстве, Кейт чуть не расплакалась, но все же сумела овладеть собой. Чуть что проливать слезы – в этом было что-то детское, а ей следовало вести себя по-взрослому, особенно если она находилась в компании Скотта.

– Под этим светло-голубым небом море кажется темно-синим, – заметил он. – Посмотри, видишь? А за следующим поворотом покажутся развалины замка, который некогда был великолепным...

Кейт догадалась, что он больше не хотел говорить с ней о матери. По словам Мойры, она была очень красивой женщиной и Скотт был на нее похож. Вместо того чтобы смотреть на памятник, на который он ей указал, она украдкой взглянула на своего спутника. До чего же она обожала этот прямой нос, волевой подбородок, удивительный цвет глаз. Когда Скотт улыбался, ее сердце каждый раз готово было выпорхнуть из груди, и то, что она сейчас сидела рядом с ним в его джипе, делало ее безумно счастливой.

– Ну вот мы и приехали, барышня...

Они только что проникли на территорию прядильной фабрики, въехав во двор, окруженный со всех сторон высокими зданиями из красного кирпича.

– Сейчас я попрошу одну из наших работниц побыть твоим гидом и все здесь тебе показать! – весело произнес он.

Разочарованная, что не он будет ее проводником, Кейт уже собиралась протестовать, но тут увидела подходившую к ним красивую молодую женщину, которая приветливо им улыбалась. Высокая и стройная, она была в длинном плаще в стиле милитари с золотыми пуговицами и сапожках на высоких каблуках. Небрежно повязанный на шее платок оказался подлинным «Эрмесом»^[12]. С короткой стрижкой, белокурыми волосами жительницы Скандинавии, изящно подведенными большими глазами, она напоминала картинку из модного журнала.

– Мэри, это Кейт, дочь моей мачехи.

– Кейт, это моя подруга Мэри.

Ощущая себя нелепой девчонкой перед этой потрясающей женщиной, Кейт поняла, что великолепно начавшийся день окончательно испорчен. Да и чего она могла ожидать? Вот она перед ней, эта пресловутая Мэри, в которую влюблен Скотт и на ком он, несомненно, в скором времени женится.

– Приятно познакомиться, – пролепетала Кейт.

Любой ценой она должна была скрыть свое унижение, отчаяние от невозможности соперничать с этой взрослой красавицей. Да и о каком соперничестве могла идти речь? В ее пятнадцать-то лет в их глазах она всего лишь была подростком, исключенным из игр оболыщения и любви. Разве могла она сравниться с Мэри?

– Кейт открыла мне, какое это счастье – иметь младшую сестру, – любезно сказал Скотт, взяв девушку за плечи. – Она не только прекрасно учится в школе, она сама доброта. Кому мы ее доверим, чтобы она смогла познакомиться со всем самым интересным, что есть на нашей фабрике?

– Лучше гида, чем Фиона, трудно найти. Пойду-ка я ее позову.

Голос у Мэри был низкий, певучий, и при других обстоятельствах Кейт, вероятно, высоко оценила бы эту молодую женщину, но в данный момент она поняла, что уже успела ее возненавидеть. Да и слова «в школе» и «доброта» в устах Скотта низводили ее до положения маленькой девочки, что казалось ей отвратительным. Сколько же времени еще должно пройти, чтобы она стала, наконец, женщиной? И уж конечно, когда этот час настанет, Скотт успеет устроить личную жизнь и будет для нее потерян навсегда. Впрочем, он и так *не был создан для нее* с самого начала. Во-первых, их разделяла большая разница в возрасте, а во-вторых – родственные связи, даже если речь шла о втором браке их родителей. Все это Кейт знала, но, несмотря ни на что, у нее сохранялся слабый проблеск надежды, не подвластный никакой логике, а ее постоянные мечтания о нем привели к тому, что она окончательно утратила чувство реальности. Теперь эта реальность была у нее перед носом. Скотт смотрел на Мэри с выражением такой нежной любви, за которую Кейт без колебаний продала бы душу дьяволу. А Мэри в ответ на его взгляды обращала к нему свои – взгляды счастливой, полностью удовлетворенной женщины.

Удрученная, однако старавшаяся держаться достойно, Кейт дала увести себя той самой Фионе, которая с большим воодушевлением принялась ей что-то втолковывать, как только они оказались в первом цехе.

– Сейчас перед вами пройдет целая цепь преобразований, которые претерпевает овечья шерсть, вот увидите! Здесь мы делаем все прямо на месте. Сначала мы как следует промываем шерсть благодаря водопроводу, расположенному за нашими зданиями, затем следуют этапы чесания, прядения, ткачества, изготовления трикотажа и в итоге – пошива шерстяных изделий. Каждый год мы перерабатываем множество тонн шерсти, стараясь использовать старинные умения и традиции, но в сочетании с самыми современными машинами. Мать нашего Скотта, Мэри Джиллеспи, первой начала преобразования, вкладывая средства в приобретение нового оборудования. Она сделала очень много для фабрики, и все, кто был с ней знаком в те времена, всегда говорят о ней с огромным уважением. К счастью, наш Скотт, кажется, тоже нашел свою Мэри! Эта молодая женщина рисует поистине фантастической красоты жилеты и шарфы, которые после их воплощения в шерсти пользуются необыкновенным спросом и всем очень нравятся. Нам был нужен именно такой вдохновенный стилист, потому что время твида ушло в прошлое. И мы не собираемся подражать ирландцам, вывязывая из синтетики свитера с традиционными ромбами и косичками, ведь правда же, не стоит это делать? На самом деле мода на все экологически чистое сыграла нам на руку: люди хотят вернуться к природным материалам, таким, например, как овечья шерсть.

Кейт следила за ее словами не слишком внимательно, не желая слышать, как Фиона восхваляет на все лады эту Мэри. Но выражение «наш Скотт» она отметила. Наверняка все сотрудницы фабрики были по уши влюблены в своего начальника.

– Итак, юная леди, что бы вы еще хотели узнать? Наверняка ведь готовите какую-нибудь работу для школы?

Разъяренная, Кейт обернулась и впилась взглядом в Фиону.

– А сколько, по-вашему, мне лет?

– Ну... Не знаю, тринадцать, четырнадцать?

– Пятнадцать!

– Хорошо, но вы ведь еще учитесь в школе, не так ли?

Гнев Кейт внезапно утих. Что толку бороться с реальным положением дел? Кроме того, сегодня утром, поскольку она не ожидала, что Скотт примет ее в свою компанию, она была одета в ничем не примечательную юбку, красные носки толстой вязки и обута в мокасины на плоской подошве, а длинные волосы стянула в конский хвост.

– Ну, – буркнула она, – и к чему все эти машины? Я запомнила, что шерсть нужно сначала вымыть, но потом... – Кейт не хотелось быть невежливой с этой Фионой, скорее всего, славной женщиной, которая трудилась здесь с утра до вечера за скромную зарплату. Наверное, возможность поработать гидом была для нее своего рода отдыхом, приятным развлечением.

– Правильно! – с подъемом подхватила Фиона. – Сначала шерсть промывают, а уж потом начинается настоящая подготовка: промытое, но все еще грязное сырье прочесывают крупным гребнем, чтобы свалявшиеся колтуны разделились на отдельные волоски и чтобы убрать прилипший мусор. Процесс этот производится на специальном транспортере или ленточном конвейере, откуда сырье отводят в специальные камеры. В них шерсть опять прочесывают набело на специальных цилиндрах, что тоже происходит в несколько этапов. В итоге получается пряжа, так называемая ровница, готовая для дальнейшей обработки. Я сейчас покажу вам разные гребни чесальных машин, которые приводятся в действие мощными электромоторами.

И опять Кейт перестала ее слушать. Почему она должна интересоваться фабрикой, где властвует эта Мэри? Которой все восхищались как стилистом, к тому же взятым на работу самим Скоттом. В день, когда они всем объявят о своей свадьбе, работники фабрики будут на седьмом небе от счастья и порадуются от всей души.

– О, я вижу, вам трудно за всем уследить, – пришла к выводу Фиона. – Пропустим скручивание и все, что за этим следует, и перейдем к формированию мотков. Или лучше прямо к окраске! А уж потом вы сможете полюбоваться работой машины, которая воспроизводит движение вязальщицы, сматывающей пряжу в клубок. Но, чтобы сократить нашу экскурсию, мы можем переместиться в другое здание: если пройти через весь двор, на другом конце территории фабрики находится цех, где создаются наши шарфы и

свитера. Вам ведь любопытно узнать, как происходит соединение деталей каждой вещи, их вывязывание и все такое?

– Вы очень добры, спасибо. Да, мне было бы интереснее познакомиться с процессом изготовления одежды. Я не могла и представить, насколько сложна ваша профессия!

– Каждая из нас выполняет строго определенную операцию, мы не взаимозаменяемы, – уточнила Фиона.

– Понятно. Однако создается впечатление, что вы идеально разбираетесь во всем, что происходит на фабрике, наверное, у вас очень слаженная команда...

Кейт злилась на себя за то, что не проявила должного внимания к фабричным процессам, но сейчас ей хотелось только одного: поскорее закончить эту навязанную экскурсию. Ведь ей неминуемо придется восхищаться творениями Мэри, о которой у Скотта только и будет разговоров на обратном пути. Засунув руки в карманы, Кейт последовала за Фионой. Ох и паршиво же она себя чувствовала: абсолютно неуместной здесь, рассеянной и агрессивно настроенной. С какой радостью и интересом она слушала бы объяснения Скотта, если бы тот оказался ее гидом! Но у него не было ни времени прохладиться, ни желания ею заниматься – он-то не был на каникулах, как она! «И даже если бы он и был в отпуске, он нашел бы себе другое занятие, вместо того чтобы возиться с какой-то там девчонкой! Когда он сопровождал меня на бал, он вел себя со мной почти как отец, в то время как я, дурочка, поверила, что раз уж он нашел для этого время, то получит удовольствие от вечеринки и, возможно, посмотрит на меня другими глазами... Но нет, он лишь исполнил обязанность старшего брата, который проводил на бал девчонку, любимицу семьи. И он сказал, что я хорошо нарядилась, а не то, что я хорошенькая в этом костюме. Боже! Ну как мне перестать думать о нем каждую секунду? Я все продолжаю, я заиклилась на нем, да попросту я становлюсь одержимой и нелепой...»

Но голос рассудка никак не хотел ей повиноваться. Она даже пробовала несколько раз выходить на прогулки с братьями, чтобы увидеть других ребят и влюбиться в какого-нибудь симпатичного паренька, однако все они казались ей глупыми и неотесанными. Да и какая разница? Все равно никто из мальчишек и не думал оказывать ей знаки внимания, ведь она была не из тех девушек, за которыми они

носятся стаями. А может, они просто боялись и не хотели рисковать, заведя ее в окружении троих взрослых братьев? Но где же встретить молодого человека ее возраста? Одноклассницы редко куда-либо ее приглашали, может, оттого, что она была слишком уж сдержанной, а может, потому, что приходилась падчерицей Ангусу Джиллеспи? В этих местах Джиллеспи считались богачами, поскольку виски с их винокуренью пользовался большой популярностью, да и, кроме того, Ангуса считали увальнем, из медвежьей породы. И то, что он вступил во второй брак, женившись на француженке, прежде бывшей женой англичанина и родившей от него четверых детей, вовсе ничего не изменило. Дурные языки злословили, что он, мол, для увеличения своего клана просто лучшей жены и выбрать не мог! В этих комментариях, безусловно, сквозила зависть, ибо было чему завидовать.

Но когда Фиона в вязальном цехе объясняла ей все этапы изготовления вязаного свитера, к ним наконец присоединился Скотт. Каждую работницу он знал по имени и каждой старался сказать что-нибудь приятное.

– Простите, что прерываю вас, но мне необходимо сейчас же уехать, – извинился он. – Пойдем, Кейт, я прежде завезу тебя домой. Спасибо вам огромное, Фиона, не сомневаюсь, что вы были прекрасным экскурсоводом.

Он двинулся к выходу такими быстрыми шагами, что Кейт едва за ним поспевала.

– Ну что, тебе удалось немного развлечься? – сказал он, садясь в джип.

Резко рванув с места, он добавил:

– Жаль, что у меня срочное дело на винокурне, а не то я бы обязательно остался. Мэри мне показывала свои удивительные эскизы, это же просто фантастика! Оригинальные и вместе с тем комфортные для носки, на редкость удачные модели. Мне кажется, в следующем году мы произведем настоящий фурор... А в нем-то мы сейчас и нуждаемся больше всего, потому что до прошлого года фабрика была убыточным предприятием. Без прихода Мэри я бы не смог так погрузиться в дела фабрики. Сейчас я увлечен делом, почти как мой отец. Впрочем, я практически воспроизвожу сейчас его схему.

– Что ты хочешь сказать?

– Он был увлечен производством виски, а шерсть его интересовала мало, и он оставил это для мамы. Похоже, я сделаю то же самое, когда женюсь на Мэри.

Кейт показалось, что ей дали пощечину. Только сглотнув застрявший в горле ком, она смогла спросить:

– Вы собираетесь пожениться? Но...

– О, пока ничего не решено, я еще не сделал ей официального предложения. Сначала я должен представить ее моей семье. Как ты считаешь, по-моему, они все в нее сразу влюбятся, разве нет? А тебе она понравилась, что скажешь о ней?

– Она очень... красивая, – принужденно улыбнувшись, едва выговорила Кейт.

– Да, красивая, умная и безумно талантливая. Но мне пока трудно представить, что я должен буду связать с кем-то свою жизнь навсегда.

– Ты еще так молод...

– Это мой главный аргумент, который она тут же разобьет в пух и прах!

Он рассмеялся так искренне, словно речь шла о чем-то действительно очень веселом.

– Женщины все хотят замуж. Вот увидишь, Кейт, что и ты – позже, конечно – тоже станешь мечтать о свадьбе. В Мэри я влюблен по уши, признаюсь, однако перспектива создания семьи вызывает у меня тревожное чувство. Иногда ее напор меня смущает, я нахожу его преждевременным и предпочел бы немного подождать.

– Если ты не уверен в себе, ничто не обязывает тебя уступать.

Ярость, с которой были произнесены эти слова, казалось, изрядно удивила Скотта, бросившего на девушку заинтригованный взгляд.

– Мне не стоило говорить тебе о таких вещах, прости меня.

– Нет, что ты, наоборот...

Кейт почувствовала, как сильно бьется ее сердце. Впервые он разговаривал с ней откровенно, доверился ей. К сожалению, предмет разговора был для нее настоящей пыткой. Она не могла сама довериться ему, как подруге, а он явно не ждал никакого дельного совета от подростка. В любом случае Кейт была полностью выбита из колеи и очень обеспокоена.

– Видишь ли, в чем дело, – вновь заговорил Скотт, – папа был бы рад, что наш брак гарантирует им потомство Джиллеспи, да и Мойра

оценит тот факт, что Мэри – коренная шотландка. Стоит ей там появиться, и все найдут ее восхитительной и станут меня подталкивать к назначению дня свадьбы...

Похоже, он говорил сам с собой, а вовсе не с Кейт.

– С другой стороны, всегда отличаться – это доказательство скорее незрелости. И, чтобы уж ничего от тебя не скрывать, я охотно покинул бы дом, где благодаря твоим братьям порой создается невыносимая атмосфера. А вот тебя как раз мне будет страшно не хватать.

Последняя фраза, добавленная из чистой любезности, вызвала у Кейт потоки слез. Она сначала держалась, сколько могла, но под конец отчаяние все же одержало верх, и она расплакалась. Сотрясаясь от рыданий, которые она уже не могла контролировать, Кейт закрыла лицо руками, надеясь укрыться от взглядов Скотта.

– Кейт, ну что ты в самом деле! Подожди, я сейчас припаркуюсь.

Он остановился на обочине, отстегнул ремень безопасности и обнял ее.

– Милая, деточка моя, ну не плачь, что это с тобой? Я причинил тебе боль, упомянув братьев? Ах, какой же я глупец, они не такие уж и плохие ребята!

– Нет, они такие, такие! О да!

– Послушай, мне не удалось поладить хорошенько с твоей матерью, но это не важно. На свете никогда не бывает все идеально, и наша семья не исключение. Но, по крайней мере, ты хоть знаешь, что тебя я обожаю, моя прелестная младшая сестренка? Впрочем, не любить тебя невозможно, даже папа не устоял перед тобой!

Прижавшись к нему, она вдыхала его запах – сдержанные нотки лосьона после бритья и чудесный аромат его кожи.

– Как только я женюсь и поселюсь в другом месте, я буду часто приезжать домой, обещаю. И ты всегда и во всем можешь положиться на меня! Что бы там ни ждало нас в будущем, я всегда сделаю для тебя все, что в моих силах.

Что-то происходило сейчас с Кейт, чего она толком не понимала, но что потрясло все ее существо. Она испытывала непреодолимое желание прижиматься к Скотту еще сильнее, одновременно дать себе полностью расслабиться и не выпускать его из объятий. А когда он нежно погладил ее по волосам, девушка вздрогнула всем телом, едва сдерживая слабый стон. Этот порыв к нему, заставлявший ее дрожать,

был желанием, неведомым чувством, которого ей прежде никогда еще не приходилось испытывать. Каким же оно было сладким, это чувство на грани реальности...

– Ладно, нам пора, – проговорил он, отстранившись от Кейт. – Поедем домой?

В тот момент, когда он выпустил ее из рук, она почувствовала, что падает в бездну. На несколько секунд Кейт от ужаса задержала дыхание, а потом шумно выдохнула воздух.

– Тебе уже лучше, да? – ободряющим тоном спросил Скотт.

– Спасибо, гораздо лучше, – пробормотала она.

Теперь она уже не была невинна, как раньше, она знала это. Отныне любой физический контакт со Скоттом будет для нее двусмысленным и лицемерным, потому что она будет жаждать таких контактов и бояться. Но Скотт был таким искренним, таким по-братски ласковым, что он ничего не заметил в ее смятении, и Кейт молилась, чтобы так и оставалось всегда. Что мог он о ней подумать, если бы заметил? Был бы он расстроен, возмущен, почувствовал ли к ней отвращение? Пока он не высадил ее перед особняком, девушка всю дорогу молчала, а как только вышла из джипа, опрометью бросилась к крыльцу, даже не оглянувшись.

* * *

– Мне кажется, я всегда хорошо управляла домом, – возразила Мойра.

Она не сводила с Амели пылающего яростью взгляда. Но та лишь улыбнулась, изображая сомнение.

– Конечно, конечно... Но мне нужно знать точно, сколько мы тратим и каким образом смогли бы больше экономить.

– Прошу вас поверить, я не бросаю денег на ветер!

– Это очевидно. Тем не менее я хочу, чтобы меня держали в курсе.

Мойра имела обыкновение представлять отчет о своих затратах в конце месяца, и тогда Ангус переводил на эти нужды деньги. Требовать от нее подробностей обо всех затраченных на управление усадьбой суммах он не считал нужным, поскольку иначе это означало бы, что он относится к ней как к служащей, а не сестре хозяина дома.

Тем не менее Амели была *хозяйкой* дома, ибо она была женой, и Мойра, хотя и глубоко оскорбленная, не посмела ей отказать.

– Хорошо, впредь я буду хранить все счета, вплоть до последнего магазинного чека, – покорила она с горечью.

– Превосходно. Мы все будем контролировать вместе. Понимаете, Ангус считает, что на питание уходит слишком много денег и...

– Нас здесь много, – напомнила ей Мойра тоном, в котором прозвучал вызов, – а у молодых всегда хороший аппетит!

Амели поджала губы, убрав улыбку с лица. Все, что содержало критику в адрес ее сыновей, тотчас заставляло женщину вставать на дыбы.

– В их возрасте это естественно, и я не сказала, что мы должны себя чего-либо лишать. Но, возможно, есть смысл пересмотреть кое-что в меню?

– Что ж, я могу каждый вечер варить макароны или картошку.

– Вы все доводите до абсурда, – усмехнулась Амели, – это глупо... Ангус решил с помощью меня и моих детей расширить свой клан, и ему не понравилось бы, что его в этом упрекают. А так как и меня в том числе беспокоят чрезмерные расходы, он посоветовал мне вместе с вами обдумать, каким образом мы могли бы стать менее расточительными.

– Это будет не так просто, – возразила Мойра. – Ведь вы наверняка заметили, что Ангус любит вкусную еду и дорогие вина. Я всегда следила за тем, чтобы на его столе всего было в достатке и все было первоклассного качества, но я не стану держаться за ручки кастрюль, не думайте, я охотно уступлю вам свои полномочия!

– Боже мой, нет, именно на кухне вы приносите основную пользу, так что уж пусть она будет в вашем ведении.

Вполне удовлетворенная своей «милостью», Амели вдруг заметила, как побледнела Мойра. Напоминая ей, что она здесь находится в роли приживалки, а в обмен на это исполняет обязанности кухарки, она нанесла ей страшное оскорбление. Амели плохо выполнила миссию, которую сама же возложила на себя, словно забыв о том, как высоко ценит Ангус то, что делает Мойра, и очень любит ее к тому же. Но когда его стали тревожить непомерные суммы, уходящие на ведение хозяйства, Амели решила воспользоваться этим предлогом и пообещала все уладить вместе с Мойрой. На самом же деле ей

хотелось отобрать у Мойры некоторые ее прерогативы. Например, самой ведать счетами, это было бы ей на руку, так как к жене он не стал бы придирается по мелочам. Впрочем, вопреки тому, чего она больше всего опасалась, учитывая печальную репутацию шотландцев как скупцов, Ангус отнюдь не отличался жадностью. Разумеется, он в чем-то проявлял бережливость, не любил бессмысленных трат и не бросал деньги на ветер, а старался тратить по существу, однако, когда, например, ему хотелось купить себе дорогое ружье, цена не имела для него значения. Или когда Амели хотелось купить себе роскошный наряд или драгоценность, он никогда не заставлял себя просить, а на вторую годовщину их свадьбы подарил ей великолепный перстень.

— К примеру, — подхватила Амели, — все эти цветники и клумбы, на которых никогда ничего не растет, чем занимается Дэвид, вот затраты, которых вполне можно избежать.

— Уладьте это с ним напрямую, парком я не занимаюсь.

— Тем не менее я вижу, что за розами ухаживаете вы, а не он.

— Мне это ничего не стоит и доставляет удовольствие. Нельзя же забросить парк без садовника и превратить его в пустырь! Вы привыкли жить в парижской квартире, не имеющей ничего общего с таким поместьем, как Джиллеспи, так что вам трудно представить расходы, которые необходимы для его содержания.

Если Мойра думала, что прищемила этим ей нос, то ошибалась.

— О, для совершенства нет предела, всегда можно сделать что-то лучше, чем прежде, — парировала Амели.

Повернувшись на каблуках, она вышла из кухни, уверенная, что ей удалось порядком расстроить Мойру. А о кузене Дэвиде она еще подумает. Этот человек удивительным образом обладал способностью ни во что не вмешиваться и никому не противоречить, но ведь он полностью сидел на шее Ангуса, вплоть до того, что тот давал ему деньги на личные расходы! Так ли уж необходим он здесь в его неопределенном статусе управляющего? Обычный управляющий, например, не обошелся ли бы он им гораздо дешевле?

На самом деле Амели вовсе не волновала никакая экономия. Она прекрасно знала, что Ангус владеет большим состоянием, хотя он никогда ей не показывал свои банковские счета. На эту тему говорить он не любил и выдавал ей только очень приблизительную информацию. И это был последний бастион, который Амели

собиралась взять. Пару раз она заговаривала с ним об открытии общего счета, но тот всегда делал вид, что ничего не слышит. Чтобы не возникало лишних вопросов, он выделял ей ежемесячную сумму, которая с лихвой могла покрыть все ее расходы на себя и детей, однако она считала себя незаслуженно обделенной. Когда Ангус закрывался вместе с сыном, чтобы обсудить дела, ее так и распирало от злости. Скотт вообще был главным предметом ее ненависти, особенно когда муж называл его своим единственным сыном. Если бы у ее сыновей было побольше ума, они понимали бы, что им стоит вести себя с отчимом получше. Несколько дней назад у нее состоялся долгий разговор с Джоном, и она надеялась, что убедила его. Заручиться благосклонностью Ангуса было бы очень выгодно для него, он бы извлек из этого столько пользы! Почему бы ему не сделать вид, что он интересуется винокуренными заводами и производством виски? Без диплома ему нигде не будет дороги, говорила она сыну тысячи раз. А вот внедриться на одну из винокурен Ангуса, да еще и войдя туда через широкие ворота, было бы для него несомненной удачей! Но только, если бы Джон даже постарался сделать это изо всех сил, успеха еще никто не гарантировал. Не станет ли Скотт главным препятствием? Он не ладил с сыновьями Амели и вряд ли позволит им вступить на свою территорию. Как этому противодействовать? А еще лучше, как дискредитировать его в глазах Ангуса? До сих пор она лишь задумывалась об этом, но дальше медлить было нельзя, нужно было переходить к действию. Будущее детей было для нее приоритетом, а там уж каким способом она это сделает, чтобы их получше пристроить... Решившись на такое, она понимала, что без ее помощи сыновья ничего не смогут добиться. И письмо Майкла зловещим образом лишний раз напомнило ей о том, что она лишила их родной почвы и с этого момента была полностью ответственной за их судьбу. Если, конечно, она не собиралась допустить, чтобы они загубили свои жизни или уехали куда-нибудь далеко от нее... Перспектива остаться без них, состариться в компании Ангуса и Мойры в этом открытом всем ветрам огромном поместье приводила ее в ужас. С Кейт все было гораздо проще, она становилась прелестной девушкой, которой через несколько лет нетрудно будет взять себе в мужья кого-нибудь из местных. Эта проблема была на втором плане. Как обычно: мальчики – прежде всего.

Скотт вернулся к своему столу с двумя кружками пива, за которыми только что ходил к стойке. Он стукнул своей кружкой о кружку Грэма и попросил его еще разок рассказать, что ему удалось для него подыскать.

– Дело в шляпе, старина, повторяю тебе! Это лучшее, что находится в моих папках, и я приберег квартирку специально для тебя. Ты поселишься неподалеку от Сент-Винсент-стрит, в самом центре, а маленькие улочки, ведущие прямоком к Блитсвуд-скверу, просто очаровательны! У тебя даже не создается впечатления, что ты куда-то переехал: в этом месте архитектура скорее в викторианском стиле или в стиле неоклассицизма, наподобие твоего особняка в Джиллеспи. Можешь арендовать квартиру на год, а потом, разумеется, аренду возобновишь, настолько квартира великолепно обставлена. Побывай там и увидишь, она тебе сразу понравится, ты немедленно подпишешь договор.

– Арендной платы пока нет, – заметил Скотт, который старался потянуть время, чтобы еще немного подумать.

– Ты надо мной смеешься? Во-первых, ты далеко не нищий, во-вторых, ведь это же целых пятьдесят пять квадратных метров! Ты хоть понимаешь? Красиво отделанная кухня, настоящая душевая со встроенными шкафами, просторная гостиная, спальня, где у тебя будет место еще и письменный стол поставить... Да если я выставлю эту квартиру на рынок, на лестнице в бюро выстроится длинная очередь!

– Давай кончай со своей риелторской болтовней!

– Я – управляющий недвижимостью, – запротестовал Грэм. – Можно сказать, управляющий состоянием людей, если быть точным. И я надеюсь, что когда-нибудь выступлю в этой роли и по отношению к тебе. Слушай, я отдаю тебе приоритет, потому что ты – мой друг. Но хозяин очень спешит, так что решай сам.

– Мэри придет в ярость.

Грэм картинно развел руками, мол, а он-то тут при чем?

– Ну и? Ты говорил, что хочешь арендовать какое-нибудь холостяцкое жилье в Глазго, что доказывает, что ты еще не созрел для брака. Она поймет.

– Ты думаешь? Впрочем, ведь ты ее знаешь лучше, ты же меня с ней познакомил.

– Я знаю, она волевая, целеустремленная... Это прекрасные качества для профессионала, но они же могут создать массу проблем в вашей семейной жизни, потому что ты такой же волевой, как и она.

– Хорошенький у тебя прогноз!

– Порекомендовав тебе ее в качестве стилиста, я подумал, что вы непременно друг другу понравитесь и скоро окажетесь в постели. От этого до вешания себе хомута на шею дистанция огромного размера.

Скотт расхохотался, потому что был свидетелем Грэма на его свадьбе, которая должна была состояться через две недели.

– А ты не побоялся хомута, как я вижу, и достоин восхищения. Что до меня, то я и сам не понимаю, почему сопротивляюсь. Я люблю Мэри, желаю ее, уважаю и был на грани, чтобы уступить, но...

– Но ты не хочешь заводить с ней детей.

– Не сейчас.

– В таком случае какой резон скреплять ваш союз перед Богом? Продолжите пока в том же духе и пораскиньте мозгами.

Снова став серьезным, Скотт с мечтательным видом разглядывал дно своей кружки.

– Она ждет от меня конкретного – помолвки, – проговорил он.

– Ну мы не всегда получаем то, чего ждем! С Пэт мы оба пошли на компромисс, так нам было проще. А ты все еще жаждешь свободы. Если не считать твою годовую практику за границей, ты всегда оставался в Джиллеспи, и теперь тебе захотелось немного независимости. Самая нормальная вещь на свете.

– У женщин совсем другое понятие о времени, нежели у нас. Мэри любит говорить, что для нее лично куда важнее биологические часы. Ребенок не делается за пять минут, а уж если хочешь несколько...

– Пусть она немного старше тебя, но ей нет и тридцати, и она вполне может подождать! Если она собирается создавать семью именно *с тобой*, то должна дать тебе окончательно созреть для такого решения.

– А ты считаешь меня незрелым? – возмутился Скотт.

– В любви – да, в бизнесе – нет. Давай подыщем более удобное место для разговора. Иди за мной.

Высокий и грузный Грэм с трудом стал протискиваться сквозь толпу в пабе. Снаружи вдоль окон пили пиво курильщики, усевшиеся прямо на тротуаре. Запрет на курение в пабах, действующий уже несколько лет, действительно сделал атмосферу в них более легкой, но запах сигарет сменился острым запахом пива и пота, так что возникла, может, и менее вредоносная, но еще более отвратительная смесь.

Скотт, проходя по залу, поприветствовал некоторых своих знакомых особым жестом руки. Все должны были понять, что у него с Грэмом идет серьезный разговор и никто не должен был к ним подходить, чтобы ему не помешать. Скотт и Грэм были друзьями со школьных лет и даже после окончания учебы никогда не прерывали контактов, хотя встречались нечасто. Родом из более скромной среды, Грэм сначала посмеивался над потомственным дворянином Скоттом, а потом они принялись соперничать в учебе, борясь за лучшие оценки и сражаясь на спортивных площадках в составе разных команд. Но в какой-то момент оба вдруг поняли, что им нравится общаться друг с другом, и пришли к выводу, что им не стоит соперничать, а надо объединиться. С этих пор они стали неразлучны. Скотт часто приглашал его в Джиллеспи, но Грэм никогда не испытывал зависти, а, напротив, всем сердцем полюбил поместье друга. Когда Скотт потерял мать, Грэм очень его жалел и позже стал часто приглашать в свою семью. Люди в ней были простые и сердечные, несколько богемного склада, и у них все вызывало повод для шуток и смеха. Во время стажировки Скотт каждую неделю отправлял другу сообщения. Он рассказывал Грэму о Европе, а тот тем временем постигал банковское дело в группе профессионального колледжа. Первую свою должность советника по налогам и наследственным делам он получил как раз в то время, когда Скотт вернулся в Шотландию и приступил к семейным обязанностям, помогая Ангусу. То есть они одновременно вступили в полноценную трудовую жизнь, и каждый мог поделиться своими заботами с другом, что еще больше укрепило их союз.

— Итак, каково твое решение?

Грэм поставил на стол кружки и впился взглядом в Скотта, ожидая конкретного ответа.

— Если я сейчас откажусь от этой квартиры, ведь ты сочтешь меня трусом, не так ли?

— А ты что думал!

– Значит, я согласен, снимаю.

– Браво! Ты не пожалеешь, а год пролетит совсем быстро. А уж потом ты все сделаешь вполне осознанно. Либо продлишь аренду, либо отправишься покупать кольцо Мэри. Да, кстати, совсем забыл...

Порывшись в кармане, он достал из него небольшой бархатный футляр.

– Здесь обручальные кольца для моей свадьбы. Они должны быть у тебя, так положено свидетелю.

– И ты захотел мне их доверить именно этим вечером, когда мы решили напиться? – усмехнулся Скотт.

– От трех кружек пива еще никто не напивался. Кстати, ты никогда и ничего не теряешь.

– Вот чего я не хотел бы потерять, так это Мэри из-за твоих советов.

– Ты совсем не поддаешься чужому влиянию, Скотт. Если уж на то пошло, я скорее твое *алиби*, чем злобный ангел-хранитель. Если ты скажешь Мэри, что из-за меня ты решил снять холостяцкую квартиру, она рассмеется тебе в глаза.

– Знаю. Но я причиню ей боль, – вздохнул Скотт.

Он отхлебнул немного пива и чуть не выплюнул его.

– Господи! Чего ты туда ливанул?

– Добавил совсем чуть-чуть виски. Это, кстати, «Бойлермейкер». Бармен утверждает, что такая смесь очень бодрит.

– Мы закончим под столом.

– Знаю, знаю, почему ты захотел жить в Глазго, здесь ты можешь спокойно напиваться хоть каждый день, не испытывая угрызений совести. Скажи, ты где сегодня ночуешь?

– В такое время и в таком состоянии, разумеется, у тебя.

– Отлично. Пэт будет счастлива повидаться с тобой. Разберем тебе диван – видишь ли, из комнаты для гостей нам пришлось соорудить детскую.

– Как? Уже? О, только не говори мне, что... Грэм? Грэм!

– Молчи об этом. Это случилось совсем недавно и должно остаться в секрете до свадьбы.

– В двадцать шесть лет ты станешь отцом?

– В двадцать семь, когда ребенок родится. Не забывай, что хотя мы и учились в одном классе, я был на год старше тебя.

– Ну на этот раз ты меня точно обскакал, поздравляю!

Скотт обрадовался за друга и умирал от желания спросить, сможет ли он принять участие в конкурсе, когда встанет вопрос о выборе крестного отца. Но он знал, что Грэм суеверен, и предпочел промолчать. Как, интересно, через несколько недель воспримет эту новость Мэри? Возможно, она воспользуется этим и снова начнет приставать к Скотту, ссылаясь на пример Пэт и Грэма. По сути, идея снять холостяцкую квартиру была неплохим маневром: стремление к независимости, несомненно, станет серьезным тормозом для дальнейших рассуждений о браке. Или же это повлечет слезы, истерику, а может быть, и разрыв. Такая вероятность развития событий огорчала Скотта, но не настолько, чтобы он изменил решение. Он даже испытывал теперь облегчение, что наконец-то определился, и отступать не собирался.

* * *

Ангус метался по кабинету, как хищник по клетке. Он только что выкурил сигару, которая на этот раз не принесла ему успокоения и не доставила ожидаемого удовольствия. Разговор с Амели на повышенных тонах окончательно вывел его из себя. Что он должен предпринять? А главное, как ей отказать? Она защищала Джона всеми доступными ей средствами и хотела, чтобы Ангус помог ему «вставить ногу в стремя». Но этот мальчишка просто не способен удержаться в седле, это яснее ясного! С другой стороны, не дать ему хотя бы единственный шанс попробовать свои силы могло показаться жене верхом несправедливости. Только вот дело-то в том, что Ангус терпеть не мог, когда его к чему-либо подталкивали, давили на него, а Скотт в этом отношении был еще хуже, чем Ангус. Привести Джона на винокурню, даже наименее процветающую из двух, значило создать себе проблему. Скотт сразу начал бы возражать, ведь у него была масса дел куда важнее, чем обучать какого-то новичка, из которого ко всему прочему вряд ли вышел бы толк. Ведь идея исходила от Амели, а не от самого ее старшего сына. Ну а тот явно предпочел бы и дальше балбесничать, чем поступить под начало Скотта, это вызвало бы у мальчишки скрежет зубовный. Что касается интереса, который, по

словам матери, Джон якобы проявлял к работе на винокурнях... Ни он, ни остальные его братья с момента их приезда в Шотландию ни разу не выказали ни малейшего любопытства по этому поводу. А ведь довольно часто за столом во время трапез Ангус и Скотт затрагивали эту тему, если что-то их в данный момент волновало. Вот Кейт, та всегда с вниманием их слушала, только одна Кейт! Но у Кейт была масса положительных качеств, которые отсутствовали у ее братьев. И, помимо всего прочего, она становилась день ото дня все краше. Наверняка ее карие, усеянные золотистыми крапинками глазки, длинные волосы медового оттенка и смущенная улыбка уже нравились мальчикам ее возраста. В отличие от сестры, мальчишки с их белокуроыми жесткими шевелюрами, бледной кожей уроженцев Англии и наглым видом вряд ли имели успех у лиц противоположного пола. Правда, они без конца хвастались, рассказывая о своих «победах» и подталкивая друг друга локтями, но это означало, что они лишь жаждали завоеваний, о которых сочиняли небылицы.

В коридоре в этот момент послышались шаги Скотта, и Ангус приготовился к неминуемому столкновению.

– Заходи! – крикнул он, поворачиваясь, чтобы сесть за рабочий стол.

– Амели сказала, что ты хочешь меня видеть?

Конечно, Скотт никогда не соглашался называть мачеху иначе, чем по имени. Но если она и настойчиво требовала, чтобы ее дети называли Ангуса отцом, то абсолютно не настаивала, чтобы молодой человек в возрасте Скотта величал ее матерью. По крайней мере, в этом вопросе они были едины.

– Садись. Я хочу обсудить с тобой кое-что, что, возможно, будет тебе не слишком приятно.

Пораженный таким вступлением, Скотт с любопытством на него взглянул.

– Ты хочешь поговорить со мной о Мэри? – приготовился он к обороне.

– О Мэри? Нет, не о ней, хотя, в конце концов, раз уж ты с ней встречаешься, мог бы как-нибудь пригласить ее пообедать с нами, я счел бы это естественным. Мне было бы интересно лучше ее узнать, а поскольку она работает на нашей прядильной фабрике, разговор мог бы носить не слишком личный характер.

– Папа, я же сказал тебе, что пока не собираюсь жениться.

– И я правильно тебя понял. Но мне все равно любопытно.

Ангус говорил сухим тоном, готовясь к тому, что за этим последует. Он подождал, пока Скотт ему кивнул, чтобы продолжить:

– А теперь перейдем к тому, что меня в данный момент беспокоит и что касается Джона.

– Какую еще новую глупость он придумал?

– Не будь таким желчным. Амели беспокоится за него, и я ее понимаю.

– Я тоже!

– Скотт, пожалуйста. Я не могу игнорировать тревогу, причем оправданную, моей супруги. Ты понимаешь это, я полагаю? Прокрутив в уме решение этой проблемы и так и этак, я пришел к следующему выводу: я дам шанс Джону обучиться какому-нибудь ремеслу.

– И какому же? – спросил Скотт с видимым напряжением.

– Ему следует поработать на одной из наших винокурен.

– Поработать? Да для чего он может сгодиться там, кроме разве что полы подметать? У него нет ни малейшего интереса ни к чему на свете.

– Ты ничего не знаешь об этом.

– Во всяком случае, я не стану с ним возиться.

Выпрямившись в кресле, Ангус пристально посмотрел сыну в глаза.

– Нет, ты это сделаешь.

– Ты что, хочешь нацепить мне на ноги кандалы? – взорвался Скотт. – У меня и так работы невпроворот, и ты это отлично знаешь. К тому же освоение производства виски и его коммерциализации потребовало у меня уйму времени, хотя я с детских лет варился в этом. Знаешь, что рассказывал этот придурок Джон приятелям? Он говорил им: мой отчим изготавливает «вискей». Дэвид попытался ему объяснить, что так еще простительно говорить в Ирландии, но не здесь, так же как «бурбон» говорят в Соединенных Штатах, если пойло делается хотя бы из половины зерен кукурузы. Но Джон только пожал плечами, сказав, что все это ему пофиг и даже хуже. И ты хочешь, чтобы я его чему-то учил?

– Он еще мальчишка, это дурачество, не больше.

– Таким он и останется навсегда. Тупоголовый в учебе, отвратительно воспитанный и самодовольный. Я не собираюсь быть его наставником. Зачем ты его на меня навешиваешь?

– Если бы я еще работал, я бы сам им занялся. Но сейчас ведь ты всем там руководишь.

– Согласно твоей воле.

– Не только, Скотт. К счастью, ты мой сын, и твоя судьба была predetermined, у тебя есть дело, которое тебе нравится, значительные доходы... Насколько я помню, тебе самому не терпелось начать работать. Или я ошибаюсь? И даже не вспоминай о своей нелепой мечте стать врачом, ты потом жалел бы об этом всю оставшуюся жизнь. Даже если тебе нелегко приходится сейчас, признайся, что дело тебя увлекает.

– Бесспорно.

– Значит, благодаря мне ты вовсе не несчастлив и тебе не приходится беспокоиться о будущем. И это просто замечательно! И все-таки тебе придется взять с собой Джона и дать ему время, чтобы он познакомился с работой на нашем предприятии, производящем виски. На самом деле я не прошу тебя об этом, я приказываю.

Очевидное усилие, которое Скотт приложил, чтобы овладеть собой, встревожило Ангуса. У его сына был цельный характер, нелегко было подмять его под себя, он мог и взбунтоваться.

– Сделай мне такое одолжение, – поспешил добавить он. – Иначе Амели не оставит меня в покое.

– Эта женщина и правда добивается от тебя всего, чего хочет, – глухим голосом ответил Скотт. – Она превращает тебя в марионетку, лишенную собственной воли, она...

– Не говори того, о чем можешь пожалеть! – воскликнул Ангус, стукнув по столу кулаком.

Он встал и пошел на Скотта, вне себя от возмущения.

– Я не позволю тебе называть меня марионеткой! И если ты не будешь выказывать должного уважения к мачехе, мы с тобой крепко поссоримся. Ты знаешь мой характер, я не из тех, кто балует сыновей. Если понадобится, ты почувствуешь это на своей шкуре. А теперь ступай, я больше тебя не задерживаю!

Гордость Ангуса была сильно задета, он повернулся к сыну спиной и скрестил руки. Но, несмотря на свой гнев, он не собирался

усугублять ситуацию. Через секунду он услышал, как хлопнула дверь. Не двинувшись с места, он подождал, пока не услышал, как мотор джипа заревел у него под окном. Наверняка Скотт отправился в Глазго, где только что снял квартиру. Он пообещал, что один-два вечера в неделю будет заезжать в Джиллеспии и обсуждать с ним дела. Но что будет теперь? Какая досада, что они рассорились из-за бабьих пустяков. Ангус всегда гордился, что ему удавалось сохранять хорошие отношения с сыном и в его детстве, и в подростковом возрасте, несмотря на смерть Мэри, и, конечно, во многом благодаря помощи Мойры, а также правильному выбору пансиона. Став взрослым, Скотт продолжал с уважением относиться к отцу, и со временем между ними установилось своего рода полное теплоты и привязанности сообщничество, приятное для обоих. Увы, приезд Амели и ее отпрысков испортил все. Вот только что Скотт осудил его, осмелился назвать марионеткой, чего Ангус вынести просто не смог. Нет, он вовсе не стал марионеткой в объятиях Амели! Влюбленным – да, но ясность мыслей при этом ему никогда не изменяла. По крайней мере, он на это надеялся. Но ведь и Скотт тоже должен был понимать, что Ангус не мог полностью игнорировать желания супруги. И то, что Амели заботило будущее ее детей, тоже вполне нормально. Две винокурни и прядильная фабрика – это три предприятия, принадлежавшие Ангусу, и, если бы он запретил доступ туда своим пасынкам, создалось бы впечатление, что он их не принимает. Разве не могло быть такое, что, соприкоснувшись с деловым миром, мальчишки открыли бы в себе интерес к производству и приобрели желание трудиться? Даже если Ангус и сам не очень-то в это верил, все же он должен был дать им этот шанс. Больше того, он *обязан* был им его дать. Да и много ли он просил у Скотта? Совсем чуть-чуть усилий и доброжелательности. Ничего сверх этого. В любом случае Ангус был главой клана Джиллеспии, кому, как не ему, надлежало сохранять порядок в семье?

Он вернулся в свой кабинет и принялся нервно поигрывать гильотинкой для сигар. Прекрасная серебряная вещица, на которой были выгравированы его инициалы, но главное – это был подарок Скотта, который тот преподнес ему четыре года назад. В те времена его сын подрабатывал кое-где, когда случалась такая возможность на каникулах, чтобы скопить немного карманных денег. Да и сам Ангус

делал то же самое в его возрасте и не считал зазорным подрабатывать официантом либо разносчиком газет. Зато если Скотту приходилось помогать отцу в работе во время сбора урожая ячменя или на стрижке овец, Ангус никогда ему за это ничего не платил, и Скотт считал это в порядке вещей. Между ними вообще никогда не вставал вопрос денег, пока однажды Мойра не сказала брату, что он не слишком-то щедр по отношению к сыну. И немедленно после этого Скотт получил свой первый автомобиль – подержанный «Остин», что привело его в неописуемый восторг. Воспоминания об этом вызвали улыбку на лице Ангуса, и он заметил, что его гнев на сына улетучился. Теперь, наверное, по дороге в Глазго Скотт тоже успокоился. Не пройдет и нескольких дней, в худшем случае недель, и все войдет в прежнюю колею. А в ожидании этого Ангус вполне мог сообщить Амели приятную новость, что обещало ему хороший вечер, за которым должна была последовать восхитительная ночь.

Красный от гнева Дэвид ворвался в кухню, где Мойра готовила суп из чечевицы.

– Я не... прислуга! – воскликнул он.

– Конечно, нет, Дэвид. Что это с тобой?

– Амели заговорила со мной неприязненным тоном. Похоже, она надеется, что я тут же соберу вещи и уйду!

– Да ладно, не смейся. Соберешь вещи? Не говори так, Дэвид, твое место среди нас.

– Тогда нельзя со мной обращаться как с бездельником. Я – управляющий, у меня есть четкие обязанности в Джиллеспии, и Ангус на меня рассчитывает. Не будь я здесь, как бы выглядел сейчас особняк? Покинутое всеми здание, окруженное джунглями со всех сторон. Эта женщина понятия не имеет, как управлять таким поместьем, как наше. Она лишь кичится своим французским акцентом, думая, что это очень шикарно, но в деле ничего не соображает.

Мойра положила половник и повернулась, чтобы взглянуть на Дэвида. Обычно немногословный, он сказал сейчас за минуту больше, чем говорил за неделю.

– Видите ли, она хочет, чтобы наняли настоящего садовника, *профессионала*. А знаешь, что я тебе скажу? Она с ее манией величия хочет разорить Ангуса. Но Ангус – а я знаю его лучше, чем ты, – он ни за что этого не допустит. И потом, я надеюсь...

Покачав головой, Мойра прошептала:

– Ну, надейся, надейся...

Они обменялись многозначительными взглядами, потом Дэвид пожал плечами и сел поближе к огню. С тех пор как Амели приехала в Шотландию, он избегал любых замечаний по ее поводу, считая, что супруга Ангуса достойна уважения. Ангус был его богом, он испытывал по отношению к нему бесконечную благодарность и никогда не позволял себе его критиковать. Много лет назад, когда Дэвид явился в Джиллеспии попросить помощи у кузена, он никак не ожидал, что его с первых же минут встретят с таким радушием. Ангус увидел в его появлении чуть ли не дар божий, поскольку давно искал

человека, которому он мог бы доверять, чтобы тот стал управляющим его поместьем. Занятый и без того сверх меры делами на трех предприятиях, он не мог заниматься всем сам, а чужака на роль управляющего брать не хотел. А вот кузен – это было как раз то, что нужно, так он его тогда и заверил с большой теплотой.

Дэвид отнюдь не был полным ничтожеством, как полагала Амели. Оставшись без средств после банкротства, а затем и самоубийства отца, который разорился в туристическом бизнесе, он едва не стал алкоголиком. Слишком застенчивый, чтобы ухаживать за девушками, чересчур замкнутый, чтобы обзавестись друзьями, он время от времени подрабатывал, где придется, на разных мелких работах. Ему нравилось что-то делать своими руками и при этом находиться на улице, причем в любую погоду. Не получивший образования, он предпочитал слушать других, а из-за отсутствия средств одевался кое-как. Тем не менее когда-то он получил хорошее воспитание, которое осталось при нем и которому он никогда не изменял. За его манеры никому не приходилось краснеть, когда семья Джиллесли собиралась вместе за обеденным столом, хотя он почти все время молчал, да и одет был в униформу садовника.

С первой же минуты Ангус понял, насколько важен будет для него в качестве работника двоюродный брат. Несмотря на то что он познал тяжелые времена, Дэвид был очень честен и сторицей готов был отплатить за услугу, которую ему оказали. Тут же состоялась и сделка: Дэвиду предлагались кров, стол, право считать себя членом семьи, однако ни зарплаты, ни какого-либо договора не предусматривалось. Но кузен Ангуса и без того был счастлив, ведь главное, что тот вел себя с ним как с равным, и Дэвид от одного этого был на седьмом небе. Так что в благонадежности кузена Ангус не ошибся. Нельзя сказать, что Ангус действовал исключительно по альтруистическим соображениям, протянув руку помощи обездоленному родственнику. А чтобы привязать того к себе еще больше, время от времени совал ему несколько банкнот на карманные расходы с дружеским подмигиванием.

Мойра знала все это, но она никогда не стремилась разочаровать Дэвида, открыв ему суть дела. Коль уж Дэвид хотел видеть в Ангусе благотворителя, пусть так оно и будет, она не станет препятствовать. Но при таком обороте, как сегодня, что она могла ему сказать? Что в

глазах Амели он не имел никакой ценности как работник? Что в случае конфликтной ситуации Ангус мог его прогнать без зазрения совести?

– Постарайся не обращать на нее внимания, – посоветовала она. – Парк Амели нисколько не интересуется, она скоро забудет об этом и займется чем-нибудь другим.

– Амели не из рода Джиллеспи и никогда не станет одной из нас, – проворчал Дэвид. – И она даже не шотландка! К счастью, она не так молода, чтобы завести с Ангусом общих детей, слава тебе, Господи!

– Она могла бы, пожалуй. В наши дни женщины не стесняются рожать все позже и позже, им хоть трава не расти.

– И что, Ангус согласится на это? – возмутился Дэвид, подняв к небу глаза.

– Кто знает...

– Представляешь себе физиономию Скотта?

– Нет, лучше уж не думать об этом.

– Вместо того чтобы благодарить Бога, я лучше попрошу Его охранить всех нас от этой беды. Пожалуй, на этот раз схожу в церковь и поставлю свечку.

Дэвид стал говорить медленнее и уже не так возмущенно. Наверное, он смирился с потрясениями, которые, возможно, были уже не за горами, но никак от него не зависели. Мойра, напротив, вбила себе в голову, что должна во что бы то ни стало отстоять независимость брата. Она видела, что тот уступает все больше и больше требованиям Амели, хотя и понимала, что делает он это скорее чтобы не нарушать мир в доме, а не потому, что подпал под ее влияние. Брат обладал слишком мощной индивидуальностью и силой характера, чтобы принять что-то в угоду другому человеку. Он всегда все тщательно рассчитывал, и если одной рукой что-то давал, то другой всегда умел взять. И с Амели он вел себя точно так же, как и со всеми остальными. Он сделал уступку жене в том, что касалось Джона, принудив сына открыть для него двери винокурни, но одновременно с этим хоть на время избавлялся от присутствия противного мальчишки. Содержа детей Амели, он ни за что на свете не упомянул бы их в своем завещании. Мойра была в этом совершенно уверена. Если только... Не одержали бы верх над его разумом плотские утехы! Ангус любил женщин и был не очень-то избалован ими до вторичной женитьбы.

Мэри отказывала ему в близости после родов, а оставшись вдовцом, вряд ли он соблазнил хоть одну. Мойра предполагала, что для удовлетворения своих потребностей он иногда прибегал к услугам профессионалок или, по крайней мере, женщин легкого поведения. Так что теперь в свои шестьдесят, имея в постели симпатичную женщину двадцатью годами младше, Ангус должен быть на верху блаженства. Неужели до такой степени, что он мог забыть традиционные ценности? Как она могла знать, ведь для нее любовь была «неведомой землей», ибо никто никогда на нее не претендовал. В молодости у Мойры случались редкие флирты, и сердце у нее билось чаще, как и положено, однако помимо нескольких поцелуев ей и вспомнить-то было нечего. С одной стороны, она не отличалась привлекательностью, а с другой – ее суровый братец своим навязчивым покровительством быстро отваживал от нее всех женихов. Брат и сестра были очень похожи – оба массивные, «с низкой посадкой», лишенные какой бы то ни было изюминки в грубоватых лицах. То, что могло еще хоть как-то сойти в Ангусе, – этаким мужественном игроке в регби, обличию Мойры не придавало ни малейшего шарма. И так как она была от природы добра и довольно покорна, много лет Ангус ревниво следил за ее нравственностью, даже не осознавая, что просто мешает ей жить собственной жизнью. Так, из молодой женщины она постепенно перешла в разряд старых дев. А между тем Мойра не испытывала по этому поводу никакой горечи. Многие из ее подруг, вышедшие замуж с большой помпой, кончили разводом, обливаясь слезами. Пары то сходились, то расходились, и мало среди них было по-настоящему счастливых союзов. И уж пусть ей не повезло с мужем, зато в другом она была счастлива: у нее был Скотт. Этот семилетний мальчик, только что потерявший мать, нуждался в ласке, и она без малейших колебаний вручила ему свое сердце.

– Еда скоро будет готова, – объявила она Дэвиду с нотками умиротворения в голосе.

Она не видела никакого смысла подливать масло в огонь. Сегодня вечером Скотт должен был прийти на ужин, и, несомненно, у них опять затеется спор насчет Джона. Ангус будет в плохом настроении, и совершенно не нужно, чтобы ко всему этому еще добавился Дэвид с его проблемой. Впрочем, намек Амели на то, что Дэвид должен уйти,

казался ей нелепым. Вся его жизнь была здесь, в Джиллеспи, он это хорошо знал, и в конечном итоге ему ничего не оставалось, как продолжать кланяться и уступать капризам и придирам Амели, потому что выбора у него не было. У Мойры, увы, тоже.

* * *

Примерно в то же самое время на гринокской винокурне Джон прогуливался возле перегонных кубов, руки в брюки, с видом невыразимой скуки. Именно такую позицию он решил избрать, видя, насколько она выводит Скотта из себя. Их взаимная антипатия в течение нескольких последних недель сменилась на откровенную ненависть, и малейший контакт мгновенно оборачивался перебранкой.

За время его появления в винокурне близ Инверкипа^[13], в наиболее архаичном из двух винных заводов Джиллеспи, Джон умудрился возбудить ненависть у всех работников, с такой неохотой, ленью и спесью он относился к выполнению самого простенького задания. Скотт сначала поручил его заботам старшего мастера, но тот уже через десять дней наотрез отказался заниматься Джоном. Вот почему Скотт в конце концов решил его взять с собой в Гринок, чтобы самому за ним наблюдать. И тут же Джон выставил свое требование: либо ему покупают машину, либо снимают квартиру. Скотт, который все реже и реже ночевал в Джиллеспи, никак не мог его туда доставлять, а ведь каждым утром туда нужно было приходить вовремя... Это требование было логичным, но, разумеется, Ангус предпочел остановиться на автомобиле, чтобы тот каждый вечер приезжал в Джиллеспи и был под присмотром. Так что вместо того чтобы зажить новой, полной приключений жизнью, Джон заполучил старый облезлый «Воксхолл»^[14], на котором до тех пор ездил Дэвид, в то время как управляющий получил взамен новенький универсал! Джон пытался опротестовать это решение с помощью матери, однако Ангус остался непреклонным.

Отойдя от кубов подальше, Джон вышел из цеха на мощный двор и снова зажег сигарету. Здания винокурни с островерхими крышами не были лишены своего рода элегантности. И, несмотря на свое деланое равнодушие, в итоге Джон все-таки смутно начал понимать процессы

изготовления виски. Он, например, мог уже объяснить, что означает выражение «односолодовый виски». Обозначение этого элитного напитка показывало, что изготовлен он из чисто ячменного солода (без добавок другого зерна) и все процессы производились на одной винокурне. В то время как чистосолодовый виски уже не был столь высокосортным и мог содержать добавки, произведенные на других винокурнях. Виски мог быть и солодовым купажированным, что означало, что в нем содержится не только ячменный солод, но и зерновые добавки. Оригинальность производства Джиллесли заключалась в том, что они производили чистейший напиток по старым рецептам, самой высокой пробы, тот самый односолодовый виски, в то время как на других винокурнях Шотландии этот традиционный процесс влился в крупное винно-водочное производство. Джон видел в списках самых известных винокурен знакомые ему названия, такие как «Реми Куантро» и «Перно Рикар», но их продукция стала ориентироваться на международную торговлю с производством миллионов литров национального напитка. Что касается Ангуса, он стойко держался за жесткое соблюдение традиционного процесса. Виски его, насыщенный и обладающий неповторимым ароматом и вкусом, предназначался исключительно для шотландцев, единственных знатоков в его глазах. Лет пятнадцать назад его производство переживало тяжелый период, вытесняемое с рынка конкуренцией гигантов с их развернутыми рекламными кампаниями, однако с верного курса он так и не свернул. Теперь настали другие времена, ширилось движение за возвращение к старым традициям, и Скотт мог пожинать прекрасные плоды его трудов.

Несмотря на всю свою недобросовестность, Джон вынужден был признать, что Скотт не зря столько времени отдавал работе. Где бы он ни находился, в солодовом ли цехе, где следил за тем, чтобы не проросли семена ячменя, или перед печами, где сжигали торф, чтобы просушивать семена, возле чанов для производства браги или возле перегонных аппаратов, Скотт следил за всем, что происходило, с видимым удовольствием. Он часто ходил в соседнюю бондарню, чтобы починить дубовые бочки или купить по случаю бывшие в употреблении, объясняя Джону важность качества древесины для созревания алкоголя. «Никогда не используй новые бочки! В худшем случае можно использовать те, в которых раньше был херес, бурбон

или даже бордо. Виски проведет в них десятки лет, и его аромат будет зависеть исключительно от дерева бочек. А поскольку это материал пористый, он вберет в себя еще и окружающий воздух, а ведь мы близко к морю, так что воздух придаст ему особый вкус, чуть солоноватый, но очень узнаваемый. Естественно, это палка о двух концах: из бочки испарится примерно один-два процента ее содержимого за год, но это у нас называют „долей ангелов“».

Все эти тонкости поначалу удивляли и раздражали Джона, но тем не менее со временем он начал испытывать ко всему этому смутный пока интерес. Единственное, чего не делалось в винокурнях, это розлива в бутылки – бочки направлялись в специализированные фирмы, однако ответственность за розлив несли винокурни. Джон уже дважды отвозил бочки в предместье Эдинбурга, и это маленькое путешествие ему даже понравилось.

– Так и будешь тут курить весь день?

Скотт, который подошел незаметно, так что Джон его не увидел, шлепнул его по плечу, и паренек вздрогнул.

– Если тебе нечего делать, пойдем со мной.

Как только Джон старался отойти куда-нибудь и побыть простым наблюдателем, неведомо откуда сразу возникал Скотт и подыскивал ему какое-нибудь занятие. При таких условиях как мог Джон не приходить в ужас при слове «винокурня»? Они вошли в здание администрации, где полный рабочий день трудились три секретаря и бухгалтер. Здесь царила шумная деловая атмосфера, то и дело входили и выходили служащие и водители, не смолкали телефоны.

– Я собираюсь ввести тебя в курс дела во всем, что касается поставок, – заявил Скотт, открывая дверь в свой кабинет. Комната была полностью отделана дубовыми панелями и украшена медными аппликациями, над которыми красовались несколько ламп из опалового стекла и старинные гравюры, имеющие отношение к виски. Перед большим письменным столом красного дерева стояли два обязательных честерфилдских кресла, обтянутых уже потертой зеленой кожей, словно ждавшие посетителей.

– Недостает только шотландских занавесок! – с иронией произнес Джон.

– Мы ничего здесь не трогали со времен моего деда, – пояснил Скотт. – Мне очень нравится здешняя атмосфера, да и моим клиентам

тоже.

– Очень уютненько, местный колорит... Сегодня утром мы здесь будем работать?

– Я – да, но не ты. Найдешь Джэнет, и пусть она тебе подробно объяснит, как производятся поставки.

– Не очень-то веселая программа на день.

– Предпочитаешь переворачивать лопатой ячмень в цеху просушки? Или мешать брагу в чанах?

– Все это мы уже проходили, не стоит так напрягаться!

Скотт сел за стол, оставив Джона стоять.

– Я и не думаю напрягаться. Пока что ты только всему учишься, ты ведь этого хотел? Впрочем, будущим летом я поставлю тебя *вместе с другими* на уборку ячменя, чтобы ты постиг всю науку, так сказать, с самого начала.

– Вот об этом не может быть и речи! Летом у меня каникулы, и я планирую отправиться подальше от Шотландии. Мне нужно повидаться с моим отцом во Франции. Думаю, это будет куда интереснее, чем терпеть все твои мелкие пакости.

– Не изображай из себя жертву, Джон. А ты на что рассчитывал? Что тебе тут же предложат хорошо оплачиваемую работу и притом не слишком утомительную? Нет уж, сначала тебе нужно приложить усилия и познать все детали профессии. А она настолько сложна, в ней целая масса разных тонкостей, о которых ты пока и представления не имеешь.

– Да плевать мне на все это, Скотт! Я здесь только для того, чтобы угодить маме, и мы оба это знаем.

– Действительно, она, пожалуй, единственная, кто получает от этого удовольствие. Что до меня, то тащить на себе весь день такого ленивого болвана, как ты, это просто крестный путь какой-то!

Обиженный, потому что Скотт угодил в больное место, назвав его болваном, Джон перевел разговор на другое:

– За что ты меня так ненавидишь? Вероятно, за то, что я ступил на твою территорию? Вот ты и устроил мне суровую жизнь, чтобы я поскорее отказался, ведь ты все делаешь для того, чтобы эта работа вызвала у меня отвращение.

– Ты ошибаешься.

– Вот только не рассказывай мне сказок! Ты очень плохо воспринял повторный брак отца, хотел остаться единственным сыном и самому все держать под контролем, до последнего пенни. А тут на тебе – придется делиться, вот это-то тебе и встало поперек горла!

– Да чем, в сущности, делиться? Делить работу, обязанности? Так вот, ты на это не способен. Вопреки тому, что ты там себе придумал, мне бы хотелось иметь напарника, который мог бы меня иногда подменить. Полноценное возобновление объема продаж нашего виски – это потрясающие возможности, и я собираюсь сделать все, что только от меня зависит, чтобы две наши винокурни давали максимальный доход. Во времена, когда всем заправлял отец, дела шли ни шатко ни валко, он порой с трудом удерживался на плаву. Теперь же – девять винокурен из десяти входят в ассоциации, готовые раздавить одним махом тех, кто еще сохраняет независимость. Но когда речь заходит о качестве, которое всегда должно быть безупречным, причем неизменно безупречным, когда речь заходит о традиционных шотландских технологиях, столь же безупречно выдержанных, вот тогда мы получаем мощный рычаг, чтобы сопротивляться этим объединениям. Мой отец старался следовать этому всю жизнь, но я хочу большего, хочу прогресса, развития, хочу пойти дальше. И для этого мне нужна рядом команда из верных людей. И ты мог бы стать одним из них, поскольку, хочу я этого или не хочу, ты мне доводишься родственником.

– Стать одним из твоей команды? И это после пяти, а то и десяти лет обучения, которое уж ты точно постарайся сделать для меня отвратительным? Нет, мне этого недостаточно. Для этого я слишком честолобив и не собираюсь всю жизнь подчиняться твоим приказам, чтобы помогать тебе как можно успешнее продавать свое пойло! Ну и что тебе остается? Кого ты возьмешь в свою команду? Моих двух братьев в качестве бесплатной рабочей силы?

Джон начал кричать, но его гневную тираду сопровождала такая тишина со стороны Скотта, что в конце концов тот вдруг почувствовал себя неуютно. Скотт смотрел на него, и невозможно было понять, что выражал его взгляд. Через какое-то время он бросил:

– «Бесплатная рабочая сила» – громко сказано. Вы трое ни на что не годны.

Не торопясь он поднялся с места, обошел кабинет и открыл дверь.

– Я попросил тебя обратиться к Джэнет, чтобы она тебе объяснила, как работать на поставках. Если ты не хочешь этого делать, ты вправе покинуть винокурню навсегда.

– На самом деле?

– Умом, как вижу, Джон, ты не отличаешься. Но я оберну против тебя твое же оружие. Возвращайся домой, пожалуйста матери и увидишь, что на этот раз ты встретишь не слишком хороший прием. Конечно, она на тебя рассчитывала, что ты испортишь мне немало крови, но главное, она хотела внедрить тебя сюда, чтобы потом похвастаться перед отцом твоими успехами. Ей казалось, что рано или поздно ты сможешь стать еще одним наследником. К несчастью, отец досконально знает эту профессию и будет судить о твоих достижениях по тому, как ты сумеешь проявить себя в качестве ученика в этой области. Он мне тебя навязал и теперь спуска тебе не даст. Сбежав отсюда, ты теряешь свой единственный шанс занять в нашем деле какое-нибудь место. Он очень влюблен в твою мать, здесь я согласен с тобой, однако дураком он от своего чувства не станет, не рассчитывай.

– Ты недооцениваешь власть, которую имеют красивые женщины над старыми джентльменами! – возразил Джон, трясаясь от ярости.

Он хотел бы вывести Скотта из себя, возможно, спровоцировать скандал или, еще лучше, драку, о которой только и мечтал. Но Скотт оставался невозмутимым и молчал, ожидая ответа. И Джон вдруг сдался, осознав, что у него нет никакой лазейки.

– Ну и кто она, эта Джэнет?

– Блондинка в очках.

Выйдя из кабинета и сильно хлопнув дверью, Скотт сделал глубокий вдох, затем на секунду закрыл глаза, чтобы успокоиться. Бесконечные усилия, которые ему приходилось прикладывать, чтобы не отвечать на провокации Джона, не только изматывали его, но и делали желчным. Бывали моменты, когда ему отчаянно хотелось схватить его за шею и как следует встряхнуть, как щенка. Единственным утешением сегодня было то, что он наконец сказал Джону, что тот ни на что не годный глупец. Эти высказывания, несомненно, будут сообщены Амели тем же вечером.

Потом он вновь зашел в кабинет и посмотрел в свой рабочий блокнот. Вообще-то, сегодня он сопровождал Мэри на джазовый концерт в театре «Коттьер», так что на ночь в особняк возвращаться не

собирался. Кстати, приезжать туда ему хотелось все меньше и меньше. Он сожалел об этом из-за Мойры, отца, из-за прелестной малышки Кейт. Впрочем, не такая она уж и *малышка*! Но она все так же чувствовала себя уязвимой перед братьями, третировавшими ее и считавшими маленькой девчонкой, которой она вовсе не была. Филип тоже шел по стопам старшего брата, он завалил один экзамен, оканчивая среднюю школу, и не имел никаких шансов поступить в высшее учебное заведение. В то же время Джордж вот уже несколько месяцев принадлежал скорее к золотой середине класса, то есть учился вполне сносно, и это уже был не такой безнадежный случай. Он вел себя намного приличнее, чем остальные братья, был любезнее и добрее, чем они. Скотт не испытывал к нему антипатии, однако настоящую привязанность он испытывал только к Кейт. Был ли он несправедлив или нетерпим, как это утверждал Джон? Он никогда не рассматривал детей Амели как угрозу. Зная отца, он был почти уверен, что тот не даст себя провести. Однако фраза Джона о власти красивой женщины над пожилым джентльменом заставила его призадуматься. Если бы он вступил в открытую войну с Амели, чью сторону принял бы Ангус? Тот продолжал демонстрировать доброжелательное безразличие к своим пасынкам, но тем не менее в итоге Амели набирала очки. Разве не он обязал его «внедрить» Джона на винокурню, разве не он предоставил ему автомобиль, взял на себя все расходы по содержанию четверых детей? Кто, как не Ангус, позволил Амели изменить убранство почти во всех комнатах особняка, постоянно притеснять Мойру, оскорблять Дэвида? Как далеко он мог зайти, чтобы угодить жене? Скотт понимал, что Амели его ненавидела. Она рассматривала его как препятствие для ее планов относительно собственных сыновей, но если убедить Ангуса было для нее не слишком сложно, то Скотт полностью ускользал из-под ее влияния. Он являлся единственным законным сыном Ангуса, носившим имя Джиллеспи, и она должна была каким-то образом отстранить его от борьбы, разделаться с ним любым способом для достижения своих целей.

С задумчивым видом он стал рассматривать гравюры, украшавшие стены его кабинета. Одна из них представляла первую этикетку односолодового виски «Джиллеспи», появившуюся двенадцать лет назад. За десятилетие графика претерпела

незначительные изменения, но строгая элегантность дизайна осталась прежней. На полках магазинов такие бутылки издавна замечались настоящими ценителями. И целью Скотта было не просто сбыть свой товар: на его виски спрос неизменно превышал предложение, но и увеличить производство. А это было довольно сложной задачей, поскольку он должен был предвидеть, каким будет рынок через лет двенадцать, рассчитав время, которое понадобится для изготовления напитка. Отец, думая о будущем, не стремился к увеличению производства, учитывая, что разлитый по бутылкам виски уже не «стареет», подобно вину, и длительное складирование не придает ему дополнительной ценности. Однако Скотт был еще очень молод, впереди у него было много времени, и он мог себе позволить рискнуть.

Забыв и про Джона, и про все свои семейные проблемы, он вновь с головой ушел в работу. Для начала он решил заняться осмотром дистилляционных кубов, часть заклепок которых на его взгляд требовала замены.

* * *

День уже клонился к вечеру, но Кейт все еще гуляла. Она отважилась уйти далеко за пределы парка, по открытым ею новым тропинкам, которые всегда звали ее идти дальше и дальше. Подошвы застревали в грязи, что мешало ей двигаться, замедляло ход. Но ей было все равно, ведь такие прогулки доставляли ей огромное удовольствие. Она обогнула вершину холма, на котором стоял особняк Джиллесли, и уже знала, что скоро издавна покажется море в самый час заката солнца. На обратном пути ей придется поторопиться, чтобы успеть вернуться до наступления темноты.

Прогулки по угольям Джиллесли всегда вселяли в Кейт энергию и хорошее настроение. Везде ее поджидали милые сюрпризы: увидеть верескового тетерева или тетерева-косача, белку или куницу, а иногда и дикого кота, выбирающегося из лесного болота. Кейт обожала шум ветра, который дул здесь почти ежедневно, но звуки производил совсем особые, разные в лесу и на открытом воздухе. С каждым годом она все больше влюблялась в Шотландию, околдованная диким видом ее необозримых просторов. Поместье Джиллесли, раскинувшееся

между морем и холмами, открывало множество неповторимых пейзажей с их яркой суровой красотой, которая ей никогда не надоедала. Она совершенно забыла про Париж, не думала больше о Люксембургском саде, таком маленьком и слишком упорядоченном. Даже об отце она отныне редко вспоминала. Обиженная его равнодушием, она окончательно смирилась. Многочисленные письма, которые она когда-то совершенно напрасно писала, даже не зная, куда их послать, теперь ей казались слишком приторными и слезливыми, когда она вспоминала некоторые отрывки из них. Пока они хранились у нее на дне ящика, но, поскольку они никогда не будут прочитаны, Кейт намеревалась их уничтожить. Вся эта «утраченная любовь» долгие годы причиняла ей боль, но теперь она уже больше не рыдала над ней. Иногда, когда она залезала в ящик за карандашом или ластиком и видела там письма, она просто пожимала плечами. Детство закончилось, образ отца мало-помалу растворился в небытии, и скоро от него останется лишь печальное воспоминание.

Когда Джон решительно ей заявил, что он летом собирается отправиться во Францию повидать отца, Кейт испытала шок. *Увидеть?* Неужели он, наконец, подал какие-то признаки жизни? Да, но почему он приглашает в Париж одного только старшего сына? Сообщение Джона произвело на нее эффект разорвавшейся бомбы. Но, несмотря на все мольбы Кейт, он решительно отказался назвать ей адрес, сказав, что они с отцом общались лишь однажды на «Фейсбуке». Кейт тогда чуть не заплакала, скорее от разочарования, чем от огорчения, но вдруг поймала себя на том, что слез-то и не было, во всяком случае, их не было из-за отца. Если уж тот решил затеять такую жестокую и гнусную игру, которая могла вбить клин между его собственными детьми, был ли он достоин ее слез? В таком случае его стоило вычеркнуть из жизни. Кейт тогда поклялась, что по возвращении Джона она не задаст ему ни одного вопроса, и надеялась, что ей хватит воли сдержать клятву.

Итак, как Кейт и надеялась, она добралась до места, откуда ее взору открывалось море, и она могла воспользоваться моментом, чтобы полюбоваться уходящим за линию горизонта солнцем. Увидит ли она наконец тот таинственный зеленый луч, который крайне редко вертикально падает в волны после того, как солнце полностью исчезнет? Она не очень-то верила этой шотландской легенде, которую

упоминал в своих книгах Жюль Верн, но не могла помешать себе наблюдать за небом: не удастся ли ей все же стать свидетельницей этого удивительного явления? Долгое время она стояла, подставив лицо ветру, словно растворившись в этом незабываемом зрелище. Потом в конце концов Кейт обернулась, волосы хлестнули ее по щекам, и она отчего-то начала смеяться. Одиноким прогулки по холмам всегда вызывали в ней неповторимое, очень приятное чувство свободы. Неутомимая в ходьбе, Кейт пробиралась без боязни сквозь овечьи стада, издали махая рукой пастухам, взбиралась на вершины и сбегала вниз по склонам. Ничто ее не останавливало: ни холод, ни грозы, ей всегда было хорошо на этих удивительных, необъятных просторах. Порой она возвращалась промокшей и дрожавшей от холода, и тогда Мойра ругала ее, торопясь приготовить для нее поскорее чашку крепкого чая. А потом, сидя возле камина и держа в руках обжигающий фарфор чашки, Кейт описывала Мойре прогулку, а та заканчивала одной и той же фразой: «Скотт был как ты, он любил бродить по холмам и терял всякое представление о времени!» Эта фраза была своего рода сигналом, после которого Мойра начинала ей рассказывать истории из детства Скотта, а Кейт с восторгом ловила каждое слово. Одержимость Скоттом не оставляла девушку, она питала ее, это был стимул для жизни. Он продолжал оставаться принцем на белом коне ее мечтаний, единственным сумевшим зажечь ее сердце, все остальные на его фоне казались лишь бледными тенями, только с виду напоминающими мужчин. Ибо с некоторых пор у Кейт появились поклонники. Мальчики ее возраста начинали смотреть на нее по-особенному, улыбаться ей с глупым видом, приглашать на свидания. Один из них, Нил, преследовал ее с особым усердием, он вбил себе в голову заинтересовать ее игрой в гольф, национальным видом спорта. Узнав, что Кейт стала играть в гольф, Ангус пришел в восторг. «В воскресенье, после мессы, мы могли бы с тобой немного сразиться, что скажешь?» – пошутил он. А потом с важным видом богатого господина подарил ей полный комплект для гольфа. Кейт уже давно не сопровождала его в церковь, во всяком случае, не чаще раза в месяц, однако после подарка она с большой охотой стала с ним играть, внимательно прислушиваясь к его советам. Между ними возникло дружеское чувство двух сообщников, которое становилось все крепче. Ангуса забавляла стойкость падчерицы, которая могла километры

вышагивать под проливным дождем, сохраняя чувство юмора, и потом он высоко ценил ее сдержанность, свежесть восприятия, равно как и тонкий ум, который проявлялся во время их долгих разговоров. Амели приходила в восторг от того, что они так прекрасно ладили, и считала будущее дочери устроенным, не сомневаясь, что Ангус подыщет для нее прекрасную партию, когда придет время. Разумеется, Кейт и не помышляла об этом, поскольку думала только о Скотте. Каждый день она боялась услышать объявление о его браке с Мэри, и, когда он являлся на ужин в Джиллеспии, душа ее разрывалась между страхом и радостью. Не осмеливаясь задать ему роковой вопрос напрямую, она ограничивалась тем, что интересовалась новостями о Мэри, а потом тут же переключалась на что-то другое.

Внезапно Кейт заметила, что уже совсем стемнело. Пока она возвращалась домой, как всегда, погруженная в свои мысли, нежданно-негаданно спустилась ночь. Конечно, она знала дорогу, но ей нужно было еще идти около получаса, чтобы добраться до особняка, а темнота сильно замедляла продвижение. Порывшись в карманах пальто, она достала электрический фонарик, с которым никогда не расставалась. Кейт всегда заботилась о том, чтобы батарейка была свежая, так что, нажав выключатель, она обрела серьезную поддержку в виде мощного луча света, освещавшего перед ней путь. Какое-то время она сомневалась, не пойти ли ей прямо через лес либо избрать окольный путь, проходивший по открытой местности, но в конце концов остановилась на первом. Подняв голову вверх, она увидела перед собой лишь черное небо, луна еще не появилась, так как время ее не пришло. Небрежно пожав плечами, она продолжила путь, уверенная, что при необходимости сможет найти дорогу домой даже с закрытыми глазами. Но в этот момент ее нога наткнулась на что-то твердое, и страшная боль, пронзившая ее, заставила девушку громко вскрикнуть. Кейт рухнула и выронила фонарик, который сразу же погас. Ощупав руками лодыжку, она поняла, что только что угодила в стальной капкан.

* * *

Мэри забыла о джазе и концерте. Тесно прижавшись к Скотту, она едва перевела дыхание, по ее губам блуждала блаженная улыбка.

– Это было божественно... – прошептала она наконец.

Она чувствовала, как он гладил ее волосы, играя мелкими прядями на затылке. Заниматься с ним любовью было для нее ни с чем не сравнимым блаженством, она обожала его кожу, запах, малейший его жест. Поскольку они хорошо знали привычки и желания друг друга, каждый старался доставить партнеру максимум удовольствия, но, помимо удовольствия, которое она получала и дарила сама, Мэри еще была безумно влюблена в Скотта. С самого начала романа Мэри привязывалась к Скотту все больше с каждым днем. Она не только считала его красивым и умным, но, помимо этого, открыла для себя, что он может быть нежным, деликатным и полным юмора, несмотря на непростой характер.

– Пора одеваться, – с сожалением заметила она, – иначе мы пропустим начало концерта. Я быстренько пойду приму душ, а потом уступлю место тебе.

– Нет, я пойду с тобой, так будет быстрее.

Он наблюдал, как она вставала, и состроил гримасу.

– Хотя... – сказал он, протягивая руку, чтобы ее удержать. – Ты действительно так уж хочешь пойти на концерт?

– Знал бы ты, с каким трудом мне удалось достать билеты! – воскликнула она, смеясь. – К тому же Грэм и Пэт нас будут ждать, нельзя же их подвести.

Забавляясь от души его разочарованием, она направилась в ванную. Их банные халаты, висевшие на вешалках рядышком, к сожалению, вовсе не значили, что они со Скоттом жили вместе. Несмотря на все попытки, Мэри так и не удалось добиться, чтобы он отказался от своей независимости. Обычно либо она приходила к нему, либо он ее навещал, короче, они встречались как любовники на первых свиданиях, а ведь их связь уже длилась довольно долгое время. Он дал ей ключ от своей квартиры, но она им не пользовалась и всегда предупреждала о своем приходе на всякий случай. С большим тактом он напомнил ей, что иногда ночевал в Джиллеспи и не всегда мог оказаться дома. Хотел ли он таким образом удержать ее от неожиданного вторжения? Она не сомневалась в его преданности, верила в слова любви и никак не могла понять, почему он до сих пор

сохранял определенную дистанцию между ними. Для настоящих устойчивых отношений Скотт считал себя слишком молодым, и в какой-то мере это оправдывало его поведение.

Дверь ванной распахнулась, и Скотт бросился в душ, но не для того, чтобы заключить ее в объятия.

– По-моему, они там совсем безмозглые дома! – бросил он, хватая мыло. – Представь, Кейт пропала, а они даже не заявили в полицию!

– Кейт?

Ошарашенная, она смотрела, как Скотт быстро помылся и схватил полотенце.

– У нее недавно вошло в привычку бродить по холмам в полном одиночестве, – объяснил он.

– Но это ведь опасно, правда?

– Не больше всего остального... А в общем ты права. Кейт – молоденькая девушка, с ней может случиться все что угодно.

– Не стоит сразу думать о плохом. Ну конечно, она просто заблудилась.

– Не верю. Она прекрасно ориентируется на местности и притом очень разумна. Опоздать домой на несколько часов для нее невыносимо.

– У Кейт есть мобильный телефон?

– Да, но она не отвечает.

– Ты сейчас туда поедешь?

– Конечно! Даже если я приеду позже, чем полицейские, я наверняка лучше их знаю местность.

– Я поеду с тобой, – заявила Мэри.

– Нет, это ничего не даст. Потом я тебе позвоню.

Не слушая ее протестов, он принялся одеваться. Двумя минутами позже, когда Мэри заканчивала сушить волосы, она услышала, как хлопнула дверь. Понятно, что он очень волновался из-за малышки Кейт, но мог, по крайней мере, проститься с ней и не таким сухим тоном, который оставил у нее неприятный осадок.

Мэри вернулась в спальню в раздумьях. Если она хотела еще застать Грэма и Пэт, она должна была поспешить, но ей захотелось задержаться, потому что она в первый раз осталась одна у Скотта дома. Никогда она не опустилась бы до того, чтобы рыться в его вещах, но неожиданно для себя она увидела обстановку в его жилище другими

глазами. В этой квартире она чувствовала себя гостьей, чужой, так как никогда полностью не одобряла его выбора. Разве не нелепо было им платить за две квартиры, жить по отдельности, каждому в собственном мирке? В этой квартире даже мебель не принадлежала Скотту, ничто здесь не говорило о его вкусах, о его личности. Для молодого человека двадцати пяти лет Скотт был довольно аккуратен, нигде не валялась одежда, хотя не исключено, что он подготовился к приходу Мэри и сделал уборку. На письменном столе аккуратными стопками были сложены папки с документами по винокурням, но там же находились и личные вещи – несколько рамок с фотографиями отца Скотта в килте; Мойры в наброшенном на плечо шарфике из тартана; Грэма и Скотта в костюмах для игры в регби; Дэвида с куропаткой в одной руке и охотничьим ружьем в другой. И наконец, она, Мэри, перед зданием прядильной фабрики, веселая, смеющаяся. В последней рамочке, самой маленькой, был снимок Кейт в полный рост с развевающимися на ветру волосами, наверняка сделанный в ландах. И ни одной фотографии матери Скотта, о которой тот никогда не говорил. Он был очень скрытным, Скотт, и редко касался личных тем. Когда она пыталась вызвать его на откровенность, он чаще всего уходил от вопроса с помощью смешка или нежного словца. Что же касается свадьбы, на которую она иногда намекала, в этом случае Скотт сразу замыкался в себе и отказывался говорить на эту тему. Единственной данью ей был завтрак в Эдинбурге, и все равно он был крайне сдержан с родителями Мэри и абсолютно ничего не сказал насчет их будущего. И притом он так ни разу и не пригласил Мэри в Джиллеспи, чтобы представить ее Ангусу.

– Либо сейчас, либо никогда! – произнесла она вслух.

Он не захотел, чтобы Мэри сопровождала его, но ведь она всегда могла притвориться, что очень волнуется за малышку Кейт и не смогла удержаться, чтобы не узнать о ней новости. Прежде всего, она была с ней знакома, к тому же Скотт часто говорил, что она ему как младшая сестренка, что он взял ее под свою защиту и очень к ней привязан.

Охваченная внезапным возбуждением, Мэри взяла мобильный телефон, отослала сообщение с извинениями Грэму, потом быстро начала собираться.

Полицейские считали, что такой беззвездной ночью и под проливным дождем поиски окажутся нелегким делом. Не лучше ли было дожидаться рассвета? И потом, могла ли ее семья утверждать с уверенностью, что девушка попросту не сбежала? В ее возрасте такое случалось часто, тем более если учесть особенности этой семьи.

После такого заявления полицейских Амели в ужасе вытаращила на них глаза, Ангус же пришел в бешенство. Слава богу, с их семьей все было хорошо, и малышке очень нравилось в Джиллеспии. Кейт была прелестной девушкой, она прекрасно училась, и у нее не было бойфренда. Мысль о том, что она могла сбежать, всем казалось идиотской, ведь она ничего не взяла с собой, никаких вещей, а просто отправилась на прогулку, как делала это ежедневно.

Полицейские попросили разрешения осмотреть ее комнату, не переставая задавать им нелепые вопросы о «ее знакомствах». Вскоре появился Скотт, обезумевший от беспокойства, и, оценив ситуацию, решил приступить к поискам Кейт, не теряя ни секунды. Они с Дэвидом захватили фонарики, веревки, одеяла и тут же ушли, пока Ангус и полицейские вели беседу на все более повышенных тонах.

Джип «Патриот» мог с легкостью преодолевать любой путь, взбираться по крутым склонам или прокладывать себе дорогу в жидкой грязи. Главная трудность заключалась в том, что они не знали, где искать и откуда начать.

— Кейт любит наблюдать за отарами овец, — напомнил Дэвид. — Она знает всех пастухов и собак. Если бы что-то случилось в той стороне, нам давно бы уже сообщили.

Скотт старался двигаться как можно медленнее, челюсти его были стиснуты, руки судорожно вцепились в руль. Он зажег все возможные фары, которые прорезали темноту далеко впереди машины.

— Ты смотри на дорогу, а я буду следить за обочинами, — предложил Дэвид. — Мы можем спуститься к морю, если она, конечно, не пошла напрямиком через лес...

— Каких диких зверей она могла там встретить? — прервал его Скотт. — Оленя? Сейчас не время гона, они не агрессивны. Лисицу?

— Да нет! Они боятся людей, ты же знаешь. И случаев бешенства среди них больше нет, болезнь полностью искоренена.

— Это не так! Летучие мыши до сих пор успешно ее распространяют.

– Не будь наивным. Ты почему-то предпочитаешь считать, что она наткнулась на зверя, а не на человека, да? Потому что по-настоящему страшная встреча – это...

Скотт ничего не ответил на это предположение, сосредоточенно наблюдая за дорогой. По прошествии нескольких минут Дэвид внезапно ему прошептал:

– Я-то хотел немедленно броситься на поиски, но твой отец, Мойра и Амели спорили, и никто не хотел уступить. Потом приехали полицейские. К счастью, я додумался позвонить тебе. Скотту здесь никто не смеет противоречить.

– И тебе тоже, насколько мне известно!

– Нет, что ты, а твоя мачеха? Она постоянно за мной следит, спуску не дает никакого.

– Скажи об этом отцу.

– Он меня не слушает, он влюблен. Притормози немного, мне трудно все вокруг рассмотреть.

Скотт переключился на первую скорость, принуждая себя оставаться спокойным. Ровный шум дворников приводил его в неистовство, он бы отдал сейчас все на свете, только бы увидеть Кейт.

– Как ты думаешь, сможет она постоять за себя? – спросил он вдруг.

– Кого ты имеешь в виду?

– Она совсем не подозрительна, поэтому, если Кейт даже увидит какого-нибудь подонка или человека с грязными намерениями, она не бросится тут же бежать.

Они снова замолчали, потом Дэвид продолжил:

– Надеюсь, она не встретила негодяя с дурными намерениями.

– Не все же мужчины – педофилы.

– Это тут ни при чем. Кейт – уже молодая девушка, но все же она еще ребенок.

Пока Скотт обдумывал эти слова, они выехали на опушку леса.

– По какой тропе стоит поехать?

– Объедем их все, – предложил Дэвид. – Но среди них есть такие узкие, что джип там не пройдет.

– Пройдет. В крайнем случае, обломаем ветки деревьев, если понадобится.

Он опустил стекло и останавливался время от времени, чтобы прислушаться. Дождь лил как из ведра, он уже промочил салон, так что куртка и джинсы Скотта были мокрыми.

— А что братья, они не отправились на ее поиски? — поинтересовался Скотт.

— Амели не пустила. Джон еще не вернулся домой, но она запретила Джорджу и Филипу выходить из дома.

— Она сделает из них мокрых куриц! Да и толку от них никакого, только мешали бы. Они абсолютно не знают местности, никогда не выходят гулять!

Лишившись вожака, оба мальчика заперлись в своих комнатах, слушали музыку или играли на компьютерах. Ангус упрекал их в том, что они совсем не занимались спортом, в то время как он приобщил Кейт к игре в гольф, и она оказалась способной ученицей.

— Не понимаю, как они могут не умирать от беспокойства за сестру, — проговорил Скотт.

— Очень им это нужно! Филип сказал, что она может даже ночью читать при лунном свете, забыв о времени.

— Кейт вовсе не безответственная, если бы этот придурок хоть сколько-нибудь ею интересовался, он бы это знал. Кстати, сегодня и лунного-то света нет.

— По-моему, Джордж лучше остальных, — заметил Дэвид. — Повернем направо.

Джип въехал в лес, разрезая фарами темноту. В белом зыбком свете казалось, что деревья наступают на них, как призраки. Скотт ехал очень медленно и часто останавливался, окликая Кейт, прислушиваясь и всматриваясь в заросли. Он чувствовал себя одновременно разочарованным, нетерпеливым и обескураженным.

— Предположим, она пошла к морю, — проговорил он. — Так что на обратном пути у нее был выбор: кружной путь или лес. Сейчас мы вернемся на место, где начинался этот выбор, и пойдем пешком, каждый в свою сторону.

— Хорошо. Тогда поставь машину в заметное место, откуда она будет хорошо видна с зажженными огнями, чтобы Кейт могла различить ее издали, если все же...

— В любом случае мы одни участвуем в поисках! — неистовствовал Скотт. — Похоже, полицейские решили дождаться рассвета.

– Тогда они смогут подключить вертолет.
– Вряд ли, если они настаивают на версии бегства.
– Глупость, конечно, если бы они знали малышку, но какое им до этого дело?

– И почему Амели не бросилась на поиски дочери? Да ради любого из сыновей она бы сейчас металась здесь как угорелая.

– Тебе не нравится эта женщина, да? – с иронией произнес Дэвид. – Мне тоже.

Скотт остановился на условленном месте и начал маневрировать, чтобы расположить джип таким образом, чтобы он мог служить ориентиром. В тот момент, когда он разворачивал его вправо, фары осветили какой-то странный предмет метрах в пятидесяти, на опушке леса.

– Видишь, вон там? – произнес он лихорадочным тоном. – Не знаешь, на Кейт было красное пальто?

Не дожидаясь ответа Дэвида, он бросился вон из машины.

– Кейт! Кейт! – кричал он, подбегая к ней.

Свернувшись калачиком на куче листьев и земли, Кейт стонала, стуча зубами, глаза девушки были закрыты, а ее нога все еще была в плену стальной ловушки. Скотт бросился на землю рядом с ней и осторожно приподнял ее голову.

– Я здесь, милая, все в порядке...

Свободной рукой он достал из кармана фонарь и осветил ее ногу. Вокруг лодыжки кровь свернулась и уже не текла. Острые зубцы капкана были глубоко погружены в плоть, которая сильно распухла по краям раны. Сколько же времени несчастная пролежала в такой позе, боясь пошевелиться, чтобы не усилить боль?

– Кейт, ты меня слышишь? Тебе очень больно?

Приглушенные рыдания были единственным ответом, который он получил.

– Сейчас я схожу к машине за инструментами, – сказал Дэвид за его спиной.

Скотт положил фонарик на землю и взял мобильный. При первом же звонке трубку взял Ангус, и сын в нескольких словах обрисовал ему ситуацию.

– Предупреди полицейских, пусть срочно вышлют «скорую помощь».

– Там, где вы находитесь, она не пройдет – увязнет в грязи.

– Тогда я отвезу Кейт домой на джипе. Все нужно сделать очень быстро. Пусть «скорая» ждет меня на выходе из леса, мы ее туда перенесем.

– Все действительно настолько серьезно, Скотт?

– Не знаю. Я боюсь сам открывать капкан, но надо освободить ногу как можно скорее.

Вернулся Дэвид, неся железный прут.

– Я попытаюсь поднять рычаг, хорошо?

Скотт секунду колебался, прежде чем кивнуть.

– Ты меня слышишь, Кейт? Мы сейчас освободим твою лодыжку, и это может быть очень больно, но я постараюсь сделать все как можно осторожнее...

Она открыла глаза, казалось, стараясь убедиться сквозь слезы, что это не видение, а затем обхватила Скотта за шею, цепляясь за него, как будто она тонула.

– Больно, если бы ты знал, как было больно, если бы ты знал, – пробормотала она, – очень больно! Но нога ничего не чувствует. Сначала это было ужасно, но теперь она совсем ничего не чувствует. Это все еще там?

– Да, да, ты только ранена. Не волнуйся за ногу, пожалуйста, ведь она намного прочнее, чем лапа лисы, правда? Обними меня крепче и не смотри. Можешь кричать, если хочешь, но постарайся не двигаться, пока Дэвид будет раздвигать челюсти ловушки.

– Безумие какое-то... – ахнул Дэвид, склонившись над ними. – Таким образом ловить зверей – садизм! Давай, Скотт, мне удалось его раскрыть.

С бесконечными предосторожностями Скотт поднял ногу Кейт, которая взывала от боли и затем принялась рыдать. Раздался сухой щелчок стали, и Дэвид выпрямился.

– Поддай джип, – попросил его Скотт.

Он чувствовал, как Кейт трепещет, прижимаясь к нему всем телом, но она по-прежнему не отпускала его шею. Взяв фонарь, он снова посмотрел на рану и закусил губу. Похоже, что в нижней части голени был открытый перелом. Сможет ли Кейт выдержать, если ее сдвинут с места? Что ему делать? Поддерживать ей ногу или стараться не прикасаться к ней? Он подумал о фляге с виски, которая лежала в

бардачке машины, но если Кейт придется быстро оперировать, давать ей спиртное было никак нельзя.

– Послушай меня, дорогая, тебе наверняка будет больно, потому что я должен отнести тебя на сиденье, где я постараюсь уложить тебя как можно удобнее. Пока я ничего не могу сделать, чтобы облегчить твою боль, но нас уже ждет «скорая помощь», и тебе сразу помогут.

Скотта приводила в ужас мысль, что положение может осложниться, но не мог же он оставить Кейт здесь, и выбора у него не было. Вскоре ослепительный свет фар заставил его зажмуриться – это Дэвид подогнал джип почти вплотную к тому месту, где лежала девушка. При ярком освещении он заметил, что ее рана снова стала кровоточить.

– Ну-ка, обхвати меня за шею изо всех сил, – сказал он. Просунув одну руку под ее колени, он выпрямился, а Кейт издала душераздирающий крик.

– О боже... – вырвалось у Дэвида.

Держа дверь, которую он оставил открытой, он почти терял сознание.

– Перейди на другую сторону и возьми ее за плечи!

Рыдания Кейт были ему непереносимы, он бы отдал сейчас что угодно, только бы она перестала страдать. На сиденье ее щиколотка и ступня образовывали страшный, неестественный угол с ногой.

Дэвид опустился на колени за водительским сиденьем, чтобы поддерживать Кейт, пока Скотт устраивался за рулем. Вынужденный очень медленно выруливать из-за ухабов, он почувствовал, что его рубашка прилипла к спине от пота, несмотря на холод.

– Она потеряла сознание, – сказал Дэвид.

– Это даже неплохо. Укрой ее одеялом, а я включу отопление.

Как долго девушка оставалась лежать на холодной земле под проливным дождем? Ухудшила ли она состояние своей раны, пытаясь освободиться? Потом он услышал, как она застонала, а затем снова начала плакать.

– Она приходит в себя, поторопись!

– Мы подъезжаем, уже подъезжаем, – процедил Скотт сквозь зубы.

В большую гостиную Джиллеспи Ангус велел подать виски и блюдо с бутербродами, которые наскоро приготовила Мойра. «Скорая» почти час назад увезла Кейт в больницу Глазго. Амели поехала вместе с ней, но больше никому сопровождать дочь не разрешила. У нее не нашлось ни словечка благодарности для Скотта и Дэвида, и она так припала к руке дочери, будто только что сама вырвала ее из лап смерти.

Скотт разозлился, и не из-за равнодушия Амели, которое не составляло для него никакого открытия, а из-за неприятного для него присутствия здесь Мэри. С огромным изумлением он увидел ее среди своих домашних и полицейских, а теперь она сидела в кресле рядом с Ангусом, о чем-то беседуя с ним вполголоса. Чувствовала она себя как обычно, очень непринужденно, и было заметно, что она уже успела всех очаровать.

– Она прелестная, как цветочек, твоя невеста, – шепнула ему на ушко Мойра.

Изобразив на лице принужденную улыбку, Скотт объявил, что хотел бы принять душ. Оказавшись в своей комнате, он тут же сбросил промокшую одежду в пятнах грязи и крови. Поскольку он жил одновременно в двух домах, в шкафу в Джиллеспи у него хранилось немало одежды. Вымывшись как следует под обжигающим душем, он переоделся в чистые джинсы и свитер, спеша спуститься вниз. Мэри наверняка продолжала сейчас обольщать публику, втайне наблюдая за всеми и делая выводы. Давно умирающая от любопытства, она воспользовалась первым же подходящим случаем, чтобы проникнуть в Джиллеспи, без зазрения совести отказавшись от встречи с Грэмом и Пэт. Между тем она знала, что ее присутствие здесь абсолютно не поможет делу, Скотт ясно дал ей это понять. На что она рассчитывала, противореча его желанию? Неужели не понимала, что это лишь усугубит их разногласия?

Как раз когда он спустился в большую гостиную, Мойра приглашала всех немного перекусить и просила Мэри к ним присоединиться. Конечно, та согласилась с благодарной улыбкой и поневоле искала глазами Скотта, чтобы получить его одобрение. Раздраженный, он отвернулся. Для знакомства своей девушки с его семьей он предпочел бы совсем другие обстоятельства. Но так ли уж он этого хотел? То, что он увидел ее у себя в поместье, фактически без

его одобрения, страшно настроило его против Мэри. Можно было не сомневаться, что не далее как с завтрашнего дня отец начнет его одолевать с назначением дня их свадьбы, а он об этом и думать пока не хотел. До сих пор он подыскивал всякие отговорки, находил различные предлоги, чтобы отсрочить свадьбу, однако только сейчас по-настоящему понял, что вовсе *не хотел* жениться на Мэри. Не хотел жить с ней под одной крышей, не хотел давать обеты вечной любви и больше всего на свете он не хотел создавать с ней семью.

Он налил себе стакан виски и залпом выпил его.

– Ты хлещешь виски, как ковбой! – усмехнулся Ангус.

Тем не менее он бросил на сына взгляд, полный любви.

– Я горжусь тобой, – добавил он. – И Дэвидом. Вы стоите двух десятков полицейских.

– Мы хорошо знаем местность, – пробормотал Дэвид, – мы примерно уже знали, где искать малышку. Представить себе ее побег было верхом нелепости!

– Полицейские не могли этого знать, – вставил Ангус.

– Но ведь они не могли знать и того, не была ли она похищена. А в этом случае им нужно было сразу же устремиться на поиски, не теряя ни секунды!

– По-моему, они собирались организовать прочесывание местности, расставив людей цепочкой.

– Пока они раздумывали, уже наступил бы рассвет.

Дэвид не скрывал своего возмущения, и Скотт принял его сторону.

– Версия несчастного случая была наиболее вероятной, и тут нельзя было медлить. Кейт была в ужасном состоянии, сказались страшная боль и переохлаждение, когда ее обнаружили. Лучше стараться не думать о том, что она пережила...

– Ни о том, что могло произойти, если бы вы ее не отыскиали.

– Амели обещала позвонить, как только получит какие-нибудь новости?

– Я заставил ее это пообещать, – подтвердил Ангус.

– Кейт наверняка срочно сделают операцию, открытый перелом неважно выглядел.

– Я хочу знать, кто расставляет капканы, Скотт? Это возмутительно!

– Вообще-то, их ставят на лисиц. Но этот оказался необычных размеров, старый и полностью проржавевший. Кейт делали все прививки?

– Амели должна была за этим проследить, и, кроме того, в школе есть медицинский контроль.

Ангус повернулся к Дэвиду с озабоченным видом:

– Послушай, сделай хоть одно полезное дело, попробуй выяснить, что за негодяй осмелился поставить такую ловушку?

– На мой взгляд, Дэвид сегодня *уже* сделал одно полезное дело! – сухо заметил Скотт.

Его вмешательство заставило Ангуса смущенно улыбнуться.

– Конечно. Это было сказано несерьезно, в свойственной мне манере. Кстати сказать, эта история по-настоящему вывела меня из себя. Это все произошло в пределах наших владений?

– Нет, наши земли заканчиваются как раз на опушке леса.

Мойра прервала их и попросила пройти в столовую, где она приготовила холодные закуски.

– Лучше уж нам посидеть за столом, чем жевать на коленях, – заявила она, приглашая всех занять места.

Разумеется, она так расстаралась ради появления Мэри, но представила дело так, что хочет отпраздновать спасение Кейт.

– Все еще нет новостей? – забеспокоился Скотт.

Ангус отрицательно покачал головой, а затем сделал знак Мэри сесть по правую сторону от него. Скотт сел с другой стороны, скорее из вежливости, чем из желания оказаться рядом с ней.

– Я получил сообщение от мамы! – возвестил Джон. – Кейт сделали рентген, у нее сломана лодыжка в двух местах. Сейчас она в операционном блоке, ее оперируют.

До сих пор все три брата молчали, стараясь держаться подальше от остальных. Ведь они не сыграли никакой роли в спасении сестры, ни в чем не принимали участия. Наверное, они уже пожалели о своих словах, что, дескать, сестра может читать при лунном свете, позабыв о времени, и теперь чувствовали себя «реабилитированными», получив первыми сообщение от матери. Сам по себе факт, что Амели предпочла обратиться к старшему сыну, а не к Ангусу, был очень значимым. В минуту опасности она смотрела в первую очередь на своих детей, а не на мужа.

– Я тоже хотел бы поехать с тобой, но ты умчался так быстро, что я даже не успел открыть дверь твоей машины.

Удивленный словами, которые Джордж только что шепнул ему на ухо, Скотт повернулся к нему.

– Правда?

– Да. Я тоже очень волновался. И тоже считал, что полицейские действовали неправильно, сомневались и задавали много глупых вопросов.

– Ну не так уж и много, – запротестовал Филип, вмешавшись в их разговор. – В возрасте Кейт порой девушки делают кучу глупостей. Они такие романтичные! И если бы они знали о Ниле, который от нее без ума, они могли бы покопаться в этом...

– Кто такой этот Нил? – прервал его Скотт.

– Один парень из школы. Он по уши влюблен в нее.

Спустившись с небес на землю, Скотт внимательно посмотрел на него. У Кейт, оказывается, был парень?

– Нил Мюррей? – спросил Ангус. – Мюррей, владелец поля для гольфа?

– Да, это его отец.

– Ты рассказал об этом полиции? – настаивал Скотт.

– Разумеется, нет! Я не хотел бы, чтобы Кейт выцарапала мне глаза, если она решила провести с ним вечер.

– Ты что, невменяемый?

– Просто я не доносчик, – возразил Филип.

– Ты просто маленький придурок.

– Скотт! – вспыхнул Ангус.

– А что? Его позиция непоколебима! Если бы Кейт действительно убежала с этим Нилом, Филип бы сохранил эту информацию в тайне исключительно для себя.

– Я знал, что должен был сделать, – подтвердил юноша. – И потом, речь ведь идет о *моей* сестре, а не о твоей. Ты можешь сколько угодно притворяться добреньким старшим братом, но на самом деле ты всех нас ненавидишь, так что не суйся не в свое дело!

Над столом повисла свинцовая тишина. Филип откровенно издевался над Скоттом, скрестив руки на груди, Джон ухмылялся, а Джордж сидел, низко опустив голову. Скотт посмотрел на отца, прежде чем ответить спокойным тоном:

– Если бы я ненавидел твою сестру, то не пошел бы ее искать. Ты прав, я не ее родной брат, между тем я действовал так, как должен был действовать брат. А ты – нет. Уж не знаю почему: из-за трусости, лени или глупости, но все это одинаково позорно выглядело, так что тебе лучше забыть об этом происшествии.

Красный от гнева, Филип встал и вышел из-за стола. Джордж остался сидеть на месте, не двинувшись, в то время как Джон, казалось, никак не мог выбрать, как ему поступить. Мэри, отлично знавшая характер Скотта, восхищалась его хладнокровием. Она решила поддержать его и хотела взять за руку, но с удивлением обнаружила, что тот отстранился. Наверное, ему было неприятно ее появление здесь, и тем не менее она была очень рада, что решилась приехать. Ангус и Мойра были с ней очень милы, и отныне у Скотта не было причин не показываться с ней в Джиллеспи. Время было уже позднее, он не смог бы отвезти ее в Глазго, а значит, она останется на ночь в спальне Скотта, и заранее этому радовалась. Насколько холостяцкая квартира в Глазго ничего не говорила о личности ее обитателя, настолько же место, где он вырос, должно было раскрыть ей кое-какие маленькие секреты ее друга.

– Я сейчас готовлю для вас гостевую комнату, – объявила Мойра. – Нечего и думать вам ехать домой на ночь глядя.

Улыбка Мэри застыла. Гостевую комнату? Для сохранения внешних приличий? Неужели Ангус и Мойра до такой степени были ретроgrадами? Ее собственные родители были куда более открытыми людьми, ну еще бы! Ведь они жили в Эдинбурге, а не в захолустном поместье на краю земли. Достаточно вспомнить, как они принимали Скотта у себя, не оглядываясь на условности прошлого века. Но как бы то ни было, она проберется в постель Скотта этой ночью. Осторожно проберется, стараясь не делать шума, вдоль коридора на цыпочках, ах, до чего это будет забавно! Она снова отыскала руку Скотта под столом и легонько ее пожала.

* * *

Амели дремала, с трудом устроившись на неудобном стуле в приемной. Хирурги ее предупредили, что операция будет долгой.

Открыв глаза, она снова посмотрела на стенные часы, однако стрелки двигались обескураживающе медленно.

Бедняжка Кейт, было видно, как страшно она страдала от боли, пока ей наконец не сделали укол! Затем с видимым облегчением, но наполовину оглушенная обезболивающим, девушка пробормотала несколько фраз о Скотте, *замечательном* Скотте, который ей так помог.

Скотт, да, хорошо, что он знал, где было можно ее найти, поскольку это произошло на его земле, в его лесах и на его холмах, но все же не стоило ради этого делать из него героя! Уж конечно, Ангус и Мойра будут петь ему хвалы еще на протяжении нескольких дней, от этого никуда не деться.

Разумеется, Амели была рада, что мучения дочери продлились не слишком долго. Если бы Скотт оказался недоступен на тот момент, разве отыскал бы ее Дэвид в одиночку? Вполне возможно. Впрочем, если бы да кабы... Одно бесспорно: больше Кейт уже не станет шататься бог знает где часами, теперь она, Амели, будет за этим жестко следить. Ну а пока она надолго обездвижена, да еще за этим последует длительная реабилитация. Вот сможет ли она влезть в школьный автобус с ногой в гипсе и костылями? А то ей еще, чего доброго, придется отвозить дочь на учебу.

Эти мысли никак не давали ей вернуться к вопросу, который долго не давал ей покоя: почему сыновья совершенно не были обеспокоены исчезновением сестры? Ангус утверждал, что она их слишком избаловала, но по сути... Да нет, о чем она думает! В их возрасте молодежь мало о чем волнуется, все воспринимает с легкостью, все объясняется их оптимизмом и эгоизмом юности. Зато как они переживали, когда увидели, в каком Кейт была состоянии! Джордж даже готов был ехать вместе с ней в «скорой»!

Прикрыв глаза, она спросила себя, не придется ли ей заночевать в больнице? Она ведь могла позвонить Джону, чтобы тот за ней приехал и отвез домой. В конце концов, Кейт все равно будет без сознания после операции и проспит до завтра, а значит, вряд ли ей понадобится ее компания. Она наверняка доставит неудобства врачам и медсестрам, если будет настаивать, чтобы остаться и провести ночь у изголовья больной. Ведь Кейт не младенец, и жизни ее ничто не угрожает. Тем не менее ей все равно придется дожидаться окончания операции: хирург обещал к ней выйти и дать полный отчет.

Как бы то ни было, она решила позвонить Джону, а не Ангусу. По крайней мере, через сына она узнает, о чем шел разговор за столом тем вечером в Джиллеспии. Наверняка в центре внимания был Скотт с его обычным высокомерием. Ох уж этот *замечательный* Скотт, как же он ее раздражал! Впрочем, в отсутствие Амели он вполне был способен спровоцировать одну из ссор, которые частенько портили их семейные трапезы. И какого черта у Ангуса оказался такой невыносимый сын? Не будь его, Джон, Джордж и Филип могли бы найти в поместье себе приличное занятие, участвовать во всех делах... Амели мечтала именно об этом. Она-то воображала, что все будет легко в ее новой жизни, но все оказалось далеко не так. Утвердиться в Джиллеспии было не просто, нужно было выдерживать целые бои с такими, как Скотт, Мойра или Дэвид. Порой она сожалела, что уехала из Франции. И ведь подумать только, этим летом Джон туда поедет и увидится с Майклом! В отличие от Кейт, которая не переставала выпрашивать у нее адрес отца и требовать от него новостей, мальчишки ничуть им не интересовались. Или делали вид. Для них отцовское безразличие к ним было унижительным, болезненным, а ведь это очевидно, что перенести сыновние чувства на Ангуса никому из них не удалось.

Она снова взглянула на стенные часы и подавила глубокий вздох. Неужели нужно столько времени, чтобы прооперировать какую-то несчастную щиколотку! Но может о ней просто забыли? Амели встала, оправила платье и сделала несколько шагов по пустынному коридору. В атмосфере больницы ночью было что-то зловещее. Но отдаленные звуки, идущие откуда-то из глубины, говорили о том, что там продолжалась какая-то деятельность. Не пойти ли ей в ту сторону? Она поколебалась немного, однако сочла за лучшее снова сесть в зале ожидания. Если хирург сдержит слово и выйдет к ней, он не поймет, почему и куда она ушла. Достав из кармана телефон, она увидела там сообщение от Ангуса. Он очень беспокоился за Кейт, уверял Амели в своей безумной любви и надеялся, что его будут держать в курсе дела. Она выждала время, чтобы немного поразмыслить над тем, что ему ответить. Ангус явно был потрясен и чувствовал свою вину, поскольку несчастный случай произошел в его владениях.

Когда хирург вышел к ней, Амели все еще была погружена в свои раздумья и сомнения.

Скотт не спал, но старался не двигаться, чтобы не разбудить Мэри. Как он этого и ожидал, она с довольным видом заговорщицы ночью пришла к нему, находя этот эксперимент весьма забавным. Халатик, который ей дала Мойра, оказался велик, и она тут же его сбросила, как только за ней закрылась дверь его спальни.

Несмотря на полное отсутствие желания у Скотта, они все же занялись любовью, так как она проявила все свое искусство и одарила его ласками, которым невозможно было сопротивляться. Но Скотт продолжал все время думать о Кейт, о том, что ей пришлось пережить там, одной, в холоде и темноте, отчаявшейся от ужаса и боли. Он еще слышал ее пронзительный крик, когда впервые приподнял ее, когда ее лодыжка болталась в неестественном положении.

Уверенный в том, что ему так и не удастся заснуть, он осторожно выскользнул из-под одеяла, на цыпочках пересек спальню и вышел. В коридоре он почувствовал, что с его плеч словно свалилась гора. Он вошел в ванную, тихонько оделся там, затем спустился вниз. Ему безумно хотелось тотчас же отправиться в Глазго, но как могла Мэри расценить то, что он оставил ее одну в постели, да еще в его спальне? Тогда он решил написать записку и положить ее на подушку в гостевой комнате. В любом случае она приехала сюда на своей машине и не нуждалась в том, чтобы он ее отвозил обратно.

— Ты куда-то уходишь среди ночи?

Мойра в ночном халате из тартана возвращалась из кухни с чашкой дымящегося чая.

— Я так и не смог уснуть, а мне хотелось бы зайти в больницу завтра пораньше, перед тем как пойти на работу. Вот я и решил, что самое разумное будет отправиться прямо сейчас, тогда я буду на месте в нужное время.

— Хочешь выпить чаю перед отъездом? Я совсем как ты, так и не могла сомкнуть глаз. Эта история стала для меня страшным потрясением... И потом, Ангус ушел спать в отвратительном настроении. Потому что Джон поехал, чтобы привезти мать из Глазго, в то время как он сам собирался это сделать. Для Ангуса это было делом чести, хотя ему и трудновато стало водить ночью, но Джон не захотел.

– Не *захотел*? Какое право имеет Джон приказывать? Папе не стоило его слушать.

– По-моему, он устал от всех этих споров, – осторожно заметила Мойра.

Она снова поставила чайник на огонь и достала вторую чашку из шкафа. Кухня, как всегда, была в идеальном порядке, там очень приятно пахло.

– Короче, они приехали примерно полчаса назад. Амели сказала, что малышка в порядке, хирург был доволен результатом операции, но реабилитация предстоит длительная.

– Не знаешь, нужно ли Кейт что-нибудь?

– Амели об этом не говорила.

Скотт поднял глаза к небу и начал перечислять:

– Пижаму, халат, тапочки, радио, газеты, печенье...

– Полагаю, Амели разберется с этим завтра.

Мойра села напротив и внимательно на него посмотрела.

– А теперь, Скотт, объясни, почему ты уезжаешь один, как воришка, оставив невесту, которая спит у тебя в комнате наверху?

Он открыл было рот, смутился и вздохнул. Тетка его знала наизусть, она его воспитала и видела насквозь.

– Вы все называете ее моей невестой, в то время как она просто... не знаю, как сказать: «подружка» звучит не очень-то лестно.

– Да, пожалуй. Ты все еще влюблен в нее?

– По-моему, да. Кажется. Впрочем, я уже не совсем в этом уверен. Мы прекрасно проводим время вместе, ладим, она мне нравится, и я ценю ее достоинства, но этого недостаточно, чтобы всю жизнь прожить вместе. Мэри мечтает о свадьбе и детях, она очень нетерпелива, и чем больше она меня к этому подталкивает, тем меньше мне этого хочется. Например, ее решение прийти сюда сегодня вечером меня разочаровало. Я же просил ее этого не делать, время для визита было самое неподходящее.

– Она, должно быть, думала, что этот момент никогда не наступит.

– Ты полагаешь? Я не хочу причинять ей боль, но...

– Однако ты это сделаешь. Мэри любит тебя, это видно. Ведь это твоя первая настоящая любовь, Скотт, не стоит все портить своим недостойным поведением. Скажи Мэри правду, это будет ей легче перенести, чем продолжать жить своими иллюзиями.

Скотт молча пил чай, обдумывая слова Мойры. Хотя у нее и не было, скорее всего, собственного любовного опыта, суждение тетки показалось ему здоровым. Вот уже несколько месяцев подряд Скотт просто уклонялся от вопроса об их будущем с Мэри, но ни разу не выразил ей свои мысли с той же четкостью, как это сделала Мойра. Сказать правду, его чувства к молодой женщине уже не были такими, как в начале их связи. То, что он арендовал для себя холостяцкую квартиру, было лишь первым шагом в этом направлении, с тех пор его сомнения стали еще основательнее.

– Ты думаешь о ком-то другом? – без обиняков спросила Мойра.

– Нет! Конечно, нет. Я не настолько нечестен...

Он поднял глаза и встретился со взглядом тетки. Она с любопытством наблюдала за ним и, казалось, собиралась еще что-то спросить, однако сдержалась и ласково улыбнулась.

– Ну, так ступай тогда, если хочешь успеть хоть немного поспать у себя дома.

Усталость начинала охватывать его, а впереди еще была долгая дорога. Убрав кружку в посудомоечную машину, он наклонился к Мойре и поцеловал ее в голову.

– Мой настоящий дом, – проговорил он, – здесь, в Джиллеспи.

Она разглядывала его, пока он пересекал кухню. На протяжении всего вечера Мойра, наблюдая за ним, отметила его крайнюю тревогу за Кейт и прохладное отношение к Мэри. Неужели... Да нет, сущая глупость и только! Тем не менее ее глодали сомнения. Настойчивое желание Скотта побывать в больнице до прихода на работу и особенно выражение отчаяния на его лице, когда девушку увозила «скорая»... Может, он и сам еще этого не понимал, но его привязанность к Кейт так легко могла перерасти во что-то другое. Тем более что и Кейт всегда на него смотрела с такой любовью, с таким восхищением.

Охваченная дрожью, Мойра подняла воротник халата и сунула руки в карманы. Она надеялась на то, что все-таки она ошибалась, ибо ничего хуже этого просто быть не могло. Скотт и Кейт! А в перспективе – чудовищная семейная драма. Амели придет в бешенство, а брат может показать себя в наихудшем виде, стать неуправляемым, если дойдет до того, что он поссорится с единственным сыном.

Скотт и Кейт. Лет... через пять они могли бы стать прекрасной парой, но это не важно, пара эта невозможна, запретна. Господи, о каком там мальчишке говорил сегодня Филип? О каком-то Ниле Мюррее. Ладно. Надо во что бы то ни стало всячески способствовать этим полудетским любовным отношениям, заставить Кейт заинтересоваться парнем ее возраста. Что касается Мэри, Мойра может дать ей несколько советов, чтобы их связь со Скоттом не прервалась, а только расцвела еще больше. Эта молодая женщина ни в коем случае не должна больше заговаривать с ним о женитьбе, а говорить только о любви. Нужно ее несколько отдалить от Джиллеспи, даже если Мойре придется сделать это скрепя сердце.

Она встала, морщась от ревматических болей. Так как уснуть все равно не было никакой возможности, она решила заняться стряпней, приготовить десерты. Фирменное масляное печенье шортбред для Мэри и песочное – для Кейт. Выпечка всегда ее немного отвлекала от напряженных мыслей, она надеялась, что так случится и этой ночью.

Все начало весны Кейт пришлось проходить в гипсе и с костылями. Но, несмотря на эти неприятности, оценки ее оставались такими же отличными. В начале мая ей пришлось пройти курс болезненной реабилитации, но она воспринимала его не только как должное, но еще и улыбалась. Раз в неделю ее отвозили к физиотерапевту в Глазго, а потом она повторяла те же упражнения дома. После несчастного случая она стала казаться взрослее, хотя, несмотря на данное матери твердое обещание никогда больше не гулять одной по горам и долам, она только и мечтала об этом. После этой вынужденной неподвижности, когда все закончилось, у нее заметно изменилась фигура. Она похудела, стала казаться выше ростом, словом, превратилась в настоящую красавицу.

Всячески поощряемый Филипом, Нил Мюррей зачастил в Джиллеспи. Было заметно, что мальчишка окончательно подпал под очарование своей юной подруги, всюю стараясь то помогать ей наверстывать пропущенные занятия, то просто развлекать чем-нибудь забавным и смешить. Несколько раз Ангус приглашал парня поиграть с ними в гольф, главным образом для того, чтобы разрабатывать ногу Кейт. А однажды, ибо это было самой естественной вещью на свете, после таких занятий он пригласил к себе на обед родителей Нила. Амели пришла в восторг от инициативы мужа, потому что, хотя Кейт не исполнилось еще и семнадцати, знание, что дочерью заинтересовался такой перспективный во всех отношениях юноша, очень ее обрадовало. По ее разумению, ничто хорошее не приходило чересчур рано.

Занятый на винокурнях, Скотт изредка налетал, как ветер, в Джиллеспи, и Мэри почти никогда его не сопровождала. Тем не менее казалось, им было хорошо вместе. Скотт говорил о молодой женщине с безусловной нежностью, потому что та никогда больше не затрагивала планов на их совместное будущее. Кроме того, он попросил ее поработать над созданием нового дизайна этикетки для односолодового виски «Джиллеспи», которую он хотел изменить втайне, не вызвав возмущения отца. Ведь если они и ссорились с

Ангусом, то обычно по поводу каких-либо нововведений. Цеплявшийся за верность старинным традициям, Ангус не признавал новшеств, которые требовал современный маркетинг. «Идти на поводу у торговцев» казалось ему вульгарным, и он не признавал и всячески демонизировал инициативы сына в этом направлении.

Для друзей и знакомых Скотт и Мэри по-прежнему оставались образцовой парой. То, что они предпочитали жить раздельно, никого не удивляло, ведь речь шла о двух сильных личностях, каждая из которых целиком отдавалась собственному делу, ну а времени, чтобы создать семью, у обоих было предостаточно. И только сама Мэри знала, чего ей стоит эта кажущаяся легкость в отношениях, но она четко следовала советам Мойры. Она умело притворялась, терпела все, не подавая виду, и в итоге Скотт снова стал казаться безумно влюбленным в нее.

В июне Джон отпросился на досрочные каникулы, на которые в общем-то пока не имел права, и уехал на поезде в Лондон, откуда собирался пересечь на «Евростар»^[15] и добраться до Парижа. Конечно, главной его целью была встреча с отцом, но помимо этого ему не терпелось удрать из Джиллеспи, вырваться из надоевшей обстановки поместья и избавиться от «принудительных работ» в винокурне. Шотландия вызывала у него ужас, и он рассчитывал, что сможет благодаря Майклу навсегда остаться во Франции.

* * *

В Париже, как всегда, царила праздничная атмосфера: вдоль тротуаров во множестве быстро и летних кафе были выставлены стулья под легкими зонтиками. Голубизну неба не могла скрыть даже типичная для большого города дымка загазованности от обилия машин, а теплый ветерок легкомысленно приподнимал дамские юбки.

Выйдя с Северного вокзала, Джон был тут же встречен отцом, который повел его в первую же попавшуюся им на глаза пивную. И даже если они с трудом опознали друг друга в «Фейсбуке», им не составило труда сразу же узнать друг друга вживую. Они тут же обнялись и похлопали друга по плечам.

– Сказать, что ты изменился, – значит ничего не сказать! – воскликнул Майкл. – Ничего общего с подростком, которого я видел в последний раз в Париже. Теперь ты стал прекрасным молодым человеком. И сейчас ты мне все расскажешь о своей жизни там, но прежде мы что-нибудь закажем, поскольку ты, наверное, сильно проголодался.

Пока отец изучал меню, Джон старался как следует рассмотреть его. Сколько же времени они вот так не сидели друг против друга? А ведь он еще помнил тот день, когда мать ему сказала, что отец больше никогда не придет в их чудесную квартиру на улице Рен, где они в то время жили. С тех пор они больше с отцом не встречались. Развод происходил с помощью адвокатов, и соглашение родителями было подписано в зале суда Дворца правосудия. Так в одночасье четверо детей лишились отца. За пять лет Майкл заметно постарел, волосы его поредели, под глазами наметились темные круги, но он сохранил стройность фигуры и по-прежнему был одет по последней моде. Возможно, чтобы нравиться новой жене.

– На закуску фуа-гра, а потом сладкое мясо^[16] со сморчками, что скажешь? Попразднуем как следует сегодня, я уверен, что ты не едал ничего подобного там у себя, в Шотландии!

– Да, там мы едим только овечьи рубцы, каши, этот жуткий суп из бараньих голов да овсяное печенье. Представляешь? Только хлеб, пожалуй, хорош, да еще морепродукты, конечно.

– Ни дичи, ни лососины?

– Нет, это тоже бывает.

– У вас в замке есть повар?

– Да это просто особняк, папа. Никакого персонала, если не считать кузена хозяина, простоватого малого. Готовкой занимается сестра Ангуса, старая дева, которая взяла на себя все и крутится на кухне с утра до вечера!

Они вместе посмеялись, затем Майкл продиктовал заказ официанту и на выпивку выбрал молодое божоле.

– В любом случае я не хочу оставаться в этой дыре, – категорично заявил Джон. – Мама думает, что я мог бы обеспечить свое будущее в деле отчима, да вот только его сынок Скотт не желает мне доверять ничего стоящего. Мы с ним плохо ладим, просто отвратительно. Он

такой наглый! Похоже, он считает себя настоящим аристократом или кем-то вроде этого.

– Шотландцы никогда не считались настоящими дворянами. В свое время они, правда, получили возможность покупать...

– ...земли и титулы, которые были с ними связаны, я знаю. Но за исключением этого слабого места в родословной Ангус ворочает большими делами. У него настоящий бизнес: две винокурни, которые начали процветать с тех пор, как шотландский виски вошел в моду, а кроме того, довольно приличная прядильная фабрика. Короче, он зарабатывает немало бабок, что не мешает ему быть скупцом, каких мало. Впрочем, так всегда и бывает. Ну и чтобы прекрасно проводить время с мамой, которой он очень гордится, чтобы иметь возможность играть в гольф и охотиться, он все полномочия передал своему любимчику – сынку. Это-то и ставит меня в тупик.

– Понимаю, – без особой убежденности сказал Майкл. – Он все еще играет в гольф, твой отчим?

– В Шотландии все играют в гольф! Повсюду площадки, ведь это национальный вид спорта. А я этот гольф просто ненавижу. Никак не могу поладить со всем этим, с их привычками и пристрастиями, чувствую себя абсолютно чужим в этой проклятой стране.

– Ну и что ты собираешься делать?

– Честно? Признаюсь, что я немного рассчитывал на то, что ты мне поможешь.

– Так чем же я могу тебе помочь, сынок? Ты же знаешь, что я, как и твоя мать, начал совершенно новую жизнь.

– Да, но...

– Послушай, я буду с тобой откровенен. Я люблю свою жену, но она чудовищно ревнует меня к моему прошлому. Связав с ней судьбу, я дал обещание никогда ее им не обременять. С тех пор у нас родилось двое детей, две очаровательные девчушки, они приходятся тебе сводными сестрами, это так, только жена ни за что не допустит, чтобы ты с ними встретился. Я и к себе тебя привести не смогу, это будет настоящая трагедия. Мне даже пришлось выдумать предлог, чтобы прийти сюда и встретиться с тобой.

Обескураженный, Джон потерял дар речи. Если он и не слишком надеялся на поддержку отца, то теперь окончательно лишился всяких иллюзий.

– Но не волнуйся, перед твоим отъездом мы с тобой успеем хорошенько повеселиться. Только вдвоем, ты и я. Это будет ночь, полная прекрасных безумств, о которой ты никогда не забудешь. Когда ты будешь свободен? Скажи мне обязательно, и я сумею выкроить для тебя свободный вечерок. Наверняка у тебя намечена обширная программа, ведь ты так давно не бывал в Париже! Кстати, а где ты остановился?

Шквал вопросов застал Джона врасплох. Он и в голове не держал, что остановится где-нибудь в другом месте, кроме дома своего отца. Он совершенно не подумал о том, где ему остановиться, поскольку это было для него очевидным. Перед отъездом Амели ему дала немного денег на карманные расходы, но разве могло их хватить, чтобы провести несколько дней в Париже, тем более снять комнату в отеле и обеспечить себе пропитание? Их встреча с отцом, конечно, состоялась, но все пошло по совершенно другому сценарию, чем он предполагал.

– У меня совсем ничего не отложено, – в конце концов признался он жалким тоном. – Я думал, что...

Джон замолчал, слишком униженный, чтобы продолжать.

– Очень сожалею, дружище, – тихо проговорил Майкл.

Официант отвлек их, поставив перед ними тарелки.

– Пусть это не портит тебе аппетит. Мы найдем для тебя что-нибудь. Естественно, в этом сезоне слишком много туристов, все взято штурмом.

После тоста он принялся за фуа-гра.

– Так у тебя вообще нет никаких планов? – добавил отец с набитым ртом. – Иначе говоря, ты явился с цветком в ружье вместо пули?

Джон посмотрел на него с явным осуждением и возразил:

– Но ведь ты – мой отец! Твои реплики в «Фейсбуке» мне показались доброжелательными, к тому же ты меня приглашал к себе.

– Да, конечно... Я рад тебя видеть, мне бы хотелось повидаться и с твоими братьями, а также с Кейт. Только у меня теперь совсем другая жизнь. Ты поймешь это чуть позже, мы всегда поставлены перед выбором. Чтобы заполучить Эвелин – кстати, ее зовут Эвелин, – мне пришлось согласиться на жизнь с чистого листа. Понимаешь?

Джон не мог этого понять, он вдруг почувствовал тошноту. Даже Ангус, который никогда не был для него авторитетом, даже он никогда

не поступил бы так со Скоттом. Женившись вторично, он не отказался, не отрекся от своего сына. Неужели Ангус лучше, порядочнее, чем Майкл? Эта мысль была ему отвратительна, он не мог ее принять. Но хуже всего то, что ему придется вернуться в Джиллеспи, а его родной отец и пальцем не пожелал шевельнуть, чтобы ему помочь. Вероятно, у него не остается никакого выбора, кроме как гнить заживо в проклятой винокурне.

– Эвелин – француженка, как и твоя мать, – продолжал беспечно болтать Майкл. – Похоже, я люблю только этот тип женщин. Видишь ли, у парижанок есть особый шик, такая стервозность, чего у других нет и в помине. Англичанки абсолютно не умеют одеваться со вкусом, да и шотландки, я полагаю, не лучше. Есть у тебя подружка?

– Кого я мог бы там встретить, в этой пустыне? – почти грубо ответил Джон.

– А как же... Говорят, Глазго превратился в очень даже оживленный город, где полно молодежи, это уже не тот промышленный скучный город, каким был раньше. Разве не стал Глазго центром европейской культуры, далеко обойдя Эдинбург, Кембридж или Бат, которые всегда считались фаворитами?

– Культуры виски и пива! – взорвался Джон.

– Кстати, о виски, этих винокурнях твоего отчима, ты действительно не собираешься присмотреть там местечко для себя? Уж если в учебе ты не добился больших успехов, может, это и есть та соломинка, за которую стоит ухватиться?

– Ты говоришь прямо как мама.

– И вряд ли она ошибается. Сейчас везде кризис, ты же знаешь.

– Короче, ты советуешь мне гладить Ангуса по шерстке, расстилаться перед его сынком и устраивать свою жизнь в шотландской глубинке?

– Не *всю* жизнь. Только в начале. Надо же с чего-то начать. Почему бы и не с алкоголя? Его повсюду производят. А если ты приобретешь солидные знания в этом деле, тебе все карты в руки, ты сможешь...

Джон встал так быстро, что стул его шумно опрокинулся на тротуар. Он схватил свою дорожную сумку, смерил презрительным взглядом отца, который застыл от неожиданности, а потом быстрым шагом пошел к метро.

– Планы его очень амбициозны, но я так рада! – повторила Амели.

Если уж ей представлялся случай сделать ставку на одного из сыновей, как могла она от этого отказаться? Действительно, Джордж принял невероятное решение поступить в школу бизнеса при Эдинбургском университете, одну из самых престижных в Шотландии. Как ни странно, он решил пойти по стопам Скотта, у которого он и проконсультировался по этому поводу. Оценки его, довольно посредственные в течение многих лет, вдруг резко улучшились, и он, в отличие от братьев, выбрал для себя продолжение учебы.

– Он предпочел остаться в Шотландии, а значит, полюбил твою страну! И, поверь мне, совсем не случайно он выбрал школу бизнеса. В отличие от Джона, он очень заинтересовался твоим производством виски. Я заметила, что он задает много вопросов Скотту, читает разные книжки на эту тему.

– А также проверил на вкус несколько бутылок, – с иронией заметил Ангус.

Менее убежденный, чем Амели, в неожиданном увлечении одного из пасынков, он гадал, во сколько ему обойдется в денежном отношении эта новая фантазия. Вторая семейка и без того обходилась ему недешево с оплатой четырех престижных школ, пятью дополнительными ртами, медицинскими расходами на лечение Кейт, на которые, правда, он не скупился, с безумными тратами на наряды и прочую ерунду Амели, автомобилем Джона и тысячей других вещей.

– Значит, ему придется жить в Эдинбурге, – заключил он.

Видя его угрюмый вид, Амели приблизилась и села мужу на колени.

– Ангус, я прекрасно осознаю, сколько ты делаешь для моих детей, но ты же знаешь, что для меня ничего нет дороже, чем они. Скоро все они заживут самостоятельной жизнью и не будут вечно сидеть у тебя на шее. Впрочем, Джон, возможно, останется во Франции, по-моему, он очень этого хотел. Он не любит всего того, что относится к торговле, как его можно в этом винить? А еще он не любит...

– Лучше скажи, что он любит, так будет быстрее.

– Ну да, он не слишком любит Скотта! Ты ведь это подразумеваешь, не так ли? Потому что считаешь своего сына ангелом, а моего – дьяволом.

– Ни того ни другого я никем не считаю. Но давай начистоту: Скотт прекрасно справляется со всеми моими делами.

– Нет ничего проще – ведь он здесь родился и вырос!

Ангус хотел недоуменно пожать плечами, но сдержался ради жены, которая ненавидела этот жест. Он прекрасно знал, какой оборот примет дело: ему придется снять комнату для Джорджа, внести приличный взнос за учебу и обеспечивать его карманными деньгами несколько лет. А уж если парень и вовсе бросит учебу посередине пути, то это будут средства, пущенные на ветер. Увы, он не видел способа, как уклониться от этой обязанности ей помочь, так как Амели считала это само собой разумеющимся. И уж коль он на ней женился, то должен был взять на себя ответственность и за ее детей, а следовательно, считал себя обязанным это выполнять. Конечно, в тот момент, ослепленный страстью, он не очень-то задумывался о том, что у Амели их четверо. Девчушка была очень милой, мальчики – дружелюбными, так, по крайней мере, ему тогда казалось. И потом, сама мысль о многодетной семье в те времена ему вовсе не была неприятна. Ангус наивно полагал, что все будут друг с другом прекрасно ладить, что Скотт с восторгом возьмет на себя роль старшего брата и дом в Джиллеспии наконец-то наполнится детским смехом и веселым гомоном. Это, в сущности, было большой ошибкой, однако ничего уже нельзя было вернуть. Для собственного утешения он снова подумал о положительной стороне своего брака: не так уж плохо было иметь Амели в своей постели каждую ночь, а также хвастаться молодой женой перед приятелями, когда они вдвоем отправлялись к ним в гости. Все его ровесники ему завидовали, завидовали его молодой жене и тому, что он сумел так увеличить свой клан.

– Если Джордж будет принят в университет, – наконец объявил Ангус, – он всегда сможет рассчитывать на мою поддержку.

Амели довольно улыбнулась. Она обвила руками его шею и поцеловала за ушком, как он особенно любил. Зная ее, он не сомневался, что его ждет ночь, полная любви и нежности. Не будь им этого сказано, из мести она дулась бы на него и поворачивалась в

постели к нему спиной несколько дней. Не было в этом ничего хорошего, что во всем он зависел от женщины, которая фактически покупала его расположение, и Ангус понимал это. Он чувствовал себя абсолютно безвольным, так как она вызывала у него желание, от которого он не мог отказаться. Ощущал Ангус и то, что авторитет его в доме падал день ото дня. Но вот стоило ли с этим бороться? Раз уж он был лишен большого счастья, то хотя бы получал удовольствие. Скотт мало-помалу отдалился от Джиллесли, чтобы не служить поводом для новых семейных конфликтов, и в какой-то мере Ангус был ему за это благодарен, иначе он бы еще больше страдал от того, что было утрачено их прежнее с сыном доверительное общение. Стоило ли за это платить такую цену? Ведь понятно, что его сыну для активного сопротивления нужно было иметь собственные деньги. Чтобы не думать больше об этих неприятных вещах, он крепче прижал к себе Амели и жадно поцеловал в губы.

* * *

Нил Мюррей был очень привлекательный молодой человек: высокий, спортивный, с блестящими карими глазами и неотразимой улыбкой. Не вполне отдавая себе отчет в своем обаянии, он всегда вел себя вежливо и сдержанно, но без излишней застенчивости. Нил мечтал стать врачом и сначала хотел поступать в Эдинбургский университет, а потом решил все же пройти первую стадию обучения в Глазго под предлогом того, что там применялись самые передовые методики. В реальности же он не хотел слишком удаляться от Кейт, в которую был безумно влюблен.

Кейт со своей стороны находила его добрым, веселым и хорошо воспитанным. Чувствительная к вниманию, которое он ей оказывал, она прекрасно ощущала себя в его компании, но испытывала к нему только дружеские чувства. Поскольку Нил был умен, он быстро понял, что ему не стоило действовать напористо, раскрыв ей сразу свои чувства или пытаясь с ней заигрывать. Единственное, чего он не знал и не мог знать, так это того, что сердцем девушки окончательно и бесповоротно владел Скотт Джиллесли. Страстная тяга к Скотту у Кейт не ослабевала, ни один мужчина в мире его не стоил. Даже зная,

что между ними никогда ничего не могло быть, она по-прежнему засыпала, мечтая о нем, и приходила в страшное волнение, когда он должен был приехать. С ней Скотт держался как старший брат, так было всегда, с первого дня, но она чувствовала, что он ведет себя теперь более отстраненно, и очень расстраивалась, думая, что окончательно ему разонравилась. Тысячи раз она уже успела извиниться перед ним за тот несчастный случай, в то время как Скотт только посмеивался и говорил так, словно все это для него не имело никакого значения. Она же, напротив, никогда не забудет и будет помнить всю жизнь, что она тогда испытала, услышав его голос и прижавшись к нему, несмотря на нечеловеческую боль. Он спас ее, что вполне соответствовало роли прекрасного принца, которой она его наделила, и у Нила Мюррея не было ни малейшего шанса соперничать со Скоттом.

Тем не менее Кейт отлично видела, какой интерес ее мать, а также Ангус проявляли к этому юноше. Семья Мюррей была одной из самых влиятельных в регионе, и Нил представлял для нее неслыханно удачную партию. Ибо она не была урожденной Джиллеспи, а лишь дочерью француженки и англичанина, который с ней развелся, а потом снова женился, и к тому же она не имела ни гроша за душой. Амели без конца твердила дочери, что главным ее козырем была привлекательность молодости и свежесть, а эти достоинства уходят быстро. Слушая эти назидания, Кейт понимала, что матери не терпелось ее как можно скорее пристроить. Прежде всего, на шее Ангуса станет одним человеком меньше, ему не придется оплачивать ее учебу, но главное, брак с Мюрреями приведет Ангуса в восторг. Иными словами, это всех бы устроило как нельзя лучше. Всех, кроме Кейт, разумеется, ибо из-за невозможности быть вместе со Скоттом она решила, что станет преподавательницей французского языка и таким образом обретет независимость.

Устроившись в библиотеке Джиллеспи, где они любили вести долгие литературные беседы, Нил и Кейт настежь открыли окна, болтали и наслаждались теплым свежим воздухом.

— Ты действительно уже ходишь гораздо лучше, — заметил Нил, пока она ставила книгу на полку.

— Я уже закончила ходить в больницу на физиотерапию, врач полностью освободил меня от занятий! При условии, конечно, что я

самостоятельно продолжу делать упражнения.

Она легонько прошла по одному из ковриков, а потом рассмеялась.

– Все в прошлом, просто дурное воспоминание, я не собираюсь больше об этом думать. И мне хочется, чтобы мне об этом не напоминали, потому что я только и мечтаю, чтобы снова продолжить свои прогулки без всякого присмотра.

– Будь благоразумной.

– А ты тоже не вой, как волк на луну, ладно?

– Почему бы тебе не погулять со мной? Мне это очень нравится, я тебя ничем не стесню! Пейзаж в округе и правда восхитительный.

– А вот братья считают, что это дикое место и что мы живем в настоящей дыре.

– Да они просто не любят Шотландию! Филип тоже мечтает вырваться отсюда. Он надеялся присоединиться к Джону в Париже, но, похоже, с вашим отцом все пошло не так.

– Что тут удивительного? Что хорошего мог Джону предложить человек, способный не вспоминать годами о своих детях? Раньше об этом надо было думать.

Неприязненный тон Кейт, казалось, удивил Нила, который не мог не спросить:

– Ты в обиде на отца?

– Разумеется. Когда я была маленькой, я его обожала. И, приехав сюда, была в отчаянии. Писала ему длинные письма, которые не могла отправить, потому что у нас даже не было его адреса. Понимаешь? А вдруг с нами что-нибудь случилось? Он бы так никогда и не узнал об этом. Я плакала по нему все ночи напролет.

– Но у тебя же была мать.

– Да, если не считать того, что она предпочитает мальчиков. К счастью, все Джиллесли были ко мне очень добры. Сначала Ангус внушал мне страх, но потом я его оценила. И еще был Скотт, который сделал все, чтобы я чувствовала здесь себя хорошо.

– Он, несомненно, потрясающий парень, – подтвердил Нил. – Все, кто его знает, в восторге от того, что он подхватил дело своего отца, да еще как! Он во все вникает, старается дойти до сути. Но твои братья его ненавидят.

– Знаю. И они неправы, как всегда!

Кейт засмеялась заливисто и звонко. Весь мир мог ненавидеть Скотта, но это ничего не меняло: она любила его больше всех на свете.

– Когда я думаю о том, что ты родилась и все детство провела во Франции, мне трудно в это поверить. Ты – настоящая шотландка!

– Это что, комплимент?

– Конечно. Я очень люблю свою малую родину, и мои родители тоже. Здесь наши корни, и я ни за что никуда бы отсюда не уехал.

Он улыбнулся своей неотразимой улыбкой, от которой приходили в восторг все девчонки округи, а потом тихонько спросил:

– А ты? Хотела бы ты однажды вернуться во Францию?

– Нет, не думаю. Мне больше хотелось бы преподавать французский язык. Я вижу себя в роли учительницы.

– Если ты и дальше будешь так успешно учиться, ты сможешь выбрать любую профессию. Неужели тебе действительно хочется стать учительницей?

– Думаю, да, мне было бы приятно преподавать французский, конечно, в первую очередь или литературу, но при условии, что я при этом продолжу учиться дальше.

– А как насчет создания семьи? Это входит в твою дальнейшую жизненную программу? – вдруг поинтересовался он.

Нил спросил это небрежным тоном, но по его смущенно опущенным глазам Кейт сразу догадалось, отчего он задал этот вопрос. Прежде чем ответить, ей пришлось хорошенько поразмыслить.

– Я пока не думаю об этом, Нил. Возможно, да, но позже...

– Конечно. Тебе всего семнадцать, еще слишком рано. Но у всех нас есть мечты о будущем, не так ли?

– Все верно! У каждого есть тайные мечты, которым никогда не суждено сбыться.

– Почему? Я уверен, что если чего-то человек очень сильно хочет, рано или поздно его мечты осуществляются.

Кейт постаралась скрыть улыбку, в которой сквозило сомнение. Она желала Скотта всей душой, но этого было недостаточно, чтобы изменить судьбу.

– Какое твое самое заветное желание? – не подумав, легкомысленно спросила она.

– Чтобы ты однажды посмотрела на меня не только как на друга.

Она закусила губу, сожалея о вопросе. Нил задал ей непростую задачу и теперь с видимым волнением ждал ее реакции.

– Возможно, – рискнула она, – что и для этого я еще слишком молода.

– Нет, Кейт, только не для этого! Если твое сердце не бьется чуть быстрее, когда мы вместе, то знай, что мое готово расколоться на тысячу кусочков.

Он попытался пошутить, но у него не получилось. Воцарилось неловкое молчание. Потом Нил тяжело вздохнул.

– Ты такая красивая, Кейт... Самая красивая девушка, которую я когда-либо видел, это точно, и к тому же мне очень нравится общаться с тобой. Ты не из тех девушек, что шарахаются от парней и тут же начинают над ними потешаться у них за спиной. Ты не проводишь все время, склонившись над мобильником, ничего не боишься, ты для этого слишком умна, ты...

– О, довольно, Нил! Не переусердствуй, иначе это будет выглядеть неправдоподобно. У меня не только одни достоинства, я упряма, скрытна, лакомка, да еще и злопамятна, вспомни, что я только что рассказала тебе о своем отце.

– Ты скрытная? – повторил он, словно удержал в памяти лишь это слово. – И что же ты скрываешь?

Кейт не имела ни малейшего намерения ему отвечать. Никогда и никому на свете она не собиралась признаваться, что полюбила Скотта с первого взгляда, как только впервые появилась в Джиллеспии, что именно благодаря ему она стала любить Шотландию, что ей нередко случалось самым постыдным образом ревновать Скотта к его невесте Мэри. Чтобы избежать расспросов Нила, она вернулась за книгой, которую убрала немногим раньше.

– Так что ты скажешь о моей идее насчет этих мемуаров, которые я должна перечитать? Мне хотелось бы изучить исследование о театре Джеймса Барри^[17].

– «Питер Пэн»?

– Не только. Он много писал и даже создал что-то совместно со своим другом Конан Дойлом.

– Я только и помню, что он был маленького роста и очень худенький, как его герой, и что жена его требовала развода, считая Барри бесполом существом.

– Нил, я собираюсь изучать не его жизнь, а его творчество. И в особенности пьесы.

– Собираешься ли ты посетить его дом, который теперь превратился в музей?

– Хотелось бы. Но Кирримьюр^[18] находится так далеко отсюда!

– У меня есть права, – напомнил он, – я могу тебя туда отвезти.

Внезапно открылась дверь, и Скотт прямо с порога спросил:

– Отвезти ее куда?

– К покойному Джеймсу Барри, – ответил Нил, улыбаясь.

Скотт смерил его удивленным взглядом.

– Что ж, полагаю, вы сначала спросите разрешение у Амели и папы?

Казалось, он был не в настроении и смотрел на Нила недоброжелательно.

– Надеюсь, ты останешься хоть ненадолго? – воскликнула Кейт. – Как давно ты у нас не появлялся!

– Меня в Гриноке ждет куча дел. Мне хотелось кое-что обсудить с папой, но Мойра сказала, что он сейчас в полях испытывает свои новые клюшки.

Ангус страстно увлекался гольфом, как только прекращался охотничий сезон. Он никогда не опускался до того, чтобы отстреливать несчастных кроликов или голубей, на которых подобного запрета не существовало круглый год. Неукоснительно соблюдая правила, он ждал, когда ему будет разрешено поохотиться на дикого козла или оленя, прицелиться в куропатку или загнать зайца. Вот почему с начала весны он с бо́льшим интересом обходил места, где ему предстояло заняться гольфом, в частности земли, расположенные у берега моря.

– Ангус надолго там не задержится, – поспешила заверить его Кейт. – Он с огромным удовольствием со всеми нами поужинает.

И хотя вид у него оставался озабоченный, Скотт рассеянно кивнул в знак согласия.

– Ну а пока я устроюсь, пожалуй, в его кабинете.

Он бросил на Нила пристальный взгляд, прежде чем уйти, а дверь в библиотеку оставил открытой.

– Обычно он бывает более расположенным, – заметил Нил. – Наверное, у него какие-то проблемы на работе. Надеюсь, что он не

думает, по крайней мере, что мы что-то против него замыслиаем? Он присматривает за тобой похлеще, чем любой старший брат, чувствуется, что он тебя обожает!

Кейт заметила, что краснеет, и отвернулась. Если бы только Скотт мог действительно ее «обожать»! Но это же очевидно, что он испытывал к ней лишь родственную привязанность.

– Становится поздно, тебе пора домой, – предложила она юноше.

– Хорошо. Я загляну в папину библиотеку, не отыщутся ли у него какие-нибудь неизвестные нам труды Джеймса Барри.

– Твой отец любит литературу?

– Чрезвычайно. При случае он будет рад с тобой об этом поговорить.

Она уже была приглашена в дом Мюрреев и охотно еще побывала бы у них, если бы откровенное высказывание Нила не охладило ее пыл. Не хватало только, чтобы там сочли ее подружкой Нила, которая должна как можно скорее с ним обручиться, а потом и стать его невестой. Нет, они с Нилом были *только* друзья, и она хотела, чтобы они ими и оставались.

* * *

Скотт уже больше часа работал на компьютере Ангуса, после чего напечатал сводку изменений, которые собирался ввести в предстоящие месяцы на предприятиях. Держать отца в курсе всех своих решений он считал нормальным делом, хотя и знал, что его ждут бесконечные дискуссии по этому поводу, а то и ссоры. Собираясь приобрести новые бочки для винокурни Инверкипа, он выбрал бондарскую продукцию из-под хереса и еще колебался, взять ли бочки из американского дуба с легким ванильным акцентом или обычные – из традиционного черешчатого дуба. Ангус мог быть очень недоволен его выбором, но между тем именно на винокурне Инверкипа, более скромной и кустарной, чем винокурня в Гриноке, он решил провести эксперимент, попробовать что-то новое. А ведь с виски все следовало планировать с расчетом на десяток лет вперед, а то и на полтора десятка, так что, не зная об этом, отец мог бы и не догадаться...

Взгляд его вдруг упал на гильотинку для сигар. Этот подарок стоил ему очень дорого несколько лет назад, но как же он был горд, когда преподнес его отцу. Погладив пальцами два выгравированных инициала, он поневоле грустно улыбнулся. Что стало с их когда-то тесным и неразрывным сотрудничеством? В последнее время они вот уже несколько раз так схватывались друг с другом, что недалеко было и до настоящей ссоры. Конечно, Ангусу было нелегко мало-помалу передать все дела сыну, он не всегда одобрял его манеру ведения хозяйства и очень хотел бы по-прежнему сохранить за собой последнее слово в управлении винокурнями, ведь он и по сей день был их главным акционером. Но не это было причиной их отчуждения. Амели терпеть не могла Скотта и старалась пропихнуть к руководству главным капиталом кого-нибудь из своих сыновей, а чтобы достичь этого, всегда стремилась подлить масла в огонь при каждом удобном случае. Что там она успевала напеть Ангусу в моменты интимной близости? Какого рода ядом питала она его изо дня в день, а вернее, из ночи в ночь? И если сначала Ангус неохотно уступал ее влиянию, то теперь откровенно давал ей везде зеленый свет. Он уже менее любезно вел себя с Мойрой, более пренебрежительно обращался с Дэвидом и почти агрессивно – со Скоттом. Такое поведение говорило скорее о том, что он не был похож на удовлетворенного своей жизнью человека. Не беспокоила ли его мысль о том, что он скоро надоест Амели?

Услышав тяжелые шаги отца в коридоре, он поскорее положил на место гильотинку.

– Давно ты меня ждешь? – спросил, входя, Ангус. – Я с трудом обошел поля, уж слишком сильный ветер поднялся.

– Новые клюшки тебя устраивают?

– Вполне. Но ты ведь не остался, чтобы поговорить со мной о гольфе, я полагаю?

– Разумеется.

– Ты никогда не любил этот вид спорта. Предпочитал регби или верховую езду. Даже бокс больше любил, особенно жесткий.

– У каждого свой вкус. Мне не хотелось быть уж слишком напористым, но меня так и переполняла энергия.

Он сказал это довольно любезным тоном, и Ангус улыбнулся.

– Знаю. И, кстати, ты перестал заниматься?

– У меня слишком большая нагрузка на работе, а все свободное время я посвящаю Мэри, иначе она бы мне глаза выцарапала.

– О свадьбе пока не думаешь?

– Не сейчас.

– Ты так и будешь откладывать каждый год, чтобы в итоге она нашла себе кого-нибудь другого?

– Ну чему быть, того не миновать...

Не уточняя свою мысль, он указал на листки, которые распечатал немногим раньше.

– Я составил для тебя сводку прогнозов на второй семестр и сделал примечание о новшествах, которые я хотел бы ввести на винокурнях, особенно это касается той, что в Инверкипе.

– А просто так ты не мог мне об этом сказать?

– Я привел данные в цифрах, так намного нагляднее.

Ангус сделал несколько шагов и остановился возле окна. Несколько секунд он смотрел на парк, а потом заявил:

– Ты интересуешься моим мнением из вежливости или оно для тебя действительно важно?

– Речь идет о будущем наших предприятий, как же оно может не быть для меня важным?

– И все же ты сделаешь все по своему усмотрению. Ты со мной лишь соблюдаешь приличия, но не очень-то принимаешь меня в расчет.

– Вовсе нет. Откуда у тебя взялись такие мысли?

– Ну уж нет! Не нужно думать, что мне вбивает эти мысли в голову Амели! Как только между нами возникают какие-нибудь разногласия, ты начинаешь сразу во всем обвинять ее.

– Мне кажется, что она радуется, когда мы с тобой не ладим, и очень жаль, что ты до сих пор не хочешь этого замечать.

Резко повернувшись, Ангус смерил Скотта неприязненным взглядом.

– Ты несправедлив к ней.

– Я – твой единственный сын, а у нее их трое, и всех нужно пристроить к делу. Она просто *не может* испытывать ко мне симпатию, поскольку я – главное препятствие для ее планов.

– Это нелепость.

– Она сделала все возможное, чтобы мне стало здесь неуютно.

– Ложь! Ты ушел, потому что жаждал независимости и еще тебе хотелось жить с Мэри и...

– Я не живу с Мэри. Независимость – это отличная вещь, но в моем сознании Джиллеспи все еще остается моим родным домом.

– Послушай, Амели – моя жена, она тоже здесь у себя дома.

– Охотно признаю. Однако чувствовать себя здесь гостем, да к тому же нежеланным, мне порой больно.

– Ты преувеличиваешь, – произнес Ангус без особой убежденности.

– Ну, надеюсь, ты знаешь, что она спросила, не может ли она переселиться в мою комнату, поскольку я почти здесь не живу. Как будто в доме нет пустых комнат! Неужели и ее она хочет отремонтировать в соответствии со своим жутким вкусом?

– Скотт, ради бога...

Они замолчали, затем Скотт возобновил разговор, но уже более спокойным тоном:

– Мне кажется, что-то слишком часто мы стали видеть здесь Нила Мюррея в последнее время?

– Он ухаживает за Кейт.

– Не слишком ли она молода для этого?

– Нил – очень хорошая партия, и мне представляется, что он достаточно прилично воспитан, чтобы ему доверяли.

– До такой степени, чтобы позволить ему взять Кейт с собой в путешествие? Они собрались вместе отправиться в Кирримьюр.

– Чего ради?

– По стопам *Питера Пэна*! Дороги там просто мерзкие, начиная от Данди, а Нил не слишком опытный водитель. Они не смогут съездить туда и обратно за один день, следовательно, им придется ночевать в дороге.

– Полагаю, они сначала спросят разрешение, а там уж видно будет. Все в руках Амели – она ее мать, в конце концов.

– Она так мало о ней заботится... Ты же прекрасно знаешь, что ее единственная одержимость – это сыновья.

– Не волнуйся, я присмотрю за Кейт. И я очень рад видеть, что к ней, по крайней мере, ты испытываешь настоящую привязанность.

Скотт низко склонил голову, отчего-то почувствовав себя неловко. Кейт всегда ему была близка, и он был озабочен ее судьбой, но тут он

впервые отдал себе отчет, что его интерес мог быть понят превратно. Ведь Кейт теперь уже была прелестной молодой девушкой, за которой ухаживали парни ее возраста, как вот этот злосчастный Нил Мюррей, например.

– Ты поужинаешь с нами? Все будут счастливы, если, разумеется, ты не станешь затевать ссору с Джоном или Филипом.

– Приглашение на ужин, отягощенное условиями, – с иронией произнес Скотт.

Чтобы не отвечать на провокацию, Ангус надел очки и просмотрел листки, оставшиеся на его столе. Нахмурившись, он перечитал их более внимательно.

– Сколько изменений! – мрачно произнес он.

– Они необходимы.

– Знаю, знаю... Но что-то ты круто завернул. Ты уверен, что так нужно?

– Что касается меня – я уверен. Но в том, каким станет мир через пятнадцать лет, конечно, нет. Тем не менее я считаю, что мы должны рискнуть.

– Для того чтобы преуспеть лет через двенадцать-пятнадцать, ты тормозишь наше производство больше чем на три года. На что будет существовать винокурня Инверкипа все эти годы? А ты подумал, что мы получим существенное снижение доходов? У тебя вся жизнь впереди, но ведь не у меня!

– Остается Гринок, а его доходы увеличиваются день ото дня. Да и прядильная фабрика перестала быть убыточной, в этом году впервые она принесла значительную прибыль.

– Вижу.

– Послушай, подумай еще раз об этом на свежую голову, позже.

– Не стану я больше об этом думать. Теперь вожжи в твоих руках, а я, считай, ушел в отставку. Делай, как считаешь нужным, я не стану тебя обременять своими советами.

– Раз уж ты такой упрямец, можешь сам немного поднять себе зарплату, но за собственный счет!

– Немного? Ты недооцениваешь меня, будто я какой-нибудь ученик!

Скотт расхохотался, прежде чем добавить веселым голосом:

– С первого января будущего года я намерен вообще пересмотреть наш контракт.

– Неужели? Есть ли у тебя для меня еще какие-нибудь дурные новости?

Атмосфера вдруг разрядилась, обоим показалось, что они вернулись в прошлое, на несколько лет назад. Ангус небрежно бросил листки на стол и, встав, подошел вплотную к Скотту.

– Ты прекрасно со всем справляешься. Выходит, я не пустил деньги на ветер, отправив тебя учиться.

– Нет, ты просто сделал хорошее капиталовложение.

– Для полного счастья мне не хватает только одного: безмятежной атмосферы в нашей семье, только это сделает меня счастливым.

– Не я один в ответе за это. Впрочем, мы очень сблизились с Джорджем, он сильно изменился в последнее время. Он становится мне все симпатичнее, хоть это, по крайней мере, запиши на мой счет. Что до Джона, то здесь дело безнадежное, я не хочу больше видеть его на нашей винокурне.

– И все-таки нам придется найти ему занятие. Он вернулся из Франции очень разочарованный своим отцом, который даже не приютил его. Амели очень за него переживает. Не найдется ли для него какое-нибудь дело на прядильной фабрике? Было бы очень...

– Да что он там будет делать, бог ты мой! Перестань, наконец, мне его бросать, как собаке кеглю, с криком «Апорт!». Он не способен ни на малейшее усилие, и ты это знаешь.

– Не могу я его бросить. Это все-таки мой пасынок. Амели никогда мне не простит, если я ничего не попытаюсь для него сделать.

– Мы *уже* пытались.

– Надо продолжать.

– Продолжай, если хочешь. А я все – умываю руки.

– Нет, Скотт. Ты сделаешь то, о чем я тебя попрошу.

Они снова перешли к сражению, снова становились врагами.

– Ты хотел бы, чтобы я создал фиктивную должность для него, да еще и с жалованьем, бесполезную и разорительную, только чтобы угодить твоей жене? Ты меня об этом спрашиваешь? Я больше не узнаю тебя! Когда-то ты славился своим строгим управлением делами, даже мне ты никогда не давал спуска, не прощал пустой траты времени! Дэвид работает здесь за троих, получая ничтожные гроши, а

мы должны содержать Джона, который будет пальцем в носу ковырять? Мне кажется, я все это вижу во сне! Неужели ты так низко пал, что дрожишь перед женщиной, которая управляет тобой с помощью кнута?

Пощечина, которую Скотт получил, заставила его вздрогнуть всем телом. Ошеломленный ударом, он посмотрел на бледного как мел Ангуса, который пробормотал:

– Сожалею.

Скотт отвернулся, шагнул прямо к двери, где задержался на секунду, чтобы сказать:

– Надеюсь, что она того хоть стоит, – бросил он полушепотом. – Иначе какой кошмар...

– Постой!

Ангус хотел было удержать его, но почувствовал, что не может оторвать ног от земли. Как посмел он ударить сына? Почему не смог сдержаться? Ответ был очевиден: обвинив его в том, что он ведет себя, как пудель, перед Амели, Скотт коснулся самого его чувствительного места, и Ангус не смог выдержать унижения. Но ведь и сын уже не был маленьким мальчиком, в двадцать шесть лет он мог счесть пощечину недопустимой и не простить. В детстве Ангус никогда не поднимал на него руку. Он призывал его к порядку, лишь принимая суровый вид и повышая тон, только так и не иначе. Позже, когда Скотт стал подростком, менее управляемым даже для него, он отправил его в пансион, где другие занялись его воспитанием и дисциплиной. А став взрослым, Скотт всегда демонстрировал безупречно уважительное поведение как по отношению к отцу, так и к Мойре и Дэвиду. Он всегда вел себя как хорошо воспитанный молодой человек, хотя и необязательно был согласен со своим собеседником. И вот сам Ангус продемонстрировал ему худший пример потери хладнокровия!

Страшно расстроенный, он наконец смог пошевелиться и подошел к окну. В конце аллеи едва показались задние фонари джипа и тут же исчезли. Скотт возвращался в Глазго, несомненно, он был в бешенстве, вне себя от обиды, а их отношения с Амели были окончательно испорчены.

– Неужели я действительно становлюсь стариком? – спросил Ангус свое отражение в стекле.

Ангус считал, что сексуальное удовлетворение жены было частью его супружеских обязанностей, но это уже не говорило о том, что он видел в этом и собственное удовольствие. Он просто не хотел, чтобы она печалилась или тосковала по этому поводу, что могло быть естественнее? Тем не менее выражения сына, как «ты низко пал» или «ты дрожишь перед этой женщиной», вывели его из себя, потому что в них была доля правды. Он и сам знал это, и Скотт тоже знал. И то, что сын презирал его за это, было для него невыносимо. Всю жизнь он старался быть образцом для подражания, настоящим лидером клана. Разве не он спас своего двоюродного брата Дэвида, разве не позаботился о сестре Мойре? Он был бароном, истинным представителем славного шотландского рода, владельцем значительного поместья. Ангус прекрасно содержал его и хорошо вел дела, показал себя достойным мужем после смерти первой жены, выдержав свое вдовство без жалоб, а затем передал эстафету единственному сыну с чувством исполненного долга. До сих пор он гордился собой. Но встретившись с Амели – он слегка склонил голову, как можно было это отрицать? – и взвалив на свои плечи заботу о пасынках, детях другого мужчины, он никогда не забывал об этом: он создал проблемы Скотту и поссорился с ним, дойдя до этой невероятной пощечины. Он стал обращаться с сыном как с противником, чтобы поддержать Джона, парня, который мало чего стоил и который ему не нравился. Все это было противоестественно, абсурдно.

Из его рта вырвался глубокий вздох, покрывший окно туманом. Что ему сделать, чтобы исправить эту дикость? Во-первых, никому об этом не говорить. Ни Мойре, которая возненавидит его за это, ни Амели, которая только обрадуется. Ибо правда состояла в том, что она действительно ненавидела Скотта, только вынужденно терпела его. Несмотря на это, она не переносила никакой критики со стороны Ангуса относительно Джона или Филипа. Она была несправедливой, как лвица, защищала своих детенышей, но можно ли было ее в этом обвинять? Ведь она наверняка тоже жила в вечном страхе, что Ангус откажет ей в помощи, перестанет платить за их учебу. Поскольку все проблемы она была вынуждена решать сама, разве не удивительно, что ей приходилось прибегать к шантажу своими ласками, ее единственному оружию?

Внезапно почувствовав себя очень уставшим, Ангус отогнул обшлаг рукава, чтобы посмотреть на часы. Приближалось время ужина, он должен был присоединиться к остальным и выглядеть бодрым.

— Да, нелегко порой увеличить семью, — проговорил он напоследок.

Но Ангус был лишен иллюзий и отныне отказывался себе лгать: держать в объятиях молодую и аппетитную женщину — вот была главная причина, а может, и единственная, толкнувшая его на второй брак. Гладить нежную кожу ее бедер, сомкнуть руки на ее груди, прижаться к ней, одурманенным ее запахом. Конечно... он был готов на любые уступки ради этих мгновений! До нее он был одиноким вдовцом в Глазго. Тогда он ощущал себя стариком, почти импотентом, конченным человеком. А рядом с Амели он был полон сил и гордился этим.

Он выключил свет и вышел из кабинета, даже не выкурив сигары, которой хотел насладиться в обществе Скотта. Как бы то ни было, он еще будет иметь возможность сделать это, как только сын успокоится. Но на это, а он хорошо знал Скотта, могло потребоваться время. А пока ему придется отвечать на вопросы Амели насчет будущего Джона и высказывать мнение по поводу намечавшейся поездки Кейт и Нила Мюррея. Так пусть хоть малышка порадует, она была единственным не доставлявшим никому затруднений человеком в этом не вполне благополучном сводном семействе.

Томас, отец Мэри, пригласил Скотта в один из самых известных ресторанов Эдинбурга, *The Grine Store*^[19], где подавали лучшие продукты Шотландии. Как только они сели, он заказал две порции виски «Гленгойн» пятнадцатилетней выдержки, как бы делая своего рода намек, потому что знал от дочери, что Скотт решил поэкспериментировать именно с этим возрастным промежутком на своей винокурне в Инверкипе.

– Вы никогда у них не бывали? – спросил он, с наслаждением смакуя первый глоток. – Они находятся совсем недалеко от Глазго, у них прекрасный сайт, и они очень охотно зазывают к себе, чтобы продемонстрировать свои достижения!

– Меня не слишком прельщает конкуренция, – ответил с улыбкой Скотт. – «Гленгойн» – всего лишь гигантское машинное предприятие, где ничего не осталось от бывшего ремесленного производства. Тем не менее то, что я сейчас пью, превосходно! Сложный вкус, сладковатый, довольно округлый^[20], пряные нотки...

Томас со значительностью кивнул, делая следующий глоток. Он прекрасно разбирался в тонкостях виски и втайне радовался, что дочь выбрала именно Скотта Джиллесли. Это имя ассоциировалось в его сознании пусть с почти ремесленным производством виски, но напитки были высокого качества, и в недавнем прошлом он регулярно заказывал себе бутылки из Гринока.

– По словам Мэри, ваш отец прекратил всякую профессиональную деятельность и передал вам все свои полномочия?

– Скажем так, он вышел на пенсию, однако тщательнейшим образом контролирует счета, и я согласую с ним все решения.

– Вот уж кто действительно мудр! Вы еще очень молоды, чтобы всем руководить.

Вместо ответа Скотт принялся изучать карту. Он прекрасно понимал, по какой причине Томас пригласил его на эту встречу тет-а-тет, и догадывался, что вскоре речь зайдет о Мэри.

– Вы должны попробовать цыпленка, – предложил Томас, – он здесь подается с особенно вкусным горошком по-французски.

– Благодарю, но у нас в Джиллеспи есть француженка, которая доставляет нам это удовольствие чересчур часто.

– Ваша мачеха, это верно. Если я правильно понял, особого взаимопонимания между вами нет. Вторые браки почти всегда натываются на определенные проблемы. Но со временем все улаживается...

– Либо да, либо нет! Во всяком случае, я больше не живу дома.

– Знаю. На самом деле я знаю много, потому что Мэри только о вас и говорит все время.

– И вы захотели встретиться со мной, чтобы поговорить о ней?

– Верно! Разве я не должен исполнить свою роль отца, не так ли? Моя дочь сейчас немного отчаивается. Она не может сказать вам всего, потому что она любит вас и боится потерять, но, к сожалению, годы проходят. Ваша любовная история продолжается, но вперед не продвигается. А между тем для женщины, я сейчас не скажу вам ничего нового, биологические часы тикают по-другому. Мэри скоро двадцать восемь лет, она мечтает создать семью. А вы нет?

– Знаете... Две минуты назад вы нашли меня слишком молодым, чтобы руководить делами отца.

– Ну это совсем другое дело! Взять на себя руководство бизнесом – это требует опыта, в то время как делать детей... И лучше иметь их пораньше, поверьте. При условии, если у тебя есть желание, конечно. Кроме того, я собираюсь задать вам четкий вопрос, без всяких уверток: почему вы не женитесь на Мэри? Если вам она недостаточно нравится, имейте мужество сказать ей об этом. В таком случае не стоит заставлять ее так долго ждать.

– Извините, я еще не готов, – возразил Скотт, отступив на оборонительную позицию.

– Неужели? Вам двадцать шесть лет, вы самостоятельно ведете дело...

– Не совсем так. Стабильный контракт у меня будет лишь со следующего года. На данный момент я целиком завишу от любой семейной ссоры или несогласия в чем-либо с отцом.

– Но ведь вы – его единственный сын! Не представляю, кем он мог бы вас заменить. Но если дело в том, что вы опасаетесь за свою финансовую нестабильность, то знайте, что я всегда готов помочь

дочери устроиться в начале ее семейной жизни. Молодая пара должна начинать с достатка, это помогает избежать многих трудностей.

– В день, когда я решусь жениться, я буду в состоянии содержать жену и детей без посторонней помощи.

– Вы одержимы гордыней, Скотт. Либо просто хотите выиграть время. Дело в том, что Мэри предложили очень престижную работу, которая потребует от нее полугодового пребывания в Португалии. Она не может решиться, потому что не хочет расставаться с вами. Но если она откажется только потому, что вы попросту тянете волынку, то она потеряет прекрасную возможность продвинуться. Ведь она талантлива, вы сразу это заметили, когда она начала создавать модели для вашей фабрики. Уж если ей не удалось выйти за вас замуж, пусть лучше делает себе хорошую карьеру в Лиссабоне!

На последних словах Томас заметно повысил тон, и несколько клиентов, заинтересовавшись, обернулись к их столику. Скотт ничего не знал о предложении, полученном Мэри, однако ему не хотелось обсуждать это с Томасом. Ни это, ни предполагаемый брак. Гнев одержал верх, Скотт был раздосадован и высокомерием Томаса, и его бестактностью. Даже если допустить, что он переживал за дочь, то действовал крайне неосмотрительно. Неужели он и впрямь надеялся, что его речь на повышенных тонах могла хоть в чем-то убедить Скотта? Не думал ли он, что, предлагая обеспечить ему и Мэри легкую жизнь, он мог заставить его изменить свое мнение?

– Не знаю, в каком веке вы живете, Томас, но мы оба достаточно взрослые, Мэри и я.

– И вы не хотите, чтобы мы вмешались в вашу жизнь?

– Вот именно.

– Но ведь речь идет о моей дочери! Я не сказал ей, что буду обсуждать с вами эту тему, я...

– Она, должно быть, догадывается об этом. Вы ведь оставили ее с матерью, и она, конечно, не верит, что мы с вами собираемся поговорить о дожде и хорошей погоде или что у вас нет достаточно средств, чтобы пригласить всех в этот ресторан.

Не оценив иронии, Томас с яростью бросил на стол салфетку.

– Я собирался поговорить с вами как мужчина с мужчиной, а вы уклоняетесь от разговора!

– Нет, жаль, что вы так думаете. Что касается брака, то я совершенно откровенно изложил вам свою позицию. Я не готов, вот и все. Мэри знает, я ничего от нее не скрывал. Никогда я бы не помешал ей уехать в Лиссабон, потому что она действительно очень талантлива. В Шотландии ее возможности ограничены, а так она могла бы обеспечить себе международную карьеру. Я не хочу, чтобы она когда-нибудь упрекнула меня в этом. Она абсолютно свободна, Томас.

– Сейчас она предпочла бы жизнь жены и матери. И, безусловно, она боится вас разочаровать, высказав вам эту истину.

Скотт, не торопясь, допил свой бокал, потом облокотился на стол, поднял голову и пристально посмотрел в глаза Томасу.

– Вы не должны были говорить мне все это вместо нее. Помимо любви, я испытываю к Мэри еще и уважение, что позволяет мне надеяться, что она сама умеет прекрасно излагать свои мысли. Для меня эта дискуссия закрыта, и к тому же мы вовсе не обязаны были ужинать с вами вдвоем.

Томас, казалось, сделал усилие, чтобы ответить ему с неприязненной улыбкой:

– Ну и характер же у вас! Вы взвываетесь по малейшему поводу! Ладно, давайте еще закажем что-нибудь, чтобы хотя бы насладиться этой великолепной кухней и полюбоваться чудесным оформлением ресторана.

Призывным жестом он указал на стены, отделанные под камень, на действительно элегантный декор зала и добавил:

– Не согласитесь ли вы попробовать другой виски, у них прекрасный выбор...

Скотт предпочел бы остановиться на этом и поскорее уйти, но из уважения к Мэри он не хотел обижать ее отца, не хотел он и ссориться с ним. Сожалея о том, что впустую потерял вечер, он отказался от виски и выбрал в меню первое попавшееся блюдо.

* * *

– Нет, ты не можешь этого сделать! – повторила Кейт. – Впрочем, нам даже не следовало сюда заходить.

Амели лишь пожала плечами и направилась к одной из комнат с двумя окнами, выходящими в парк.

— Отсюда открывается самый красивый вид во всем доме. Добавочный этаж дает совершенно другую перспективу. Это просто великолепно... Ах, я понимаю, почему Скотт предпочел жить этажом выше! Но, в конце-то концов, он больше не живет здесь, он все время проводит в своей квартире в Глазго и сюда больше ни ногой. Ангус утверждает, что у него слишком много работы, а я думаю, что он просто устал жить в нашей семье. Во всяком случае, эта комната выглядит великолепно, и нет причин, чтобы она пустовала.

— Но она же *его* комната, мама! Он будет в ярости, если ты...

— Он и так *всегда* в ярости. В последний раз, когда я его видела, он должен был с нами поужинать, а в конечном итоге ушел, хлопнув дверью.

— Послушай, есть и другие комнаты, не понимаю, зачем тебе понадобилась эта?

— Для тебя, дорогая.

— Для меня?

Пораженная этими словами, Кейт тут же вскочила на ноги.

— У меня отличная комната этажом ниже, я же тебя ни о чем не просила!

— Да, но представь, мне понадобилась твоя комната, которую ты сейчас занимаешь.

Амели приняла таинственный и торжествующий вид, что не предвещало ничего хорошего.

— Потому что у меня для тебя есть важная новость, я скажу тебе первой. Видишь ли, у меня была задержка, тогда я пошла и купила тест.

— Тест?

— На беременность! Мы не особенно принимали меры предосторожности с Ангусом, и вот, похоже, у нас скоро будет ребенок.

Затаив дыхание, Кейт посмотрела на нее, чтобы убедиться, что она не шутит.

— Но, мама, тебе уже...

— Сорок три года, знаю. Но природа щедра ко мне и решила сделать последний подарок.

– И ты... хочешь его оставить?

– Конечно! Ну что, милая, ты совсем не обрадовалась?

– Я не... Ангусу известно об этом?

– Пока нет. Я попросила Мойру приготовить на вечер что-то особенное, праздничное меню, не сказав почему. Вот за ужином я и объявлю. Уверена, Ангус будет вне себя от счастья, даже не сомневаюсь.

Она подошла ко второму окну, сделав знак дочери приблизиться к ней.

– Ты только взгляни на пейзаж! Тебе было бы здесь очень хорошо. А я заберу твою комнату – она рядом с моей – и устрою там детскую. Ты же не будешь бояться, ведь Мойра и Дэвид тоже спят на втором этаже. Вот так, всем нам будет просто прекрасно.

– Ни за что. Я отказываюсь занимать комнату Скотта. Осталась еще комната рядом с мальчиками, это меня вполне устроит.

– Нет, она слишком маленькая, и тебя будет беспокоить шум, который вечно оттуда доносится.

– Но на этом этаже есть и другие свободные комнаты, мне подойдет любая из них.

– Ты лишишься такого прекрасного вида из окон!

– Мне все равно!

Поджав губы, Амели покачала головой.

– Мы еще поговорим об этом. А пока ты могла хотя бы сказать мне что-нибудь любезное, похвалить меня... Я в лепешку разбиваюсь, чтобы тебе угодить, сделать что-то приятное. Прежде всего я думала о том, чтобы доставить тебе удовольствие, но что-то не вижу никакой благодарности с твоей стороны.

Она опустила на кровать, неприязненно посмотрев на дочь.

– Ну, хоть порадуйся немного за меня! – настаивала Амели.

Но Кейт не была на это способна: во-первых, ошеломленная мыслью о будущем ребенке, а во-вторых, всей этой дикой пертурбацией с комнатами. Амели преследовала ее в течение нескольких месяцев, задолго до того, как забеременела. Антипатия к Скотту толкала ее на то, чтобы как можно надежнее отдалить его от Джиллесли, отдалить от Ангуса и даже настроить их друг против друга.

– Надеюсь, это будет мальчик, – весело произнесла Амели.

– Почему? Девочек ты не любишь? – с иронией поинтересовалась Кейт.

Она не могла удержаться, чтобы этого не сказать. Предпочтение, которое мать оказывала сыновьям, было незаживающей раной ее детства и до сих пор причиняло ей боль. Тем не менее она пожалела о своем вопросе.

– Во всяком случае, тебе нужно беречь себя и больше отдыхать, – сказала она более мягким тоном.

– Конечно. В моем возрасте мне придется быть очень осторожной. Надо будет попросить горничную приходить ежедневно, двух раз в неделю недостаточно. Тем более что Мойра и так слишком загружена, а я уже не смогу ей помогать.

– Мойра и правда работает с утра до вечера, – подтвердила Кейт. – Но я тоже охотно тебе помогу, если можно.

– Какая ты милочка, моя дорогая! Тебе ведь понравится, если в доме появится младенец? У тебя будет прекрасная возможность потренироваться до того, как ты тоже станешь мамой!

Кейт протянула ей руку, чтобы она встала, а не продолжала валяться на постели Скотта.

– Пойдем, нам не стоит здесь находиться.

Амели сделала шаг к двери, но тут же оживилась и направилась к секретеру.

– Какая чудесная мебель...

– Мама!

Не обращая никакого внимания на дочь, Амели откинула крышку и осмотрела внутренность.

– Из настоящего дерева!

Она выдвинула один из маленьких ящичков и замолчала на несколько мгновений.

– Кто это? – спросила она, обернувшись со снимком в руке.

– Положи на место!

– Должно быть, это Мэри, первая жена Ангуса. Она была очень красивая.

Амели, как зачарованная, принялась рассматривать фото, но Кейт вырвала его у нее из рук.

– Какое право ты имеешь рыться в вещах Скотта? Как бы мы выглядели с тобой, если бы он вдруг здесь появился сейчас? Как две

ищейки?

Она убрала фотографию, закрыла ящик, опустила створку, потом взяла мать за руку.

– Тебе, наверное, не хотелось бы, чтобы кто-то прокрался тайком в твою комнату? Пойдем посмотрим другие помещения, те, что пусты. В этой я жить не хочу, это вопрос решенный.

Чувствуя себя все более неловко, Кейт еле вытолкала мать из комнаты Скотта. К счастью, Мойра и Дэвид были слишком заняты своими обязанностями днем и редко здесь появлялись, а не то Кейт умерла бы от стыда, если бы они застали их врасплох. Поведение матери ее шокировало, а мысль о том, что Скотта собирались изгнать из его собственной комнаты в пользу Кейт, причиняла ей невыносимую боль. Скотт родился в этом особняке, он был законным наследником, здесь он был у себя дома. Правда, он предпочел уступить свои земли Амели и ее потомству, которое, без сомнения, раздражало его или даже вызывало у него отвращение. В Гриноке ему все еще приходилось выносить Джона, который только и умел, что жаловаться да с трудом передвигать ноги. Каждым вечером за столом брат охотно рассказывал о тех «издевательствах», которым он якобы подвергался на винокурне, и он не слишком-то лестно отзывался о Скотте. Ангус никогда ничего не комментировал, но было видно, что эта ситуация его очень огорчала. Порой он осмеливался затыкать рот Джону, и тогда Амели метала громы и молнии. Но разве сможет он теперь в чем-то противоречить жене, когда она готовилась подарить ему ребенка?

Пока они спускались по лестнице, Кейт незаметно бросила взгляд на материнский живот. Неужели она на самом деле беременна и какой у нее мог быть срок? Собирался ли Ангус прыгать от радости, как она это утверждала? Не слишком ли он стар, чтобы снова захотеть почувствовать себя отцом? А насчет Скотта все было и так ясно. Вряд ли он мог этому обрадоваться. В его двадцать шесть лет ему было бы безразлично, родится у него сводный брат или сводная сестра. Беспокоиться ему не о чем. Если только, конечно, Амели не станет использовать этого ребенка, чтобы ему вредить, на что она вполне была способна.

– Братья ничего не знают? – тихонько спросила она мать.

– Нет, ты первая, я же тебе сказала.

Они тоже были бы удивлены и вряд ли уж очень обрадованы. Мальчишки привыкли, что мать предана только им, и появление новорожденного им бы не понравилось. Что до самой Кейт... Она презирала себя за равнодушие, но не могла разделить эйфорию Амели. Пришествие этого малыша в Джиллеспи показалось ей таким несуразным! Внезапно она вспомнила лицо той женщины на фотографии. Этот снимок Скотт долго хранил после смерти матери, и он доверился Кейт, сказав, что в течение многих лет смотрел на него каждое утро, чтобы не забыть ее лица. Он решил закрыть его в ящике секретера только тогда, когда уезжал в пансион. Интересно, вспоминал ли он еще о ней? Во всяком случае, как заметила довольно кислым тоном Амели, первая жена Ангуса была очень красивой. Скотт был похож на нее: тот же матовый цвет лица, те же каштановые волосы и темно-синие выразительные глаза.

У подножия ступенек в холле их ждала Мойра, опершись одной рукой на перила, а другую руку уткнув в бедро.

– Я насчет сегодняшнего «специального» меню на этот вечер. Наверное, и десерт вы тоже хотите «специальный»? – спросила она.

– Делайте по-своему усмотрению, все так или иначе будет прекрасно, – ответила Амели с необыкновенной любезностью.

Примириться с Мойрой теперь ей было просто необходимо: через некоторое время она еще как могла пригодиться Амели. А ведь до этого она вела себя с ней грубо, как с потенциальным врагом.

– Как насчет шоколадного грушевого торта? – предложила Амели. – Я знаю, что Дэвид от него без ума.

То, что она так заботилась о Дэвиде, казалось, ошеломило Мойру, которая невольно перевела взгляд на Кейт.

– Мне он тоже нравится, – пробормотала девушка.

Она слишком хорошо знала мать, чтобы поверить в то, что ее доброта продлится долго. И Мойра тоже вовсе не казалось одураченной. Да и сама перспектива этого ужина, за которым будет объявлено о беременности Амели, заранее испортила настроение молодой девушке.

Когда открылась дверь его спальни, Скотт внезапно проснулся.

– Это всего лишь я! – воскликнула Мэри. – Извини, что пришла так поздно и без предупреждения, но...

Скотт быстро включил прикроватную лампу, сел, подавил зевок и посмотрел на Мэри, которая все еще колебалась, не решаясь войти.

– Что случилось?

Страхивая остатки сна, он постарался улыбнуться. Странно, хотя у Мэри был дубликат его ключа, она никогда не появлялась неожиданно. Правда, в последний раз они плохо расстались: в первый раз за все время они поссорились в тот день, когда Скотт ужинал с Томасом.

– Ты все еще обижаешься на меня? – спросила она, не двигаясь с места.

– Нет. Не стой, пожалуйста, – садись. Ты останешься до утра?

– Сначала мне хотелось бы с тобой поговорить.

– А...

Он повернул голову, посмотрев на будильник, который показывал четыре часа.

– Слишком поздно для виски, слишком рано для кофе, давай попьем чай, – сказал он, поднимаясь с постели.

Присутствие Мэри вроде бы должно было доставить ему удовольствие, но сейчас он чувствовал только усталость. Накануне он пошатался с Грэмом по пабам, и они слегка перебрали. Он прошел в кухню, поставил на огонь воду для чая, расставил чашки, пока Мэри подогревала молоко и доставала сахарницу.

Кроме ранних завтраков, они редко здесь ели, предпочитая зайти в ресторанчик. Когда же Мэри обурежала жажда приготовить что-то вкусненькое, она звала Скотта к себе.

– Как-то странно мы с тобой живем, – проговорила она. – Ты не находишь? Приглашаем друг друга к себе, словно только начинаем любовные отношения, а ведь мы знаем друг друга уже много лет! И если я разговаривала на эту тему с родителями, то не для того, чтобы жаловаться, а просто хотела им все объяснить. Очевидно, они не могут понять таких отношений, потому папа и решил с тобой побеседовать. Он плохо сделал, что вмешался в наши дела, но, уж поверь, я его об этом не просила!

— Знаю. Давай не будем больше об этом, Мэри. Томас играет свою роль отца, я не упрекаю его, но он почему-то забыл, сколько нам с тобой лет.

— Он человек старой закалки.

— Допустим.

— Ты, видимо, был очень расстроен после того ужина и не звонил мне целых три дня. И ты все еще сердишься?

— Я разозлился на тебя за то, что ты скрыла от меня предложение, поступившее тебе из Португалии. Почему?

— Потому что я боюсь, что ты заставишь меня согласиться.

— Ты слишком самостоятельная личность, дорогая. Все зависит только от тебя. Либо ты соглашаешься, либо нет.

— А как же мы? Лиссабон так далеко отсюда!

— Но зато от этого выиграет твоя карьера. В Шотландии тебе пока ничего подобного не предлагали.

— В Португалии я буду слишком скучать по тебе.

— Существуют выходные, самолеты...

Понимая, что ему не хватает убедительности, он разлил закипевшую в чайнике воду по чашкам и сел напротив нее.

— Ты должна воспользоваться этой возможностью. Именно потому, что ты свободна. Пройдет несколько лет, и...

— Ты на мне женишься? Сделаешь мне детей?

Хлопнув ладонью по столу, Мэри с обидой закусил губу.

— О, Скотт, я пришла сюда не для того, чтобы мы снова поссорились. Этой ночью я никак не могла уснуть, все думала о себе, о нас с тобой. Что-то не так, ведь так? Я знаю, что очень раздражаю тебя своей навязчивой мыслью о замужестве. Знаю, что веду себя неправильно, что я должна была бы молча ждать, когда ты сам мне это предложишь. Но терпение не относится к моим достоинствам, и мне надоело изображать из себя счастливую холостячку, потому что я вовсе не счастливая холостячка! Когда утром я просыпаюсь, я не уверена, увижу ли тебя сегодня вечером. Я даже не знаю, где мы сегодня будем спать — у тебя или у меня. Эта связь от одного дня до другого приводит меня в отчаяние. Возникает впечатление, что ты постоянно взвешиваешь все за и против: быть тебе сегодня у меня или не быть, — что ты прикидываешь, стоит ли вообще иметь со мной дело? И меня

приводит в ужас, что со мной обращаются, как с товаром, в котором покупатель не уверен, а действительно ли он хочет его приобрести?

Встревоженный, Скотт увидел, что глаза ее полны слез. Для того чтобы ее утешить, ему понадобилось бы только одно слово, единственное, которое он отказывался произносить.

– Мэри, – прошептал он, беря ее за руку, – я совсем не хочу делать тебя несчастной.

– Но делаешь! Что тебя удерживает, Скотт? Хоть раз будь искренним и скажи, почему ты меня отвергаешь?

– Я не отвергаю тебя! Я тебя люблю. Нам хорошо вместе и...

– Да *когда* мы вместе? Примерно один день из двух. Люди, которые любят друг друга, так не поступают. До каких пор ты намерен сохранять свою проклятую свободу?

Даже в гневе и слезах она оставалась хорошенькой. Он ненавидел себя за то, что не мог дать ей того, на что она так надеялась. И тем не менее она была права: что-то удерживало его, мешало ему видеть в ней женщину, с которой он мог бы провести всю оставшуюся жизнь. Скотт находил множество причин, придумывал более или менее веские предлоги, однако действительность была такова: он не хотел ее. Как ей об этом сказать, не уничтожив ее совершенно?

– Мэри, прими предложение из Лиссабона. Разлука нам пойдет на пользу, иначе мы продолжим ссориться и дальше.

Она выпрямилась, убрала руку.

– Значит, ты предпочитаешь, чтобы я уехала?

– Решение зависит только от тебя. Ты даже не объяснила мне, в чем состоит предложение, как если бы ты собиралась отказаться в любом случае.

– Предложение исходит от одной керамической фабрики, которая производит большой объем продукции на экспорт. Они хотят обновить коллекцию, и им нужен хороший стилист.

– Как они на тебя вышли?

– Вообще-то, я послала им свое резюме.

– Когда?

– Несколько недель назад. В один из дней, когда я была вне себя от нашей продолжающейся неопределенности. Твои уговоры подождать, моя настойчивость... Тогда я решила, что мне нужен глоток свежего воздуха. Или, наоборот, что ты станешь меня

удерживать, что это вызовет в тебе осознание того, что мы можем расстаться навсегда. И тогда, когда я решила действовать, я отправила в Европу три или четыре письма со своими эскизами.

– Похоже, ты одержала победу.

– Пусть так.

Теперь она всерьез на него обиделась, и Скотт понял, что уже теряет терпение.

– Я ничего не хочу менять, Мэри. И это то, в чем меня упрекают!

Они вернулись к той же точке разногласий, а это грозило им возможностью снова увязнуть в неразрешимом конфликте.

– Вступать в новый день слишком рано, оставайся, и закончим эту ночь вместе, – предложил он, вставая из-за стола.

– Примирение в постели ни к чему не приводит! – заметила Мэри с горечью.

И все же ему хотелось этого. Когда они занимались любовью, они так прекрасно ладили, становились единым целым. Однако, проснувшись утром, они бы поняли, что их проблемы остались прежними.

– Ладно, пойду приму душ, – вздохнул он.

Если бы Скотт сейчас обнял ее, она бы поверила, что их разговор не оставил никакого следа, что для него важны были не только его собственные желания. Однако он вышел из кухни, ничего не прибавив, в очень дурном настроении и страшно уставший.

* * *

Ангус встал на рассвете после бессонной ночи. Он погрузил сумки для гольфа в машину, но не собирался далеко ехать. Напротив, пешая прогулка дала бы ему возможность хорошенько поразмыслить над тем, что он узнал, а это ему ой как было нужно сегодня.

Захваченный в сладкий плен Амели, охотой, гольфом, а также передачей полномочий Скотту в бизнесе, он уже не обходил свои земли все целиком, как это бывало раньше. На протяжении многих поколений Джиллеспи терпеливо приобретали по крохам эти уголья, которые составили в итоге громадное владение. Да он сам еще лет двадцать назад ухитрился купить за бесценок целый холм земли,

неровный, изрезанный, покрытый чертополохом, на котором сегодня паслись его стада. Частенько, окидывая взглядом пейзаж, окружавший особняк, он испытывал гордость крупного землевладельца, однако со времени своего второго брака он больше этим не интересовался, предпочитая разгуливать по парку под ручку с молодой женой. Ведь она была на двадцать лет моложе его и вполне годилась ему в дочери. Да, она была еще молода, но достаточно ли молода для того, чтобы снова стать матерью? Не была ли ее беременность сопряжена с определенным риском?

Ангус оставил машину на опушке леса, напротив долины, спускавшейся до самого горизонта. Обутый в резиновые ботфорты, водонепроницаемую куртку и охотничью фуражку, он был как нельзя лучше одет для этого прохладного утра. Он пошел наугад, без всякой цели, погружившись в путанные, противоречивые мысли. Ребенок... Хотел ли он ребенка? Для того чтобы не обидеть Амели, несмотря на свое изумление, он сумел притвориться, что очень обрадован. Мойра так и застыла на стуле, а Дэвид с трудом скрывал гримасу разочарования. Кейт молчала, Джон, Джордж и Филип не выразили никакого восторга, и тогда Ангусу пришлось взять инициативу на себя и, демонстрируя свою радость, снова и снова возглашать, что это для него дар небес.

Такой ли уж дар на самом деле? Он был далек от этой уверенности и на самом деле чувствовал лишь глухую тоску. Что ему за дело до этого ребенка, который будет орать ночи напролет, пойдет, возможно, только через год, а заговорит еще позже? Этот ребенок станет молодым человеком, которого можно будет взять на рыбную ловлю или охоту, когда он, Ангус, уже будет глубоким стариком!

И, что еще хуже, у него был Скотт... Как он мог это сказать Скотту? Всегда Скотт был его единственным сыном, единственным наследником. С прибытием племени Амели ничего бы не изменилось, но теперь все перевернется с ног на голову, и будущее их семьи будет уже под большим вопросом.

После злосчастной пощечины Скотт едва появлялся в Джиллеспи, как тут же улетал обратно со скоростью ветра. Оставив бумаги на столе отца, он уходил, а если им случалось встретиться, здоровался ледяным тоном. Ангус мог бы извиниться, по крайней мере, сказать, что он сожалеет о случившемся, но не находил в себе мужества. Он

терпеть не мог признавать свою вину. Впрочем, как и Скотт! Потому что Скотт был очень на него в этом похож. Если физически он был настоящим портретом матери, то от отца унаследовал цельный и вспыльчивый характер. Как и Ангус, он обожал Джиллеспи, обладал ответственностью и гордился своим именем. И он согласился взять в свои руки управление семейными делами, хотя мечтал стать врачом. Ведь и сам Ангус когда-то в молодости собирался стать не кем другим, как чемпионом по игре в гольф.

Далекий лай привлек его внимание. Приставив козырьком руку ко лбу, он увидел, как несколько отбившихся от стада овец нехотя подчинились приказу «пограничников». Пастух, сидя на плоском камне, наблюдал за тем, как собаки выполняли его работу. Наслаждаясь зрелищем, Ангус расплылся в улыбке. Эта придающая спокойствие пасторальная сцена была так далека от его семейных забот! Он решил присоединиться к пастуху, чтобы немного поболтать с ним. По крайней мере, в это время он хотя бы не будет думать об Амели и ребенке, которого она ждала, не станет обдумывать, как он сообщит эту новость Скотту. И на какое-то мгновение его оставит этот проклятый, пульсирующий в голове вопрос, о котором он теперь ежедневно спрашивал себя: был ли он счастлив, горд, испытывал ли восторг или просто пребывал в панике?

* * *

Служащий проводил смущенную Кейт до офиса Скотта. Скромно присев на одно из кожаных зеленых кресел, предназначенных для посетителей, она любовалась дубовой отделкой комнаты, гравюрами, медными аппликациями. Классическое убранство кабинета сочеталось, однако, с новейшими достижениями высококласной компьютерной техники. Так, значит, здесь, в этом офисе, Скотт работал большую часть времени, когда его не было в винокурне Инверкипа или на прядильной фабрике.

Она положила небольшую книжицу на углу стола из красного дерева, надеясь, что Скотт захочет ее прочитать.

– Это ты, милая? – воскликнул он, входя в кабинет. – Мне только что сказали, что меня дожидается одна очень красивая девушка. Как

это я сразу не догадался!

Он поцеловал ее в волосы и устроился верхом на подлокотнике соседнего кресла. Вместо повседневной одежды, которую он имел обыкновение носить в Джиллеспии, на этот раз на нем были строгий светло-серый костюм, голубая рубашка и галстук в тонкую полоску.

– У тебя такой внушительный вид, ты – настоящий бизнесмен.

– Ты находишь?

– Даже очень. И твой кабинет тоже впечатляет.

С радостным смехом он схватил ее за плечо и легонько встряхнул.

– Издеваешься надо мной, да? Лучше расскажи, зачем ты пришла сюда?

– Во-первых, из любопытства, потому что я никогда сюда еще не приходила. Я побывала только на винокурне в Инверкипе и на фабрике. Но сегодня у меня, наконец, появилась такая возможность. Нил высадил меня здесь и вернется за мной через час.

– И что он будет делать в это время?

– Подыскивает нам ресторан с видом на море, чтобы пообедать.

– О, понимаю! Обед тет-а-тет для влюбленных?

– Вот теперь я вижу, что это ты издеваешься.

– Почему? Ты разве не влюблена в него?

Она смутилась и неуверенно вздохнула.

– Не знаю...

В своей отчаянной попытке не дать себе сойти с ума от любви к Скотту, она попыталась привязаться к Нилу, который был влюблен в нее без памяти.

– Во всяком случае, – возразила девушка, – он очарователен со мной, и я никогда не могла бы преуспеть со своим рефератом, если бы он не отвез меня в Кирримьюр. Там мы все вечера проговорили о Джеймсе Барри! Нил очень любит литературу, даже если это вовсе не помогает ему изучать медицину. Короче, я принесла тебе один экземпляр, если хочешь, взгляни...

Она вдруг показалась себе очень тщеславной и уже не была уверена, что Скотт оценит, что его побеспокоили ради такого пустяка. Тем более что он больше не улыбался, молча рассматривая ее.

– Большое тебе спасибо, Кейт, – сказал он.

Он взял ее реферат и вместо того, чтобы рассеянно пролистать, бережно убрал в атташе-кейс.

– Я прочту его сегодня же вечером.

Зазвонил один из телефонов, но он не ответил.

– Хочешь чаю, кофе?

– Нет, я сейчас тебя оставляю, у тебя, должно быть, много работы.

– Но ведь тебе некуда спешить, ты только что приехала, – возразил он. – Все ли в порядке у нас в Джиллеспии?

– Да, у всех все в порядке, кроме мамы, которую каждое утро тошнит! Она стала такой капризной и все время придирается к Мойре, которая в ужасе от того, что это будет продолжаться до конца беременности.

Пораженный известием, Скотт удивленно взглянул на нее.

– Беременности? – повторил он изменившимся голосом.

Кейт захотелось провалиться сквозь землю, вернуться на минуту назад или куда-нибудь убежать. Какой ужасный промах она только что совершила! Но разве могла она хоть на секунду представить, что Скотт не знает этой новости? Следовательно, Ангус не ввел его в курс дела?

– О, Скотт, прости... – еле выдавила она из себя.

И почему так случилось, что именно ей было суждено сообщить ему об этом? Он должен был узнать обо всем уже давно, в доме только об этом и говорили.

– Амели беременна?

Скотт, казалось, не мог в это поверить, был ошарашен. Покачивая головой, он сделал над собой усилие.

– Отец рад? – холодно спросил он.

– Наверное. Не знаю, почему он не сказал тебе, Скотт. Я думала, ты первый узнаешь об этом.

– Конечно, нет. Мы с папой сейчас почти не разговариваем друг с другом.

– Может быть, он ждал встречи с тобой? Ты теперь к нам приходишь так редко...

Ей казалось, будто она упрекает его, но это было последним, что ей хотелось бы сделать.

– Мне следовало придержать язык, – поспешила добавить она.

– Почему, бог ты мой? Насколько я понимаю, это уже ни для кого не секрет!

Он слез с подлокотника кресла, сделал несколько шагов и вернулся к Кейт.

– А, скажи, ты-то рада?

– Нет, – быстро ответила она. – Я должна бы радоваться за маму и Ангуса, но у меня не получается. Через несколько месяцев мне исполнится восемнадцать, и я не очень-то хотела бы иметь младшего брата или сестренку.

Она не стала уточнять, что ей особенно было это неприятно именно из-за Скотта. Ведь он так плохо ладил с Амели.

Скотт проговорил с задумчивым видом:

– Я знаю, что папа всегда хотел иметь большую семью. То, что у него был всего один сын, его всегда расстраивало.

– Он в тебе души не чает, Скотт!

– Да, может быть.

– *Может быть?* Ты смеешься! Ты – его гордость, его самая большая удача в жизни, если его послушать!

Телефон снова зазвонил, и Кейт поспешно встала.

– На этот раз я тебя все-таки оставлю.

– Не волнуйся, трубку возьмет секретарша. А я провожу тебя вниз.

Он казался немного огорченным, но ему все же удалось ей улыбнуться.

– Ты молодец, что принесла мне свой реферат, – сказал он, провожая ее по коридорам. – Я прочту его с огромным удовольствием. Ты его уже сдала?

– Да, и получила хорошую оценку, – скромно призналась девушка.

– Великолепно! Я знал, что ты хорошо разбираешься в литературе. Ты все еще хочешь стать учительницей?

– Да, хотелось бы.

– Помнишь тот мрачный день, когда я застал тебя за чтением «Отверженных» в глубине парка? Это было твое первое лето в Джиллесли, а ты уже беспокоилась о своей школе.

То, что он это вспомнил, заставило ее покраснеть от удовольствия. Что касается Кейт, она не забыла ни единого момента, проведенного со Скоттом.

– Наверное, я показалась тебе дурой. Тогда я чувствовала себя такой потерянной, далекой от дома и всего боялась.

– Ты была милой, как цветочек, и очень трогательной.

Они пересекли первый двор, потом другой. Перед воротами главного входа был припаркован большой черный «Ауди», рядом с которым стоял Нил и ждал ее. Увидев Кейт, он просиял. Скотт догадался, что молодой человек позаимствовал этот автомобиль у своего отца или матери.

– Он ведь слегка выпендривается, правда? Хочет тебя сразить?

У нее вырвался веселый смех, который почему-то вызвал у Скотта смутное раздражение. Он подумал о том, что Нилу повезло, что он может поехать с такой красивой девушкой. Да, в общем-то, ему во всем повезло, этому Нилу. Во-первых, он учился на врача, и его в этом поддерживали родители, а во-вторых, он просто вел сейчас жизнь беззаботного студента. Мюрреи предупреждали все его желания, подпитывая его банковский счет, чтобы он впоследствии нашел интересную работу, он мог целиком посвятить себя экзаменам... и Кейт.

– Я заказал столик в отеле «Тонтин»^[21], – объявил молодой человек, а потом мы могли бы прокатиться в музей Маклина^[22].

Он был непринужденным, предупредительным и уверенным в себе.

– Я у вас ее похищаю! – добавил он в адрес Скотта. – Хорошего вам дня и до скорой встречи!

Скотт поцеловал Кейт, прежде чем открыть ей дверь, опередив Нила.

– Повеселись хорошенько, милая!

– Когда же ты приедешь в Джиллеспи? Знаешь, я действительно очень расстроена, что ты узнал новость от меня.

– Не думай больше об этом. Я бы ведь все равно от кого-нибудь узнал.

Он отошел в сторону и посмотрел, как отъехала машина. Отель «Тонтин», безусловно, располагал одним из лучших ресторанов, но ведь в нем имелись еще и номера! Были ли эти молодые люди любовниками? Внезапно мысль об этом взбесила Скотта. Ах нет! Кейт была слишком молода, слишком невинна, слишком... Разве что она уже давно посещала это место с Нилом, и вряд ли они в таком случае довольствовались тем, что не спускали глаз друг с друга! В возрасте Нила у Скотта уже было немало подружек. Да, пусть так, но не таких, как Кейт. Он хорошо ее знал, она была очень романтична, и, по ее

собственным словам, вовсе не была уверена, что влюблена в Нила. Но почему в таком случае его семья, даже больше, *обе* их семьи, так поощряли эту идиллию? Чтобы объединить интересы Мюрреев с интересами Джиллеспи? Но Кейт ведь не была такой, она не была наследницей Ангуса и не носила его имени!

Он вдруг вспомнил о будущем ребенке Амели. Как мог он думать о чем-либо, кроме этой невероятной новости? И о трусливом молчании отца? Никогда в течение почти пяти лет Ангус ни разу не упомянул о желании завести ребенка от новой жены. Он стал бы смешным стареньким папашей, которому не суждено даже увидеть, как будет взрослеть его малыш. Желал ли он втайне позднего отцовства или это был очередной «сюрприз» Амели?

В его кармане завибрировал телефон. Секретарши уже устали повсюду его искать, а ему нужно было срочно вернуться в свой кабинет. Пересекая двор в обратном направлении, он заметил силуэт Джона, который брел из одного из зданий с сигаретой в руке. На какое место он бы его ни ставил, тот всегда стремился только к одному: устраивать побольше перекуров. Джон старался ему не попадаться, хотя всегда был готов к очередной перепалке, и Скотт закрывал на это глаза, хотя ему было очень неловко перед другими сотрудниками.

Но на этот раз, и возможно, потому, что он только что пережил не самый лучший момент в своей жизни, Скотт решил прищучить Джона.

– Все еще слоняемся без дела? – спросил он, внезапно остановившись перед ним.

– Вот он, сынок босса... – усмехнулся Джон. – Просматриваешь, не отбились ли какие овцы от стада?

– Приходится следить, это часть моей работы. И даже если я стараюсь тебя не замечать, ты постоянно слоняешься без дела и попадаешься мне на глаза.

– Мне здесь скучно. Ты не даешь мне делать ничего интересного.

– Лучше скажи, что ты вообще ничего не хочешь делать.

– Смотреть, не прорастает ли ячмень, или следить за аламбиками^[23] – не слишком волнующие занятия!

– Говори за себя. Впрочем, что толку в этих бесполезных разговорах. Тебе все это не нравится, а мне не нравится, что ты здесь, у меня под боком. Но таково желание твоей матери, которая убедила в

этом моего отца. Но, к несчастью, у тебя самого нет ни малейшего желания получить в будущем достойное место на этой винокурне.

— Во всяком случае, не то, что ты мне предлагаешь! И не заводи снова свою волынку о том, что нужно начать с самого малого и элементарного, чтобы изучить весь процесс и в результате добиться успеха.

— И все-таки это необходимо, если, конечно, у тебя нет солидного образования в этой области, которое могло бы обеспечить тебе прямой доступ к ответственной должности. Твой брат Джордж понял это, и он на верном пути.

— Он решил, что его путь — выслуживаться перед начальством, и мне его очень жаль. Джордж говорит, что полюбил Шотландию, а я ее ненавижу.

— Тебе следовало бы остаться во Франции.

— Этого я хотел больше всего на свете!

— И что же помешало?

— Мой отец.

— Потому что он не помог тебе, вот ты и вернулся за помощью к матери. Но, черт возьми, ты ведь можешь жить, не прибегая к помощи отца или матери вовсе.

— Тебе хорошо говорить, ведь ты родился с серебряной ложкой во рту. Будущее твое в любом случае было бы обеспечено. К тому же ты единственный сынок — это всегда удобно. Хотя теперь ты должен быть внимательнее, скоро появится еще один наследник, все уже не будет для одного тебя. Уверен, что ты от этого не в восторге, ведь так?

Скотт покачал головой, старательно отгоняя от себя размышления по поводу возможных действий Амели.

— Ты думаешь только о деньгах, это очень плачевно, — ограничился он замечанием.

Джон раздавил сигарету ногой и оставил окурок на брусчатке, бросая вызов Скотту взглядом. Территория винокурни была безупречно чистой, этим она и привлекала многих клиентов и посетителей. Скотт указал на бак из камня, куда был насыпан песок, установленный у двери одного из зданий.

— Не будь таким невоспитанным, воспользуйся этой гигантской пепельницей, — попросил Скотт.

Не усугубляя ситуацию, он не стал дожидаться реакции Джона, развернулся и пошел прочь.

Молодой человек создал ему такую проблему, которую Скотту не под силу было решить. Если бы не диктат Ангуса, он бы от него давно избавился. Что бы он ему ни предложил, все окончилось бы полным крахом. Джон тащил свою лямку со скучающим видом с утра до вечера, и со всеми у него были отвратительные отношения. Он лишь ждал конца месяца, чтобы получить очередную зарплату, и судьба предприятия его совершенно не интересовала. Джона вообще ничего не интересовало, кроме него самого. Он лишь терпел, вечно дулся, у него всегда было плохое настроение. Единственный раз он проявил инициативу, поехав в Париж, но и эта поездка закончилась плачевно. Интересно, нельзя ли было найти хоть какой-то способ отправить его во Францию снова, обнадежив положительной для него перспективой? Разумеется, знания у него во всем были на нуле, ну а вдруг это предложение могло как-то все же его заинтересовать и дать ему мотивацию? В конце концов, а почему бы и не попробовать? Чего только не случается в этой жизни! Скотт решил об этом всерьез задуматься. Например, почему бы ему не отправиться в Париж с Джэнет, опытной секретаршей. Эта операция недорого бы ему обошлась, зато могла иметь двойную выгоду: дать шанс Джону проявить себя и заодно избавиться от него хотя бы на несколько дней. Да и Ангус будет, скорее всего, доволен... Правда, с появлением младенца-наследника он мог и вовсе перестать заниматься будущим своих пасынков.

Скотту снова стало не по себе от этой горькой мысли, и он поспешил в свой кабинет. Погрузиться с головой в работу было для него единственной возможностью избавиться от дурных новостей сегодняшнего утра: беременности Амели, отвратительного поведения Джона, а также, как это ни парадоксально, того, что вызывало у него наибольшее раздражение — блаженного от любви взгляда Нила Мюррея на Кейт, который говорил о многом.

* * *

Мойра раздраженно поставила поднос на стол.

– До каких же пор мне придется подносить ей тосты и настойки? Лестницы сведут меня с ума, а я ведь ей не прислуга!

Дэвид смотрел на нее с печальной улыбкой и кивал головой, выражая сочувствие.

– Скоро она станет королевой-матерью, у нее теперь есть на все права, – сказал он с иронией.

– Ничего подобного, я не обязана подчиняться ее приказам! Пусть Ангус все делает сам или хотя бы наймет ей прислугу.

– Ангус предпочитает прогуливаться по свежей травке, такое впечатление, что он хочет как можно меньше времени проводить дома. Ну а насчет подношения настоек своей благоверной...

– Заметьте, Амели больше не мешает мне на кухне, по крайней мере, здесь я получила какую-то выгоду! Пожалуй, я воспользуюсь этим сегодня, чтобы приготовить куриный суп с луком-пореем и черносливом. Ангус от него без ума.

– Он сейчас почти ничего не ест. Перспектива скоро стать папашей, должно быть, отбила у него аппетит.

– Ты думаешь?

– Если только ссора со Скоттом не угнетает его до такой степени.

Ангус в конце концов не выдержал и поделился с Мойрой, почему Скотт стал так редко у них появляться. Говорил он это, еле шевеля губами, что, возможно, сын не приезжает из-за «этого пустячка, совсем маленького шлепка по щеке», к которому Ангуса вынудило его неуважительное поведение. Но Мойра сразу поняла, что предметом размолвки могла быть только Амели, кто же, если не она!

Дэвид приподнял чугунную крышку древнего котелка, кипевшего на углях, и добавил в варево несколько черносливин. Мойра никак не соглашалась избавиться от котелка, утверждая, что в нем получается рагу ни с чем не сравнимое по вкусу, хотя Амели потребовала непременно обзавестись электроплитой, которая сейчас праздно стояла у противоположной стены. Нередко случалось и так: если обе женщины вдруг активизировались, то они стояли спина к спине, и каждая готовила свое собственное блюдо.

– Ангус должен сделать первый шаг, – высказалась Мойра. – Поднять руку на сына – серьезный промах с его стороны.

– Ну это еще не конец света! Уверен, что Скотт уже и забыл об этом.

– Да, он не показал, что обижен. Но мы совсем не видим его теперь...

Она страдала точно так же, как тогда, когда Скотт уезжал в пансион. Мойре очень его не хватало, ведь он был единственный, кто создавал в доме веселое настроение. Шаловливый, но ласковый, не слишком послушный, но жизнерадостный, он был очень приятным мальчиком.

– А почему бы тебе самой не позвонить ему? – поинтересовался Дэвид с самым невинным видом. – Если ты пригласишь его прийти на ужин, он тебе никогда не откажет.

Мойра слегка хихикнула от удовольствия, но тут же приняла серьезный вид.

– Не хочу его беспокоить... Впрочем, ты прав, я позвоню ему сегодня вечером, когда он придет к себе домой и отдохнет после работы. И если он свободен завтра или послезавтра, то я положу оттаивать окорок косули, он очень любит дичь.

В этот момент раздались отголоски ругани в соседнем холле, и в кухню ворвались Джордж и Филип. Не обращая ни малейшего внимания на Мойру и Дэвида, Филип продолжил на бегу:

– Я знаю его лучше, чем ты, ведь сначала он был моим другом!

– Какое громкое слово! – просипел его брат. – Он был старше тебя, учился в другом классе, и вы просто играли в одной команде по регби, не более того.

– Ты шутишь? Он очень много времени проводил со мной.

– Потому что хотел, чтобы ты познакомил его с Кейт! Она его интересовала, а не ты! Да-да, этот тип хочет лишь своей выгоды, он лицемер.

Джордж разочарованно пожал плечами.

– Да наплевать, пусть и так. Нил – хороший парень. Он работает, успешно окончил первый курс по медицине...

– Ах, верно, теперь ведь ты на стороне только хороших учеников!

– И что из того? Это лучше, чем быть занудой.

– Посмотри на Джона, ты считаешь, что лучше быть таким, как он?

– Раньше ты так не говорил.

– Мне тоже хочется уйти, Фил.

– Облизывать сапоги Скотта? Ты выбрал университет, где он учился, задаешь ему кучу вопросов, делаешь вид, что интересуешься...

– Ничего я не делаю вид!

– Очень смешно. Поговори лучше с Джоном, он тебе объяснит, как он чуть с ума не сошел от скуки на этой проклятой винокурне.

– Пусть займется чем-нибудь другим, никто не принуждает его там оставаться!

Не в силах говорить спокойно, они кричали как оглашенные. Доведенный до ручки Дэвид попробовал их унять:

– Эй! Вы не могли бы пойти и поспорить в другом месте?

Филип бросил на него презрительный взгляд, но Джордж извинился.

– Мы с братом разошлись во мнении насчет Нила.

– Все это уже поняли, – ответил Дэвид. – Я нахожу его очень славным парнем. Он внимателен к Кейт и очень ее забавляет.

– Главное в другом – он сын Мюррея, будущий доктор Мюррей, и мама будет рада, если спихнет ему Кейт.

– Твоя сестра не вещь, – проворчала Мойра.

Подняв глаза к небу, Филип как ошпаренный выскочил из кухни. Не зная толком, что ему делать, смущенный Джордж первым делом поправил очки, которые носил с недавнего времени.

– Фил не в себе, потому что не сдал годовой экзамен, – объяснил он. – Только не надо говорить об этом маме, а то это сильно ее расстроит.

Мойра и Дэвид обменялись взглядами. Сейчас Амели мог расстроить самый малейший пустяк – без сомнения, она переживала тяжелую беременность. Мойра еще хранила в памяти ужасное воспоминание о рождении Скотта, которое произошло в усадьбе Джиллеспи и едва не стоило Мэри жизни, поэтому она искренне надеялась, что за Амели хорошо следила ее акушерка и при малейшей тревоге она отправит ее в больницу. Предстоящие роды вовсе не радовали ее, более того, они не вызывали у нее хороших чувств, но Мойра была доброй женщиной и надеялась, что все закончится благополучно. Если бы только брат был счастлив, если бы он обрел всплеск молодости в этом неожиданном отцовстве... Что касается ее самой, она предпочла бы, конечно, чтобы новорожденный в

Джиллеспи был бы ребенком Скотта. В его возрасте самое время заводить детей!

Она перенесла внимание на Джорджа, чьи очки снова соскользнули к кончику носа.

– Тебе стоит их подправить, – предложила она.

– Я слишком много играл, находясь в них. Не так-то легко к ним привыкнуть.

– Они тебе очень идут, когда находятся на своем месте. Ты в них видишь лучше, чем раньше?

– К счастью, да.

Близорукость Джорджа проявилась довольно поздно, а может, он просто игнорировал ее по небрежности. С некоторых пор Мойра стала уделять ему больше внимания, в то время как раньше она рассматривала эту троицу как нечто целое и весьма неприятное. Джордж выделялся среди своих братьев, он сблизился с Кейт и даже со Скоттом.

– Не угостить ли мне тебя аперитивом, молодой человек? – подмигнул ему Дэвид.

– Ты не собираешься его напоить? – забеспокоилась Мойра.

– У него вполне законный возраст, к тому же он хочет узнать все о виски. Извини, но это происходит только через дегустацию.

– Подождите хотя бы Ангуса...

– Нет! – возразил Дэвид. – Мне не требуется его разрешение из-за малейшего пустяка. Мне надоело быть полным ничтожеством в его глазах, надоело, что меня едва выносит *госпожа* Джиллеспи! Прости, что я так говорю, мой мальчик, но иногда я задаюсь вопросом, являюсь ли я членом семьи или я здесь простой работник?

Джордж секунду смотрел на него, сомневаясь, потом улыбнулся.

– С мамой не всегда легко поладить, но вы ведь жили здесь еще до нас, правда?

Мальчик сделал большой шаг вперед, словно решил сменить лагерь. Дэвид опустил голову и молчал, предпочитая не отвечать. Он встал, подошел к одному из больших шкафов, немного порылся там, стуча бутылками.

– Держи, я достал как раз то, что подойдет тебе в качестве аперитива. Это спейсайд^[24] десятилетней выдержки, он легкий и негустой.

– Разве мы не пьем только «Джиллеспи»?! – воскликнул Джордж.

– Ты прав, это единственный виски, разрешенный под этой крышей, но у нас со Скоттом есть на кухне небольшой тайник. Нужно же сравнивать вкусы!

Джордж уселся в конце длинного стола, а Дэвид разлил янтарную жидкость в два бокальчика для дегустации.

– Насчет Нила, – продолжила Мойра, продолжавшая колдовать над своей стряпней, – я думаю, что ты прав. Мне нравится этот мальчик, у него много хороших качеств. Он вежливый, серьезный, рассудительный... С ним Кейт в надежных руках, и я уверена, что они не станут заниматься глупостями раньше времени.

Дэвид, подняв глаза к небу, забормотал:

– В наше время молодежь... В наше время девушки ждали, когда им наденут на палец кольцо, но сегодня они больше похожи на настоящих шлюх.

Смутившись от того, что сказал Дэвид, Джордж нахмурился. Представить сестру в постели мужчины, кем бы он ни был, было невозможно, эти слова Дэвида ставили его в крайне неловкое положение. Интересно, уступила ли уже Кейт Нилу?

– Можно мне еще чашку настоя? – спросила Амели, спустившись в кухню. – Думаю, сегодня я не спущусь к ужину, лестницы слишком утомительны.

– Как пожелаете! – не стала возражать Мойра.

Положив руку на живот, Амели одарила ее одной из своих самых очаровательных улыбок.

– Вы так добры, так заботитесь обо мне... А чем это здесь так вкусно пахнет? Неужели супом? Может быть, Кейт принесет мне тарелочку, когда придет? Это ведь гораздо питательнее, чем простая вода, которую я все время пью, а я должна думать о здоровье ребенка!

Это заявление было встречено всеобщим молчанием. Однако Джордж почувствовал себя обязанным ответить.

– Кейт еще не вернулась, мама, но я тебе сейчас подниму наверх поднос.

– Ты прелесть, спасибо, милый. А где же твоя сестра?

– У Нила, кажется.

Откинув назад прядь волос театральным жестом, Амели снова улыбнулась Мойре и вышла из кухни.

Тогда Джордж удивился недвусмысленному взгляду, которым обменялись Мойра и Дэвид. Конечно, они не должны были радоваться тому, что у Амели должен был родиться ребенок. Да и чему тут можно было радоваться? Амели и ее дети вторглись на их территорию, расстроили привычный уклад жизни, а рождение младенца было последней каплей, переполнившей их терпение. Джордж-то и сам не очень одобрял несвоевременную беременность матери, которая казалась ему слишком немолодой для того, чтобы вновь начать нянчиться с младенцем. Но все равно он не чувствовал никакой ревности, в отличие от Джона, который считал, что его предали и лишили былого превосходства. Ведь до сих пор Джон был фаворитом матери, ее любимым старшим сыном, но он сильно подозревал, что новый младенец без труда лишит его этой привилегии. Его единственным утешением, если, конечно, это будет мальчик, была открывавшаяся возможность свергнуть с законного престола Скотта. Второй наследник Джиллесли заставил бы Ангуса разделить все – особняк и винокурни. Джон потирал руки со злорадством, в то время как Джордж был просто очень огорчен. Хрупкое равновесие, которое в конечном итоге установилось под этой крышей, волей судьбы оказалось бы нарушено, а это было нежелательно.

– Ты что-то выглядишь слишком озабоченным, – отметил Дэвид, наливая ему второй бокальчик.

– Я думаю об Эдинбурге, – солгал Джордж. – О том, как там будет проходить моя студенческая жизнь.

– Это очень красивый город, тебе понравится. Отовсюду, с любого места, открывается превосходный вид. Тебе понравится там все: архитектура, пабы, обстановка в уличных летних кафе, откуда всегда доносится веселая музыка.

Дэвид вдруг ощутил ностальгию, от которой прежде никогда не страдал.

– А ты жил в Эдинбурге? – спросил Джордж.

– В молодости – да. Но это было давно.

Подняв глаза на юношу, Дэвид пристально посмотрел на него, прежде чем добавить:

– Я был, что называется, отпетым парнем! Оглядываясь назад, могу сказать, что я неплохо повеселился в жизни, только, как говорится, сколь веревочке ни виться... Вот она в конце концов и

оборвалась. Но, к счастью, был Ангус, и я благодарен ему за то, что он протянул мне руку помощи, когда я уже был почти на дне ямы. Теперь, конечно, я – старый мудрец, и мне это подходит.

Словно сожалея, что он слишком много наговорил, Дэвид поспешно встал, сказав, что еще должен приготовить в столовой тарт фламбе^[25]. Джордж следил за ним глазами, светившимися любопытством.

– Он был кем-то вроде бандита, что ли? – не удержавшись, спросил он Мойру.

– Я предпочла бы слово «бунтарь», – поправила его она.

Повернувшись к мальчику, она слегка обняла его, затем отодвинула котелок на угол чугунной плиты и села с ним рядом.

– Он не любит вспоминать прошлое, бесполезно его расспрашивать. Мать умерла при его рождении. У отца была небольшая туристическая компания, которая обанкротилась в начале восьмидесятых. Бедняга не выдержал этого и покончил с собой. Так что в девятнадцать лет Дэвид оказался один и без гроша в кармане. Он не мог учиться и начал потихоньку спиваться... Связался с дурной компанией, несколько раз его задерживала полиция. Но так как он все-таки носил имя Джиллесли – его отец и наш были двоюродными братьями, – Ангус чувствовал себя обязанным ему помочь. Ну ты знаешь Ангуса, он довольно властный, поэтому он потребовал, чтобы Дэвид не прикасался к спиртному в течение трех лет. Тысячу дней Дэвид не пил ничего, кроме чая и воды, в противном случае он оказался бы снова на улице. После окончания испытательного срока Ангус снял с него наказание и позволил Дэвиду жить так, как он хочет, при условии, что он больше не сорвется. Что он и делает до сих пор.

– А женщины у него были?

– Не знаю.

Поджав губы, Мойра все же добавила пренебрежительным тоном:

– В годы вдовства Ангус иногда отлучался, чтобы провести вечерок-другой в Глазго... Ну ты меня понимаешь... И брал иногда с собой Дэвида. Теперь, конечно, Дэвид ходит туда без него, но не так, чтобы часто, надо сказать. Мне кажется, это не слишком его заботит.

Она встала и снова занялась супом, распространявшим по кухне густой аромат.

– Скоро будет готов, – объявила она, – и ты сможешь отнести тарелочку матери. А пока скажи-ка мне, почему это ты так интересуешься Дэвидом? До сих пор никто из вас троих даже и не взглянул в его сторону!

– Не преувеличивай. И потом, мне бы не хотелось, чтобы меня всегда считали в одной корзине с Джоном и Филипом.

Бросив взгляд через плечо, она ему хитро улыбнулась.

– Ладно. Приму во внимание.

И вдруг с некоторым изумлением Джордж понял, что он начал испытывать привязанность к этой женщине и желал взамен и ее расположения. Разве мог он себе представить такое еще несколько лет назад, когда только приехал в Джиллеспи? Неужели он сумел вписаться в эту семью, которую поначалу отвергал как нечто абсолютно невозможное? Если это действительно так, Джон этого ему никогда не простит.

Ангус не поскупился, пригласив Скотта в «Рогано», старейший ресторан Глазго, который бережно хранил свою особую атмосферу тридцатых годов прошлого столетия. Подальше от барной стойки, где подавали устрицы, он выбрал столик в глубине зала и заказал официанту лоток с морепродуктами на двоих.

– Надеюсь, я не заставил тебя ждать? – спросил подошедший к нему сын.

– Нет, не очень. Садись. Хочешь шампанского?

– Если ты сначала расскажешь, что мы празднуем.

– Ничего.

– Правда? Тогда ладно. А то я испугался бы, что новость мне не понравится.

– Не начинай. Я здесь, чтобы помириться, мне уже надоело быть с тобой в ссоре, и я хочу, чтобы ты тоже прекратил на меня дуться. И надо же, все из-за какой-то несчастной пощечины!

– «Несчастливая» – это правильное слово. Но я не дуюсь, я просто очень занят делами.

– Кстати, как-то я зашел на винокурню, в мой старый офис, и обнаружил, что ты там ничего не изменил.

– Я бы тебя предупредил, если бы сделал это.

Тон Скотта оставался холодным, и Ангус почувствовал, что сын очень напряжен.

– А знаешь что, Скотт...

Подняв фужер, который только что поставили перед ним, он впился взглядом в сына.

– Давай забудем об этом.

– Все уже забыто.

– Нет, не забыто! Я вижу это по твоему лицу. По твоей упрямой башке, оловянной твоей, бараньей башке! У нас одинаковый характер, я тебя знаю. Ты ведь не извиняешься передо мной за все те ужасы, что мне наговорил, вот и я не собираюсь извиняться за пощечину. Мы не должны были делать с тобой ни то, ни другое. Хоть с этим ты согласен?

Скотт впервые сдержанно улыбнулся, слегка принужденно, затем тоже поднял фужер.

– Так за что же или за кого мы пьем с тобой, папа? За ребенка, которого ты ждешь?

Ангус почувствовал, что бледнеет. Он еще не объявил этого сыну, но, очевидно, кто-то уже сделал это за него. Кто же? Мойра? Во время поездки из Джиллеспы в Глазго он даже подготовил краткую речь, которой, пожалуй, даже гордился, но которая отныне была без надобности.

– Мне хотелось сообщить тебе об этом самому, – только и сказал он.

– Так поздно?

– Мне приходится обходиться с тобой, как с гранатой со взведенной чекой, когда речь идет об Амели.

– Ей, наверное, тоже, когда дело касается меня.

– Примерно так. И ты согласишься со мной, что это для всех не слишком удобно.

– Без сомнения. Итак, скоро ты у нас снова станешь отцом. Скажи, ты счастлив?

Тон Скотта оставался холодным, почти насмешливым.

– Я не ожидал и, кажется, даже вовсе не желал бы этого. Но теперь... Да, радуюсь. Для мужчины моего возраста – это невероятно.

– А желанно ли?

– Будет еще одним Джиллеспи больше. Ты ведь знаешь, как я забочусь о своем потомстве, нашем имени, а до сих пор все замыкалось только на тебе.

– А ты не предполагаешь, что может родиться девочка?

– Если она окажется такой же симпатичной, как Кейт, то встретит самый радушный прием.

Их разговор был прерван официантом, принесшим поднос с морепродуктами. Окинув их взглядом, Ангус убедился, что среди них был омар – любимое ракообразное Скотта.

– Скажи, сынок, ты расстроен?

– Пожалуй.

– Ты полагаешь, что тебя чего-то... лишат, нанесут тебе ущерб?

– Нет, мне все равно. Мне хотелось бы иметь братьев и сестер, и было бы нормально, если между нами все было разделено поровну.

Неужели ты действительно думаешь, что я настолько заинтересован в этом материально? У тебя обо мне плохое мнение...

– Нет. Но что тогда тебя беспокоит?

– Видеть, что тобой хотят воспользоваться, а ты вроде бы сам одобряешь эту роль своей жены. Тебе за шестьдесят, и мне почему-то кажется, что ты угодил в ловушку.

– Какую ловушку?

– Слушай, папа, да будет тебе известно, с четырьмя детьми Амели вряд ли была не удовлетворена в своем желании материнства. Почему она вдруг решила так поздно забеременеть, хотя это и сопряжено с риском в ее возрасте? Это ты попросил ее об этом? Ради себя самого, из-за любви к ней?

– На что ты намекаешь?

– Не думаешь ли ты, что она считает свое нынешнее положение слишком шатким? Впрочем, я не знаю, в ее голову не влезешь.

– А почему бы ей и не полюбить меня, Скотт?

Досадливо поморщившись, Ангус резко сломал клешню омара, так что осколки брызнули через стол.

– Вот, благодаря тебе я ем, как свинья! – отпустил он с горечью. – Мы должны были бы помириться, а ты намекаешь, что моя жена забеременела по расчету. Вот теперь, кажется, я обиделся.

Затем он проглотил устрицу и чуть не изорвал в клочья креветку, вместо того, чтобы хорошенько ее почистить. Реакция сына не удивила его, нет, он знал, что этот ужин будет настоящей дипломатической операцией, однако вместо того, чтобы воспользоваться заготовленными заранее примирительными фразами, похоже, он увяз в новом конфликте.

– В общем, ты считаешь меня смешным, – произнес он.

– По правде говоря, мне за тебя обидно.

– Обойдусь без твоего сострадания! Нечего меня жалеть, представь себе. Я женат на еще молодой красивой женщине, которая пожелала подарить мне ребенка! Ну и какое в этом преступление? Если бы речь шла о ком-нибудь другом, уверен, ты продемонстрировал бы большую широту взглядов. Ты бы сказал, что у каждого есть право жить, как он считает нужным, даже если ситуация и не совсем стандартная. Для всего остального мира ты толерантен, по отношению же ко мне выглядишь настоящим ретроградом.

– Ты – мой отец.

– И ты обязан меня уважать.

– Я всячески демонстрирую тебе свое уважение, хотя и не рассказываю всего, что у меня на сердце.

Ангус помолчал какое-то время.

– Черт побери, – наконец произнес он глухим тоном, – вот уж никогда бы не подумал, что это окажется так трудно, жениться во второй раз...

– О нет, ты прекрасно знал! А вот и доказательство: пять лет назад у тебя не хватило смелости сообщить мне об этом, и ты ждал, пока я вернусь из путешествия, чтобы поставить меня перед фактом, что отныне в нашем доме живут моя мачеха и четверо незнакомых подростков. До сегодняшнего дня, кстати, ты даже не сказал мне о беременности своей жены, так что мне довелось узнать об этом от других людей.

– Кто тебе сказал?

– Не важно! Почему ты перестал быть откровенным со мной после того, как эта женщина вошла в нашу жизнь? Это она сделала тебя трусом?

– Не заходи слишком далеко, Скотт.

Они обменялись долгими взглядами, затем молча снова принялись за еду. Ангус предпочел бы сменить тему, но это оказалось ему не под силу.

– Ты не должен судить так строго Амели. Ты совсем не знаешь ее, почти никогда даже не обращаешься к ней! Почему бы тебе не найти немного времени и хоть чуть-чуть заинтересоваться ею? Она кажется тебе намного хуже, чем есть на самом деле.

– Мы снова поговорим об этом, когда она попросит тебя написать завещание. А это произойдет очень скоро.

Ангус устремил глаза к небу и коротко усмехнулся.

– Если же этого не произойдет, – добавил Скотт, – я принесу тебе свои нижайшие извинения, а ей преподнесу букет цветов.

– В любом случае ты должен будешь преподнести ей цветы в момент рождения ребенка. Или ты собираешься дуться и на младенца?

– Ни за что. Неужели ты считаешь меня таким чудовищем? Я куплю ему плюшевого мишку, обещаю.

– Значит, к тому времени мы можем надеяться увидеть тебя в Джиллеспии? Мойра страшно по тебе соскучилась, я уж не говорю о Кейт, которая спрашивает о тебе каждый день.

– А ты, ты по мне не скучаешь?

В глазах Скотта засиял веселый огонек, похоже, он немного расслабился. Может, это вышло от того, что ему удалось произнести то, что он хотел, выразить, что он чувствовал, да еще так ловко и безболезненно? Скотту очень хотелось предостеречь отца, и ему, кажется, удалось это сделать. Сразу получивший облегчение, он перевел разговор на винокурню в Инверкипе. Несмотря на сделанные инвестиции, винокурня приносила хорошую прибыль и все больше приобретала известность.

– В данный момент мы получаем большую часть наших доходов от винокурни в Гриноке, но через несколько лет кривая изменится, я уверен. Насчет прядильной фабрики даже не знаю, что тебе сказать. У меня, если честно, просто нет времени ею заниматься. Но она нам не в убыток, пока бухгалтерия на прежнем уровне. Коллекции на основе эскизов Мэри прекрасно расходятся, я в них нисколько не сомневаюсь. Возможно, стоило бы расширить ее деятельность, найти новые рынки сбыта. Ведь сейчас большая часть шерстяных изделий, продающихся в Эдинбурге и Глазго, *сделаны в Китае*, а ведь есть немало любителей *подлинных* вещей. Все они готовы платить намного больше, лишь бы это было сделано на местной фабрике по традиционным технологиям, иными словами, на родной земле. Но я не могу заниматься всем одновременно, поэтому я и хотел тебе предложить продать фабрику именно теперь, когда дела ее заметно поправились.

– И что мы будем делать с нашими овцами?

– Мы тоже могли бы их продать.

– А наши пастухи? И все эти пастбища, которые теперь станут бесполезными?

– Сдали бы в аренду.

– Раньше ты мне ничего такого не предлагал. Хотел бы я знать почему?

– Ну есть Джордж. Если он успешно окончит торговое училище...

– О, какой прогресс! Ты собираешься позаботиться о его будущем в наших делах?

– Без проблем. Он становится интересным парнем. Я хотел бы подумать также и о Кейт, но она решила, что станет учительницей.

– И она, вероятно, скоро выйдет замуж. Нил Мюррей сделает ей предложение в самое ближайшее время, это очевидно.

– Она еще очень молода.

– Ты всегда так говоришь, но ведь она растет.

– Это не повод толкать ее в объятия этого мальчишки.

– Никто и не толкает. Кроме того, они образуют вместе миленькую парочку, не так ли?

Скотт ничего не ответил, но его лицо снова стало жестким. Ангус хорошо знал, что на самом деле Амели торопилась выдать дочь замуж, чтобы поскорее избавиться от нее, но лучше уж Скотту об этом было не знать. Да, они могли бы поговорить с сыном о многом, но что за опасные это были темы! Амели, ребенок, которого она ждала, Джон, Кейт...

– Как там Мэри? – спросил Ангус игривым тоном.

– Она собирается провести несколько месяцев в Лиссабоне, где ей удалось заключить удачный контракт.

– Это не соседняя дверь! Ты не должен ее отпускать так далеко и надолго. За эти «несколько месяцев» у нее будет время познакомиться с новыми людьми, порадовать себя пляжным солнышком, возможно, получить и другие предложения по ее профессии.

– Если такова судьба, я не стану возражать.

– Скотт! Я нахожу, что ты с ней чересчур холоден.

– Предположим, я сам решил отдалиться от нее. На мой взгляд, она не совсем «женщина моей жизни».

– Жаль. Вы тоже так подходили друг другу. Она красивая, умная, воспитанная и без ума от тебя, я это сразу понял.

– Извини, но тебе придется смириться: ты не станешь дедушкой в ближайшее время. Остается довольствоваться тем, что ты будешь молодым папой!

На этот раз Скотт улыбнулся от всей души, никакого цинизма в его словах не было. Ангус признал, что счет оказался равным, и в итоге остался доволен проведенным вечером. Рядышком, как в былые времена, они прошли вверх по Бьюкенен-стрит к ближайшей стоянке, где оставили автомобили. Роскошные магазины были ярко освещены, несколько групп молодых людей прогуливались по широкой

пешеходной дорожке, а уличный игрок на волынке развлекал многочисленных туристов.

– Глазго сильно изменился за последние годы, – сказал Ангус. – Мне даже трудно узнать место, где я учился больше сорока лет назад! Тебе здесь нравится?

– Очень. В городе возводится множество прекрасных зданий, и я считаю, что имело бы смысл вложить деньги в строительство, пока недвижимость не сильно подскочила в цене.

– Ты хотел бы обосноваться здесь окончательно? – встревожился Ангус. – Но есть же Джиллеспи и...

Он оборвал фразу, чувствуя, что вступает на опасный путь. К счастью, возле лифта им пришлось расстаться, так как машины их были припаркованы на разных этажах.

– Как насчет того, чтобы тебе не возвращаться так поздно? Я знаю, что ты не любишь ездить в темноте, и я...

– Ничего, я не избалованный и ко всему привык.

– В любом случае спасибо за ужин. И прежде всего за то, что ты подумал о том, чтобы заказать для меня омара!

– Кто, как не я, все о тебе знает! – отозвался Ангус с шутливым поклоном. – Ладно, когда ты наконец приедешь домой?

– Завтра вечером, решено. Меня пригласила Мойра. Она тебе ничего не сказала? Ну для того, кто знает все, это и необязательно. Кстати, по этой причине ты вполне мог избежать приглашения в этот разорительный ресторан!

Скотт разразился смехом, похлопал отца по плечу и, наконец, начал подниматься по лестнице.

* * *

Кейт замерла, увидев обтянутую бархатом коробочку, которую протягивал ей Нил.

– Это для тебя. Ну же, возьми!

Не сделав ни единого движения и с трудом сглотнув слюну, она лишь покачала головой.

– Пожалуйста, Кейт! Много часов я выбирал, все боялся ошибиться, но вот, надеюсь, это придется тебе по вкусу.

Слишком хорошо осознавая, что должно быть в футляре, она без особой охоты взяла его. Разве могла она и дальше сомневаться в намерениях Нила? Он, правда, никогда не приставал к ней, но они много времени проводили вместе и чуть-чуть флиртовали, гуляли целыми днями, долгими вечерами спорили на литературные темы, хотя никогда не заговаривали о любви. Тем не менее на сей раз речь шла именно об этом. К сожалению, она открыла коробочку и, ничуть не удивившись, обнаружила там обручальное кольцо. Бриллиант был великолепен и должен был стоять целое состояние.

– Но это же безумие... – пролепетала она.

Неужели родители Нила дали ему нужную сумму? Она почувствовала, как щеки ее запылали. Как бы ей достойно отказаться, если все вокруг только этого и желали? Мать ее придет в восторг, будет восхищена, и тогда тиски окончательно сомкнутся на руках Кейт.

– Два года назад я получил небольшое наследство после смерти моего крестного, – объяснил он с чувством. – И это кольцо – самое лучшее применение, которое я сумел для него найти.

Перед тем как она уже собиралась дать ему соответствующий ответ, он опустил перед ней на одно колено.

– Кейт, – торжественно произнес он, – я спрашиваю тебя от всей души, согласна ли ты стать моей невестой?

Дипломатичный, он не произнес слова «жена», тем не менее смысл предложения был именно такой. Немного смущенный ее молчанием, он поспешил добавить:

– Мы можем оставаться помолвленными все время, сколько ты захочешь. Мы еще молоды, но я знаю, что ты – женщина моей жизни. Поэтому мне захотелось вручить тебе доказательство моей любви, которое в то же время является и обязательством.

– Нил, – едва выговорила она, – я была так далека от того, чтобы представить...

– Конечно, прежде я пойду и спрошу позволения у твоих мамы и отчима. Перед Ангусом мне придется предстать в официальном костюме. Ты ведь никогда не видела меня в килте, обутым в гилли^[26], с кинжалом за подвязкой правого гольфа и в моем балморале^[27]?

Он шутил, чтобы вызвать у нее улыбку, но этого ему так и не удалось добиться.

— Честно говоря, Нил, я не чувствую себя достаточно... уверенной в себе. Никаких обещаний я дать не могу. Нет, пожалуй, об этом слишком рано говорить. Может быть, ты неверно истолковал мое поведение, в таком случае мне очень жаль, я...

Теперь она уже не так часто плакала, как раньше, и все же на ее глаза навернулись слезы. Нил был таким милым, приятным другом! Что могло быть лучше этого признания и великолепного подарка, в который он, без сомнения, вложил все свои сбережения и который преподнес ей с обезоруживающей искренностью? Он любил ее, она видела, знала это. Кейт не сделала ничего, чтобы ободрить его, но и ничего такого, чтобы лишить надежды. Что и говорить, продемонстрировав недоумение, Кейт поступила эгоистично, воспользовавшись его прекрасным отношением к ней, полным непосредственности, юмора и нежности. Он-то мечтал только о ней, а она всегда мечтала лишь о Скотте.

— Я совсем не хотел расстраивать тебя, — стал оправдываться он, поднимаясь с колен. — Помолвка — это ведь не что-то окончательное, как свадьба. Она охватывает достаточный диапазон времени, чтобы обо всем подумать, свыкнуться с этой мыслью. Не хочешь попробовать?

Нет, все испытания мира, с Нилом или с другим, не смогли бы выбить у нее из головы Скотта. Каждый вечер она засыпала, мечтая о нем и выдумывая невероятные сценарии, соединяющие их. А между тем она прекрасно понимала, что это было химерой, что никогда Скотт не полюбит ее, а всегда будет видеть в ней только милую сестренку. Ничего не могло быть между ними, и она это знала, но все равно под покровом ночи продолжала рассказывать себе все новые и новые главы запретной и восхитительной любовной истории.

Просыпаясь, она смеялась над собой, называла себя сумасшедшей, но тем не менее знала, что, ложась спать, вновь вернется к своим романтическим фантазиям. Может, действительно стоило согласиться на помолвку с Нилом и развеять окончательно эти чары? Но Кейт была слишком честна для того, чтобы отдаться Нилу, воображая себя в объятиях Скотта. Закрывать глаза, представить другое лицо, другое тело? Нет, это было бы предательством, которого Нил не заслуживал. Просто она должна была поскорей расстаться со своими

иллюзиями, прежде чем они станут нездоровыми. Вырасти, наконец, оставить эту невозможную любовь маленькой девочки.

– Я должна тебе кое-что сказать, – начала она твердым голосом.

– Нет, ты вовсе не обязана. Полагаю, у тебя были любовные приключения или даже больше, но все это – в прошлом, ты не должна ни в чем мне признаваться. У меня тоже были подружки, так, ничего серьезного, как и у других молодых людей. Надо же мне было набраться кое-какого опыта, иначе в глазах парней я стал бы изгоем. Если ты хочешь меня об этом расспросить, я тебе расскажу откровенно, но сам не собираюсь подвергать тебя никакому допросу. Ты – женщина, которую я люблю, это единственное, что для меня имеет значение.

И снова у Кейт в горле появился ком, но она тут же смахнула выступившие слезы. Доброжелательность Нила потрясла ее, и она почувствовала себя виноватой.

– Никого у меня не было, – призналась она. – Зато в детстве я испытала огромную платоническую любовь к тому, о ком я иногда продолжаю думать и сейчас.

– И к кому же?

– К Скотту.

Она не помнила, как, расчувствовавшись, вдруг произнесла это имя, и тут же пожалела об этом.

– *К Скотту?* – повторил он изумленно.

– Если ты ему скажешь, я тебя убью!

– О... Конечно, не скажу. Детское чувство, и я это прекрасно понимаю. Почему бы и нет? Он довольно красивый парень. Я, например, в десять лет был просто одержим моей учительницей! Рыжая, с большими зелеными глазами, мы в классе все были от нее без ума, но я даже писал ей стихи.

То, как он обо всем этом рассказывал, сводя все к детским штучкам, немного разочаровало Кейт, но она постаралась не подать виду. Ей-то давно уже было не десять лет, да и стихов Скотту она никогда не писала. Но зато побывала в его объятиях, особенно в тот день, когда с ней случилась беда в лесу, или на школьном вечере, когда они танцевали, так что она помнила запах его кожи, помнила руки, которые держали ее за талию. И в тот самый момент вдруг Скотт показался ей не столь уж недоступным, как рыжая учительница для

десятилетнего мальчишки. А что если она не отступится от своей мечты? В конце концов, станет же она когда-нибудь совершеннолетней, тогда она сможет раскрыть свои чувства, попытаться ему понравиться, заставить его забыть о Мэри... Но нет, конечно же, ничего такого не будет. Он либо рассмеется в ответ, либо придет в ужас. И в том, и в другом случае, ей захочется лишь одного – провалиться сквозь землю.

– О чем ты думаешь, Кейт? Все еще о Скотте?

Улыбка Нила вдруг показалась ей искусственной. Она разоткровенничалась, и теперь ей нельзя было не добавлять ни единого слова, иначе Нил поймет, что Скотт был не ее детской первой любовью, а самым настоящим его потенциальным соперником. Тогда он стал бы ее ревновать, возможно, был бы несчастен и не считал бы нужным хранить ее тайну. Эта перспектива была настолько ужасна, что ей пришлось солгать, хотя она ненавидела себя, когда ей приходилось это делать.

– С чего ты взял? Я думала о твоём подарке. О том, что за всем этим стоит.

Держа коробочку открытой, она не прикасалась к кольцу. Тогда Нил его вынул и взял Кейт за левую руку.

– Примерь и скажи, подходит ли оно тебе, нравится ли...

– Оно изумительно, Нил.

Кольцо плотно прилегало к ее безымянному пальцу, а бриллиант сверкал нестерпимым блеском.

– Чтобы ты смогла его носить, – напомнил он, – я должен сначала поговорить с твоей семьей.

Не видя больше выхода из создавшейся ситуации, она попыталась хотя бы выиграть время.

– А пока я хотела бы оставить его у тебя.

Сняв кольцо, она положила его в футляр и закрыла его.

– Я только прошу тебя дождаться моего дня рождения.

– Почему? Это же ничего не меняет!

Он улыбался, пребывая на вершине блаженства, что она не отвергла его предложение. Очень нежно, слегка покровительственно, он обнял Кейт, прижав ее к себе.

– Могу я поцеловать мою нареченную? – шепнул он ей на ушко.

Чувствуя, как у нее холодеет все внутри, она позволила ему это сделать.

* * *

Мэри старалась держаться, но ее состояние выдавали бледность и осунувшиеся черты лица.

– Я хочу покурить, – сказала она.

Сопровождаемая Скоттом, который нес ее дорожную сумку, она вышла из здания аэропорта и пошла в одну из курилок. Взяв зажигалку, она сама ощутила, что ее руки дрожат.

– Тебе холодно? – удивился он.

– Нет, я просто немного нервничаю. У меня пересадка в Лондоне, а потом мне придется довольно долго ждать вылета в Лиссабон.

Несколько минут назад она зарегистрировала два больших чемодана, которые свидетельствовали о том, что она уезжала на долгое время. Перед тем как выйти из своей квартиры, куда должен был прийти Скотт, чтобы отвезти ее в Эдинбург, до последнего мгновения она не теряла надежды. Но он нисколько не стремился ее удержать, даже наоборот, показался ей довольным и немного игривым. По его мнению, Мэри сделала правильный выбор, и он ее с этим поздравил. Как мог он быть таким равнодушным к ее отъезду? Их разлука должна была продлиться несколько месяцев, а он вовсе и не намекал, что приедет повидаться с ней в ближайшие выходные. Впрочем, он почти ни о чем серьезном с ней не говорил во время дороги.

– Дашь мне знать, дорогая, как ты там устроилась?

Она лишь кивнула, бросила окурок в пепельницу и тут же зажгла вторую сигарету. Устроилась! Он должен был попросить ее позвонить, как только она приземлится, а потом, когда доберется до места. Неужели ему было абсолютно все равно, удастся ли ей там найти подходящее жилье, а главное, как она переживает разлуку с ним! Неужели он не видел, что она находилась на грани отчаяния? Она снова закурила, и если бы могла делать то, что ей сейчас хотелось, то начала бы обгрызать себе ногти.

– Когда ты рассчитываешь ко мне приехать? – спросила она, не сумев удержаться.

Мэри задала ему именно тот вопрос, который поклялась не задавать ни при каких обстоятельствах.

– Ты же знаешь, какая у меня сумасшедшая работа, – сказал он.

– Это не ответ!

– Мэри...

Он протянул к ней руку и погладил ее по щеке.

– От нашей разлуки я чувствую себя больной, – выдохнула она с трудом.

– Мы это уже обсудили и обо всем договорились.

– Возможно, мне кажется, но ты ведешь себя со мной как посторонний... Похоже, что ты провожаешь не очень близкую знакомую и вежливо дожидается момента вылета.

Он покачал головой, посмотрев куда-то в сторону. Она ненавидела себя за эти запоздалые упреки, которые ни к чему не вели. Какого черта она за него так цеплялась? До знакомства со Скоттом она больше всего ценила свою карьеру, независимость. Она любила чувствовать себя свободной, победительницей, готовой любить, но только не чувствовать, что ею пренебрегают, что ее больше не замечают. Когда она видела других женщин, которые подчинялись во всем воле своих супругов, забывая о собственных желаниях, она понимала, что такая роль ее не устраивает, что она – совсем другая: более свободная, более уверенная в себе, чем они. Однако она ошибалась. На самом деле она охотно разорвала бы этот контракт с Португалией, и, если бы ее не останавливали сейчас остатки гордости, она готова была бы отдать все за нежное слово или ласковый жест Скотта.

– В твоей жизни есть другая женщина?

Переключив наконец внимание на Мэри, он посмотрел на нее с любопытством.

– Если бы это было так, я бы тебе сказал. Я не из тех мужчин, которые ведут двойную игру. Мне казалось, что ты меня лучше знаешь, Мэри.

– Тогда почему у нас все уже не так, как раньше?

Эту жалкую, банальную сцену Мэри устроила только для одного – чтобы Скотт сжал ее в объятиях, произнес единственное слово, которое ей хотелось услышать: «останься».

– Я приеду в Лиссабон, как только у меня будет свободный уик-энд, – ответил он, взглянув на часы. – Пойдем, ты опоздаешь на

самолет, они уже должны были объявить посадку на твой рейс.

Обескураженная, она прошла за ним внутрь аэропорта. Безумное желание отказаться от поездки овладело ею, но вот только что она от этого выиграет? Скотт не поймет, нет, и не станет любить ее больше, а она плюс ко всему лишится такой блестящей возможности сделать карьеру.

«Да плевать мне на все! Я хочу только этого человека, и больше ничего. Только он имеет для меня значение!»

С паспортом в руке она повернулась к Скотту.

– Ну вот, – сдавленным голосом проговорила она. – Я буду очень скучать по тебе. И по Шотландии тоже, конечно.

– У тебя там будет много солнца, новые пейзажи и огромное вдохновение для ваших *azulejos*^[28]!

– Ты меня не забудешь?

Наконец он ее обнял, на мгновение прижал к себе, прошептав:

– Держись, Мэри, все будет хорошо.

Она почувствовала, как губы Скотта коснулись ее губ, потом он тотчас же отстранился. Они обменялись последним взглядом, потом он еще раз обернулся и зашагал по холлу. Кто-то толкнул ее, но она стояла неподвижно со своей дорожной сумкой в ногах. В этот миг Лиссабон показался ей концом света и последним местом на земле, куда она хотела бы попасть. Она умирала от желания кричать, позвать Скотта, броситься за ним в погоню. Сощутив глаза, чтобы в последний раз разглядеть в толпе его фигуру, она увидела его и глубоко вздохнула. Чей-то бесстрастный голос по громкоговорителю передал, что заканчивается посадка на Лондон. Мэри подхватила сумочку и только сейчас очнулась. В душе ее была смерть.

* * *

Сидя в изножье кровати, Ангус блаженно улыбался.

Вот уже несколько дней Амели была с ним очень мила, не жаловалась на неудобства своего положения и спускалась ужинать вместе с семьей. Заботясь о своей внешности, она тщательно подкрашивалась, носила свободные, но элегантные платья и сменила туалетной водой свои духи с пьянящим ароматом. С Ангусом она была

согласна буквально во всем, даже соглашалась заниматься с ним любовью, сообщив, что ее гинеколог не видел в этом особых противопоказаний. Неужели из-за будущего ребенка характер ее настолько переменился? Ребенок от Ангуса окончательно сделал ее законной частью этой родовой шотландской семьи, придал ей новый и неоспоримо более высокий статус в ней. Помимо этого, беременность, сама по себе уже требующая повышенного внимания к Амели из-за ее возраста, сделала ее объектом всеобщей заботы, и она с удовольствием пользовалась этим и гордилась.

– В том, что касается имен, – сказала она, – я почти всю ночь думала об этом. Из уважения к тебе я хотела бы, чтобы это было исконно шотландское имя.

– Ты – прелесть!

– Нет, это естественно. Для мальчика, я думаю, подошли бы имена Брюс или Дуглас, а для девочки – Изобел^[29] или Ребекка. А у тебя какие предложения?

– Ну... для девочки есть еще Ирвин, а для мальчика – Лиам или Дункан. Но твой выбор будет моим, душенька.

– Дуглас Джиллеспы – звучит неплохо.

– А когда мы узнаем пол ребенка?

– На следующем УЗИ. В прошлый раз ребеночек свернулся калачиком, так что мы даже ничего не разглядели!

Она разразилась веселым смехом и сложила руки на животе, в последнее время этот жест стал для нее привычным.

– Надеюсь, ты счастлив, Ангус? Это же необыкновенный шанс, как для тебя, так и для меня, зачать ребенка в таком возрасте.

– Конечно, я очень счастлив, – подтвердил Ангус, не моргнув глазом.

Она не оставляла ему возможности выразить самое мизерное сомнение, он *должен быть в восторге*, так что ему приходилось притворяться, несмотря на все его мысли на этот счет.

– Когда ты сделал мне предложение выйти за тебя замуж, я уверена, что ты и представить не мог, что нам выпадет такое счастье, ведь правда?

– Действительно, я не думал об этом. Я влюбился в тебя и был готов заботиться о твоих детях, что, как мне кажется, я и сумел тебе доказать с тех пор, и...

– Но теперь я подарю тебе собственного ребенка!

Он хотел бы ответить, что у него уже есть Скотт, но, конечно, не сделал этого. Примирение с сыном вот что доставило ему истинное удовлетворение, хотя он и догадывался, насколько оно было хрупким. Но их воссоединение меньше всего касалось Амели.

– И все-таки есть кое-что, что меня во всем этом немного беспокоит, – неуверенно произнесла она.

– В чем дело, мое сердечко?

Удобно откинувшись на подушки, она сначала пристально посмотрела на него, затем резко выпрямилась, наклонилась и взяла его за руку.

– Я хочу, чтобы у этого ребенка было прекрасное будущее, хорошо обеспеченное будущее. До сих пор я из стеснительности не заговаривала с тобой об этом, но на самом деле я очень волнуюсь. Твой сын меня ненавидит, он ненавидит моих детей и никогда не полюбит того, кто скоро родится. Наоборот!

– Посмотрим, Амели...

– Я знаю, что говорю. Если это будет мальчик, Скотт выйдет из себя от ярости.

– Он на такое не способен.

– Да будь ты хоть чуточку понятливее! Ты утверждаешь, что он хорошо воспринял эту новость, но, когда вы были вдвоем, у него просто не было выбора. Если бы ты знал, как он на меня смотрит, когда ты поворачиваешься к нему спиной!

– Ты сама все это придумываешь. Сначала он не одобрил наш брак – это правда.

– И терпеть не мог моих детей!

– Он обожал Кейт с первого дня, а теперь он очень сблизился с Джорджем.

– Но с Джоном у него отвратительные отношения, ты не можешь этого отрицать.

– Джон сам виноват в их плохих отношениях.

Амели подняла глаза к небу, но, как всегда, она не успокоилась на одном Джоне, против которого Ангусу не имело смысла ничего говорить.

– В данном случае я не имею в виду моих детей, а именно нашего ребенка, который у нас родится. Совершенно невинное, беззащитное

существо. Если с тобой что-то случится – ты заболеешь, произойдет несчастный случай на охоте или что-нибудь еще, – каковы будут права нашего ребенка? А мои? Я не знаю, каков правовой статус супруги у вас в Шотландии, но Скотт быстренько поставил бы меня на место! Ты должен защитить нас, Ангус, нашего ребенка и меня. Никогда бы я не попросила тебя сделать этого до своей беременности. Деньги меня не интересуют, я не алчная. Жить рядом с тобой – достаточно для моего счастья, говорю тебе от души. Но я, как львица, отношусь к своим детям и готова на все, чтобы защитить их, если кто-нибудь захочет причинить им зло.

Ангус старался сохранить лицо невозмутимым, но на самом деле он испытал шок от этого разговора. Таким образом, предположения Скотта оказались верными? Еще осталось совсем немного до того, как Амели произнесет роковое слово «завещание», призывая составить его в свою пользу. Должно быть, она ощутила его внезапный дискомфорт, поскольку весело рассмеялась, с хорошо отработанной небрежностью.

– Ты знаешь, что шотландцы пользуются репутацией скупцов? Скупость – это такой же символ для шотландца, как берет или французский багет для француза! Но кому, как не мне, знать, что ты – самый щедрый и добрый из всех людей на свете. Ты так меня балуешь, никогда не упрекаешь за излишние расходы, и вопрос денег никогда не считался между нами запретным. Именно поэтому я без всякой задней мысли и заговорила об этом с тобой. Естественно, ты поступишь так, как сочтешь нужным, так, как это покажется тебе справедливым. И все-таки я уверена, что лучше было бы свои решения доверить бумаге, потому что слова иногда имеют свойство улетать.

– Ты считаешь, что я должен составить завещание в твою пользу? – нейтральным тоном спросил Ангус.

– Тебе решать, дорогой. Но если ты преждевременно... и пока наш ребенок не повзрослеет, кто же будет за ним присматривать?

Она по-прежнему крепко сжимала его руку, словно чтобы придать ему решимости. Она наклонилась к нему, и декольте ее платья распахнулось, и он увидел ее пышные груди. Ангус ощутил безумный прилив желания и вместе с тем ужасное чувство горечи.

– Нам пора спуститься вниз, поужинать, – проговорил он. – Если, конечно, ты достаточно хорошо себя чувствуешь...

Он не желал больше слышать ни слова об этом проклятом завещании, и ему нужно было как можно скорее навести порядок в своих мыслях. Неистовое желание зарыться головой меж грудей Амели или взять их, полновесные, налитые, в руки в конечном итоге могло сделать из него полного идиота. До такой степени идиота, чтобы лишиться его воли, чего, вероятно, она и ждала от него. Не это ли в шутку предсказывал Скотт?

Пока Амели вставала и проходила перед ним со своим округлым, выпяченным вперед животом, она вдруг показалась ему отчего-то жалкой и вызвала у него нежность. Ведь на этот раз она защищала их общего ребенка, а не только своих, как это бывало обычно. Увы, никогда Ангус не сможет убедить ее, что Скотт – слишком честный, слишком порядочный человек, чтобы обидеть кого-либо, а тем более не кого-то, а кровного родственника. И поскольку он так и не сможет убедить в этом жену, ему придется принять решение, которое, каким бы справедливым оно ни было, непременно разожжет в ней гнев. И будет мешать ей спать по ночам куда больше, чем раздумья над именем еще не родившегося ребенка.

* * *

Развалившись в одном из зеленых кожаных кресел, Грэм потягивал виски.

– Я измучен, вымотан до предела, – жаловался он Скотту. – Да и Пэт не лучше меня! Мы и с первым-то ребенком замучились, а тут еще близнецы... Пэт, наверное, придется бросить работу.

– Сидеть дома Пэт? Да она умрет от скуки. Никогда не видел такой деятельной, активной женщины, как она.

– Это будет просто перерыв на год-два. Вынужденный перерыв, ты же понимаешь, и он необходим. Впрочем, ты ее знаешь, она сделает так, как решит сама.

– Раньше я плохо исполнял роль крестного отца, никогда не брал Тома на выходные, думаю, если я исправлю свой промах теперь, вам станет гораздо легче.

– На все выходные? – поразился Грэм. – Ты ставишь очень высокую планку! Ты не представляешь, какие неугомонные дети в

этом возрасте! Но очень скоро ты это узнаешь, не так ли?

Скотт состроил смешную гримасу, которая немного подняла Грэму настроение.

– А у тебя-то кто будет? Сводная сестра или сводный брат?

– Да кто бы ни был...

– Вижу, тебе не слишком улыбается эта идея.

– Все идет своим чередом. Идея тоже. Не могу поверить, что это – дитя любви. Притворная наивность Амели оставляет у меня большие сомнения. Уж слишком она хитрая и осторожная, чтобы случайно забеременеть, как она утверждает. Напротив, я думаю, что она все сделала, чтобы это произошло, и задумано это было уже давно. И никакого разрешения она у отца и не думала спрашивать! Амели просто поставила его перед свершившимся фактом. Поэтому, сколько бы он ни строил из себя счастливчика, таковым себя на самом деле не считает.

– Взяв замуж женщину намного моложе себя, он должен был просчитать все риски.

– Ей только что исполнилось сорок четыре, это уже не юная девушка! Папа должен был чувствовать себя в безопасности, к тому же у каждого были свои дети, стало быть, и речи быть не могло о совместном ребенке.

– Как ты отреагируешь, когда ребенок появится?

– Хорошо. Не сомневаюсь, что с моей стороны все будет прекрасно! Мне не слишком приятно это говорить, но это же восхитительно – младенец... нежный и невинный. И речи не будет о том, чтобы чем-то испортить его приход в этот мир. Знаешь, когда у вас родился Том, я был настолько взволнован!

– А ты? Ты сам-то не хочешь стать отцом?

– Это вопрос, который меня раздражает, Грэм. Я знаю, что ты будешь говорить со мной о Мэри. Ты ведь за этим пришел?

– Помимо прочего. С легкой руки Пэт, которая каждый день говорит с Мэри по телефону. Они сильно сблизились и теперьверяют друг другу все свои заботы. У Мэри эта забота называется «Скотт», и она серьезна...

– Мне кажется, с вашими близнецами Пэт есть чем заняться, кроме как слушать стенания Мэри!

– Не будь несправедлив. Мэри очень в тебя влюблена, но она считает, что ты отдалился от нее, и это приводит ее в отчаяние.

– Я ничего не могу с этим поделать, Грэм. У Мэри очень много положительных качеств, но есть единственный недостаток: она мне все уши прожужжала разговорами о свадьбе.

– Пэт тоже так поступала, в конце концов я согласился и считаю, что очень хорошо сделал.

– Ладно, тогда я сформулирую свою мысль иначе: мои чувства к Мэри не слишком выросли за последние месяцы. Напротив, они здорово остыли. Я считаю ее красивой и умной, хочу ее, когда она здесь, но как только она исчезает за дверью, я тут же о ней забываю. У меня никогда не возникает желание ей позвонить или сделать подарок. Ее отъезд в Лиссабон принес мне большое облегчение. Такова истина.

Произнеся это, Скотт почему-то вдруг загрустил. Связь его с Мэри была прекрасным любовным приключением, но больше его сердце не билось сильнее, когда она была рядом, так что постепенно приятное приключение превратилось в свою противоположность.

– Ты собираешься с ней расстаться? – с огорчением спросил Грэм.

– Да. Она так плохо выглядела эти последние дни, что мне не хватило смелости это сделать, но наше расставание сделало бы наш разрыв менее болезненным. Надеюсь, там она увлечена своей новой работой и встречается со многими интересными людьми. В ближайшее время я собираюсь ей написать, чтобы окончательно вернуть ей свободу, а взамен получить свою.

– Может, лучше стоило бы ей позвонить?

– Она станет плакать, и это будет ужасно.

– Она все равно заплачет.

Грэм отставил свой бокал и прищелкнул языком в знак одобрения.

– Виски действительно хорош, но, пожалуй, я остановлюсь на достигнутом – мне опять садиться за руль. Лучше давай немного поговорим о твоих делах. Поскольку я твой главный советник, скажу, что твое желание приобрести себе недвижимость мне кажется очень разумным. В данный момент в Глазго идеальное время для инвестиций. Сейчас восстанавливаются два старинных здания, которые очень удачно расположены на углу Аргайл-стрит. Рядом с железнодорожным вокзалом, роскошными магазинами это место через

несколько лет станет настоящим центром города. Но что именно ты хочешь приобрести?

— Мне подойдет трехкомнатная квартира. Однако мне придется влезть в долги.

— Как и всем нам, старина!

Грэм давно уже не испытывал ревности к достатку Джиллеспи, как в самом начале, когда он только что подружился со Скоттом. Сам он происходил из очень скромной семьи, которой пришлось пойти на огромные жертвы, чтобы сын мог окончить престижный пансион. Но и он не подкачал, добившись стипендии, которая позволила ему поступить в высшее учебное заведение. Так что теперь, став состоятельным и уважаемым сотрудником в солидной фирме, он забавлялся тем, что управлял чужими капиталами, ничуть не испытывая ни к кому зависти.

— И что, по-твоему, мы сделали с Пэт? Взяли большой кредит! Ты пойдешь тем же путем, потому что я думаю, что Ангус не станет тебе помогать.

— Под присмотром Амели уж точно. Но я считаю, что это нормально, я всего смогу добиться самостоятельно.

— В свое время у твоего отца не было подобных проблем, — заметил Грэм с некоторым раздражением.

— Ангус потерял родителей, когда ему не было еще и тридцати лет, что положило конец его разногласиям с отцом. Он сразу же стал главой клана, следовательно, управление поместьем перешло к нему в полном объеме, и он не обязан был перед кем-либо отчитываться.

— И он был далеко не гениальным менеджером, — безжалостно продолжал Грэм. — Вероятно, он слишком увлекался охотой и гольфом, чтобы инвестировать в ваши винокурни?

— Ты беспощаден.

— Нет. Просто я трезво рассуждаю. Напомню, что из нас двоих экономист — я. Он, например, купил прядильную фабрику для твоей матери, ни на минуту не задумываясь о ее прибыльности.

— Отец хотел сделать ей что-нибудь приятное! — запротестовал Скотт. — Он этим воспользовался для приобретения земли, расширения поместья и...

— А кто же в это время занимался односолодовым виски «Джиллеспи»? Пейзаж с овцами, это, конечно, замечательно, но с

точки зрения доходов его выбор оставлял желать много лучшего.

Скотт хотел было прервать его, но Грэм поднял руку, чтобы заставить его замолчать.

– погоди! Я знаю, что в те времена продавать виски было непросто, сначала многие небольшие винокурни закрылись, потом те, что побольше, объединились, перемешались, утратив свою подлинную идентичность. Ангус и не пытался соперничать с ними, продолжая твердо оставаться на традиционных позициях.

– И он оказался прав!

– Как ни удивительно, да. Однако в глубине души это его не волновало. Уверен, он ждал, когда ты вырастешь и подхватишь у него эту эстафетную палочку, слишком для него тяжелую...

– Возможно.

– Не скромничай, ты же ринулся туда, очертя голову, и за пять лет добился потрясающих результатов.

– Время такое пришло.

– Дело не только в этом. Чтобы поднять дело и чтобы оно процветало, нужен дар. У Ангуса его не было, а у тебя есть.

Грэм встал с кресла как раз в тот момент, когда дверь кабинета открылась. Джон, который даже не постучал, обратился непосредственно к Скотту:

– Это старое гнилье «Воксхолл» не заводится. Отвезешь меня в Джиллеспи?

Когда Джон упоминал особняк, он никогда не говорил «домой», как будто отказывался признавать его своим домом.

– Хорошо. Только я уеду не сразу.

– Ах да, верно, ты проявляешь завидное рвение... Но поскольку мне не платят за сверхурочные часы, я лучше подожду тебя во дворе.

Грэм недоверчиво посмотрел на него.

– Он всегда разговаривает с тобой в таком тоне?

– Примерно.

– И у тебя нет желания поставить его на место?

– Да постоянно.

Они рассмеялись, и Грэм легонько шлепнул по спине Скотта.

– Я ищу тебе жилье, и это отличный повод прийти к нам на ужин. Пэт и Том будут очень рады тебя видеть.

Скотт проводил его с сожалением. В компании Грэма ему не нужно было следить за собой, притворяться, он мог быть самым собой. В то время как в Джиллеспии, так и в присутствии Мэри вот уже много месяцев он часто чувствовал себя не в своей тарелке. Он и сам не мог определить почему, но что-то портило ему настроение, делало сумрачным, хотя он помирился с отцом, принял, в конце концов, появление этого ребенка, а расставание с Мэри словно свалило камень с его души.

Думая обо всем этом, он вернулся за свой стол и отодвинул кучу лежавших перед ним папок. Обе винокурни работали на полную мощность, и, хотя ему приходилось вкалывать день и ночь, он был рад, что руководил ими. Его новшества начинали приносить плоды, и даже самые придирчивые сотрудники, которые поначалу недоверчиво отнеслись к «сынку босса», кажется, полностью приняли и оценили его.

Он вспомнил о Джоне, который наверняка уже проделал немалый путь в курилке, поджидая его. Молодой человек по-прежнему был его тяжким бременем, и тем не менее не из-за него он в последнее время не спал по ночам. Да, теперь он плохо спал. Часто он просыпался с каким-то смутным, неопределенным ощущением, будто ему чего-то не хватало. Но чего? Может быть, он вел слишком однообразный и малоподвижный образ жизни и ему стоило вернуться к занятиям спортом? Он решил поговорить об этом с Грэмом, который тоже начал покрываться жирком, несомненно, из-за прекрасных маленьких десертов Пэт.

На дне кармана завибрировал мобильник, и, взяв его, он увидел на экране имя Мэри. Поскольку разницы во времени с Португалией не было, ее рабочий день тоже уже должен был закончиться. Чем не подходящий момент, чтобы поговорить с ней? Первым желанием Скотта было не отвечать на звонок, но потом он устыдился своей трусости и принял вызов.

По случаю дня рождения Кейт Мойра выбрала парадное меню. В качестве закуски – запеченные на сковороде мидии и морские гребешки, которые сервируются вместе с традиционными картофельными блинчиками в виде треугольников, тонкие ломтики копченого лосося, разложенные на яйцах-пашот, затем шла чудесная запеченная в духовке утка, и, наконец, данди – фруктовый кекс, который у нее получался на редкость удачно. Ну а в качестве закуски для выпивки, поскольку Ангус распорядился подать французское шампанское, она испекла сочные крошечные пирожки с мясной начинкой.

В течение всего дня кухня Джиллеспи кипела, шипела, скворчала, и каждый раз, когда Амели совала туда нос, она испытывала тошноту и немедленно спасалась оттуда. Мойра от этого была в восхищении – наконец-то она могла стряпать, используя свои чудные чугунные печи и котелки, и ей даже пришлось взять в помощницы горничную Амели, которая вызвалась ей помочь с большой охотой.

Скотт приехал к семи часам вечера, но сначала он зашел на кухню к Мойре, чтобы из чистого удовольствия приподнять крышки посуды, где готовились эти изысканные кушанья. Он знал, что, когда Мойра бралась за праздничное меню, результат был не хуже, чем у шеф-повара изысканного ресторана.

– Ты слишком балуешь свою крошку! – сказал он, обнимая ее.

– А заодно и тебя побалую. Не думай, что я собираюсь так готовить каждый вечер, но ради совершеннолетия Кейт...

– Восемнадцать лет – это же безумие какое-то, мы и не заметили, как она выросла!

– Только не я. Отлично помню, как пять лет назад мы были захвачены французским племенем...

Они обменялись сочувственными улыбками, а затем Скотт поставил на стол бутылку виски.

– Мы только что разлили его по бутылкам! Что скажешь?

Мойра надела очки, висевшие у нее на шнурке вокруг шеи, и стала внимательно изучать этикетку.

– Ты ее изменил, да? Она действительно прекрасно выглядит. Более современная и элегантная. Ангус видел?

– Нет еще.

– Думаю, он задохнется от злости. Ведь он ненавидит любые перемены.

– И тем не менее он вполне сознательно изменил жизнь этого дома, не так ли?

На этот раз Мойра позволила себе залиvistый смех, а затем подтолкнула Скотта к двери.

– Ступай к ним. Отец наверняка видел, как въезжал твой автомобиль, и ему интересно, почему это ты решил поздороваться со мной первой.

– Из галантности, а также для того, чтобы у меня разыгрался аппетит! Предупреждаю, сегодня я собираюсь обжираться по-настоящему!

– И прекрасно, а то ты похудел.

Скотт прошел по длинному коридору, ведущему в большой вестибюль, и, прежде чем войти в гостиную, нащупал небольшой пакет в кармане пиджака. Он сильно волновался, выбирая подарок для Кейт. Что бы могло подойти восемнадцатилетней девушке, которая не была ему ни дочерью, ни любовницей, а всего лишь приемной сестрой? В конце концов он зашел во «Фрезер», роскошный магазин на Бьюкенен-стрит^[30], где продавались брендовые изделия, и решился приобрести небольшие стальные часы «Эрмес», очень женственные, с кожаным ремешком золотистого цвета, состоявшим из двух секций, отделанных металлическими пряжками под золото.

Войдя, он нашел всю семью в полном сборе. Три братца ради Кейт сделали на этот раз усилие и были одеты вполне прилично, даже Ангус был в килте, в который он облачался только по большим праздникам. Дэвид красовался в новом ужасном галстуке, а на Амели было платье, соответствующее ее положению, но изящное и воздушное. Нил Мюррей, которого Скотт заметил среди собравшихся домочадцев с явным неудовольствием, был одет в безупречного кроя темно-синий костюм и улыбался с явной нервозностью. Что касается Кейт, то она была восхитительна в своем шелковом ансамбле цвета слоновой кости. Волосы она собрала в пучок, открывавший ее нежный затылок, а едва заметный макияж лишь подчеркивал глубину взгляда.

Вот теперь перед ним стояла настоящая, пусть и совсем молоденькая, но настоящая женщина. Как и раньше, она не носила никаких украшений, которых у нее наверняка просто не было, и Скотт впервые обрадовался своему подарку – элегантным дамским часикам.

– Мы ждали только тебя, чтобы всем чокнуться! – воскликнула она, бросаясь к нему.

Кейт повисла у него на шее со своей обычной непосредственностью, но он был поражен, услышав ее едва слышный шепот:

– Умоляю, спаси меня, я не хочу!

Заинтригованный, Скотт, однако, постарался остаться невозмутимым, чтобы не выдать ее. От чего же она так хотела спастись?

– Раз уж мы все собрались, – сказал Нил, – у меня есть ко всем вам огромная просьба, которую мне не так-то просто сформулировать.

Голос его прозвучал неуверенно, однако он мужественно старался улыбаться. Скотт заметил, что Мойра только что проскользнула в комнату и осталась стоять возле двери, как будто уже знала, что должно произойти. Затем Нил подошел поближе к Ангусу и Амели, чтобы обратиться именно к ним.

– Если вы изволите мне дать ваше благословение, я бы хотел помолвиться с Кейт. Мое самое заветное желание – связать с ней свою судьбу. В доказательство своего расположения я хочу преподнести ей этот подарок, который будет ее сопровождать все время от нашей помолвки до нашей свадьбы.

Скотт увидел восторженный взгляд Амели, короткий одобрительный кивок Ангуса и то, как внезапно напряглась Кейт, как она застыла на месте. Произнеся это, Нил вынул из кармана маленький футляр и, открыв его, преподнес Кейт.

– Ну, знаешь ли... мой мальчик, – проговорил Ангус.

– Секундочку! – прервал его Скотт, встав во весь рост.

Ошеломленный, Нил посмотрел на него, в то время как над гостиной нависла тяжелая тишина. Скотт бросил быстрый взгляд на Кейт, чтобы убедиться, что он правильно ее понял, затем взял коробочку, закрыл и вернул Нилу, который машинально взял ее в руку.

– Подожди немного, ты торопишь события. По-моему, это преждевременная просьба. Сегодня мы празднуем восемнадцатилетие

Кейт, которая только что вышла из подросткового возраста! Вам обоим еще предстоят годы учебы, а особенно тебе, Нил, ведь учиться на врача тебе придется долго. Вы оба пока еще слишком молоды, чтобы брать на себя такие серьезные обязательства. Вы что, собираетесь быть помолвленными целую вечность, это же смешно, в конце концов!

– Но... нет! – запротестовал Нил. – Я готов жениться на Кейт, как только она почувствует себя готовой. С моей стороны так чем скорее, тем лучше. Можно назначить дату свадьбы, даже если мы еще будем учиться...

– И на что вы собираетесь жить? – резко произнес Скотт. – Муж должен быть способен содержать жену, чтобы она ни в чем не нуждалась. Ни она, ни ваши дети, если они у вас появятся, а разве не это – цель каждого брака? Но, поверь, так быстро тебе не удастся заработать на достойную жизнь.

– Мои родители готовы...

– Ну уж нет! Придется выбирать, достаточно ли вы для этого взрослые или все еще дети? Вы же не собираетесь все время зависеть от семьи мужа, лет, к примеру, шесть или семь? Какой позор! Кстати, Кейт войдет в активную жизнь раньше тебя, а значит, ей и быть главой семьи. Ты только представь это? Действительно куда разумнее будет немного подождать, прежде чем связать ваши жизни воедино.

– Но ведь, – не соглашался Нил, – помолвка – это наилучший способ...

– Связать обязательством Кейт? Держать ее на коротком поводке?

– Скотт! – раздался громкий окрик Амели с дивана, на котором она сидела.

Она встала и вплотную приблизилась к нему.

– Господи, во что ты вмешиваешься? Кто-нибудь спрашивал твое мнение? Это мое дело! Мое и твоего отца!

Красная от гнева, она, казалось, вот-вот затопает на него ногами.

– Все знают, что вы сейчас скажете, – ответил Скотт, не двинувшись с места.

Повернувшись к Ангусу, Амели решила призвать его в свидетели.

– Слышишь? Заткни глотку своему сыну!

С непроницаемым лицом Ангус сурово взглянул на Скотта, затем его взгляд остановился на Кейт, которой он посмотрел прямо в глаза. Казалось, он колебался, прежде чем выказать какую-нибудь реакцию.

– Оставить себе больше времени на размышление – не такая уж плохая мысль. Действительно, Нил и Кейт еще очень молоды. – Но, видя искаженное от злобы лицо жены, он поспешил добавить: – Конечно, решать должна Кейт, речь идет о ней. Благодарю вас за предложение, Нил, я очень высоко ценю этот знак уважения.

Юноша казался таким обескураженным, что Ангус похлопал его по плечу, чтобы немного утешить.

– А ты, – обратилась Амели к дочери, – ты ничего не хочешь нам сказать?

В голосе матери прозвучала такая угроза, что Кейт задрожала, но тем не менее решила взять слово:

– Скотт прекрасно понял, что я испытываю. Для меня все это еще слишком рано. Прости, Нил, но я не могу принять твое предложение. Во всяком случае, не теперь. Сожалею, если я разочаровала тебя.

Нил механическим жестом убрал футляр в карман пиджака. Бледный как смерть, он почтительно кивнул Ангусу, прежде чем повернуться и молча покинуть гостиную. Звук его шагов эхом отозвался в конце вестибюля, затем послышался сухой стук входной двери.

– Ты отвратителен, Скотт, ты все испортил! – взорвалась Амели.

Она смотрела на него со столь откровенной ненавистью, что даже Ангусу стало не по себе. Он сдвинул брови.

– Раз Кейт не захотела, – напомнил он, – этот эпилог ни к чему.

– Она упускает уникальный шанс, дурища! А ты оправдываешь сына, словно не видишь, что он только и мечтает посеять раздор, где только возможно. Нил теперь страшно зол, унижен, нам теперь его не заполучить, да и ноги его здесь больше не будет. Ну а насчет его родителей, мне даже страшно представить, что они могут о нас подумать.

– Да какая нам разница, мама! – вмешался Джордж.

– Тебе, может, и никакой, а вот мне далеко не все равно! – рычала она как иступленная.

Не хватало только, чтобы вместе с мужем и один из ее сыновей пошел против нее! Тогда она ополчилась на Кейт и стала срывать злость на ней:

– Локти будешь себе кусать, дура ты этакая! Уж поверь моему опыту, такие женихи, как Нил Мюррей, на дороге не валяются. У этого

парня есть все, все, ты понимаешь? А ты чего кочевряжишься, чего ломаешься, кого ты ждешь, дура, принца на белом коне?

Поскольку Кейт молчала, Ангус приблизился к Амели и нежно обнял ее за плечи.

– Тебе нельзя доводить себя до такого состояния, это повредит и тебе, и нашему ребенку! Сейчас мы забудем об этом происшествии и немедленно начнем праздновать день рождения Кейт.

– У меня сердце не лежит к этой вечеринке, – пробормотала она, высвобождаясь из его объятий.

Гнев Амели не утих, просто силы ее иссякли, и она уже не могла так кричать.

– Я пойду полежу, а вы тут повеселитесь, – с вызовом бросила она.

На этот раз и Амели покинула гостиную, в которой вновь воцарилась зловещая тишина.

– Кейт поступила правильно, – наконец проворчал Филип, – Нил вовсе не такой уж хороший парень.

– Он *очень хороший*, но не для меня, – возразила Кейт.

Она так и стояла с опущенными глазами, в отчаянии, что из-за нее поднялась такая кутерьма.

– Откроем бутылку? – предложил Джордж, вынимая шампанское из ведерка со льдом.

Скотт улыбнулся ему, потому что он оказался единственным из троих братьев, который откровенно встал на защиту сестры. Мойра, по-прежнему остававшаяся у двери, возвестила, что она сейчас пойдет за своими *forfar bridies*^[31].

– Ну и славный вечерок у нас получится! – с иронией произнес Джон, намекая на нелепость ситуации.

– Как, ты разве не спал? – вмешался Скотт.

– В таком шуме и гаме трудно было уснуть.

– Предупреждаю всех, что я больше не хочу никаких историй, – сухо произнес Ангус.

Он подошел к Кейт, поцеловал и пожелал ей счастливого дня рождения.

– Твой подарок остался в кармане маминого платья. Она, я уверен, захочет преподнести его тебе сама. Ты не поднимешься к ней на минутку?

– Конечно, – пробормотала девушка.

Все еще немного не в себе, она повернулась к Скотту.

– Спасибо, что вмешался. У меня не хватило бы мужества. Я сожалею, что оказалась трусихой, но я так сильно боялась огорчить Нила, а также маму и Ангуса...

– И ты бы обручилась только для того, чтобы не причинять боли другим? Живи своей жизнью, девочка. Живи без комплексов и без сожалений – у тебя вся жизнь впереди. Ну а в том, что касается меня, то я буду только рад, если ты как можно позже покинешь этот дом!

Он мило улыбнулся ей, но увидел, что она покраснела и смутилась.

– Держи, моя дорогая, с днем рождения тебя, – прибавил он, протягивая ей футляр с часиками «Эрмес». – Клянусь – это не кольцо!

Его шутка, казалось, только усилила смущение Кейт, которая с трудом справилась с футляром.

– О, Скотт, они великолепны...

И тут же к ней словно вернулась ее былая непосредственность: девушка бросилась ему на шею со слезами на глазах.

– Помоги мне, пожалуйста, их надеть! У меня никогда не было ничего более красивого, чем они, ничего!

Она буквально лучилась радостью, и Скотт почувствовал себя в полной мере удовлетворенным. Он всегда любил делать красивые подарки, но этот доставлял и ему особое удовольствие.

– Ну мой подарок не такой шикарный, – усмехнулся Джордж.

Проработав несколько выходных в пабе, он скопил немного карманных денег и заказал по интернету из Франции первый том произведений Виктора Гюго из серии «Библиотека Плеяды».

– Когда ты станешь учительницей, это тебе пригодится!

Немного удивленная такой изысканностью, Кейт сердечно поблагодарила Джорджа и принялась листать книгу, пока к ней не приблизились Джон и Филип.

– Это подарок от нас двоих, – предупредил Джон, чей насмешливый взгляд предвещал неприятную неожиданность. – Давай открывай!

Насторожившись, Кейт развернула оберточную бумагу и замерла от недоумения.

– Что это такое? – прошептала она, доставая бюстгальтер и красные трусики, отделанные кружевом.

– Если не тот размер, то ты еще можешь измениться, но я это выбирал вместе с моей подружкой, так что все должно подойти. В них ты будешь суперсексуальной, жаль, что Нил уже не сможет этим воспользоваться! Надеюсь, ты примеришь их, чтобы нам всем показаться!

Он разразился смехом, и ему тут же последовал Филип. Нижнее белье было верхом безвкусицы, и, естественно, Кейт никогда не стала бы его носить. Развеселившись окончательно, оба братца принялись раскачивать Кейт из стороны в сторону, как они с ней поступали в детстве. Возмущенная и обиженная их поведением, она тут же вырвалась.

– Неужели вы рассчитывали, что я надену весь этот ужас? Должно быть, твоя подружка обожает вульгарные вещи!

Джон рассмеялся еще громче, но Филип покаянно отвел взгляд.

– Это же просто шутка, Кейт.

– Вы потратили на это деньги, два идиота!

– Да все в порядке! – запротестовал Джон. – Не строй из себя ханжу, детка! Неужели ты надевала пояс с резинками своей бабушки, когда проводила вечера с Нилом?

Между братом и сестрой назревала ссора, несмотря на предупреждение Ангуса. Скотт пересек гостиную, взял из рук Кейт нижнее белье и так быстро, что тот даже ничего не успел сообразить, засунул его в карман Джону.

– Делай с этим, что хочешь, но пусть оно немедленно исчезнет.

– Мститель не дремлет, да! Какого черта ты считаешь себя обязанным вступать в дела Кейт? Она не твоя сестра, сколько раз тебе повторять, может, правда, ты сам на нее запал... – Вне себя от гнева, Скотт на этот раз не смог справиться со своим отвращением, и его мощный кулак во мгновение ока достиг нижней челюсти Джона. Потеряв равновесие, тот покачнулся, прежде чем удариться о кресло, которое он перевернул в своем падении.

– Ты – псих! – жалобно проблеял он.

Удар оказался настолько сильным, что оглушил Джона, он продолжал сидеть на полу, обхватив голову руками.

– Скотт! – взревел Ангус.

Пока Филип помогал брату подняться, Джордж решил вмешаться.

– Ладно, Скотт, хватит, – сказал он примирительно.

– Что это с тобой? – прогремел подошедший к ним Ангус.

– Он слишком долго этого ждал.

– Ты уже не в том возрасте, чтобы затевать драки, во всяком случае, у меня в доме!

– Ему тоже непозволительно так себя вести в твоём доме! Он не может унижать сестру, презирать служащих винокурни, лаять на Мойру, как собака, и провоцировать меня ежедневно.

– А ты, ты безупречен? – закричал Джон, и глаза его горели ненавистью. – А знает ли твой отец, что ты за его счет развлекаешься со своим приятелем Грэмом? Что вместе с ним ты издеваешься над малоэффективным управлением винокурнями своим отцом?

И, обращаясь к Ангусу, он добавил:

– Я слышал их разговор, Скотт, ты не посмеешь этого отрицать!

Какое-то мгновение Ангус смотрел на него со странным, неопределённым выражением, а потом бросил:

– Да ты и впрямь маленькая мразь...

Ошеломленный, Джон потерял дар речи. Если он надеялся вызвать скандал, то ему это, безусловно, удалось. Дэвид решил спасти положение, подошел к нему и взял его за руку.

– Иди за мной, надо приложить что-нибудь холодное.

Он держал его крепко и в конце концов умудрился его увести с собой. Как только те вышли на улицу, Скотт подошел к отцу вплотную.

– Он сгустил краски, конечно, но не соврал.

Его откровенность вызвала у Ангуса слабую улыбку.

– Мы всегда слишком много болтаем, пусть это послужит тебе уроком. Но ты прав в одном: этот парень нам вредит, во-первых, он всегда хочет сеять раздор, а во-вторых, у него есть манера подслушивать под дверь.

Скотт испытал к отцу прилив огромной благодарности. В другое время Ангус пришел бы в ярость, а уж пять лет подряд он только и делал, что защищал Амели и ее выводок практически вслепую, часто очень несправедливо.

Но сегодня вечером он, наконец, определился и выбрал сына, часть своего клана. Но в то же время скорее всего он был обижен суждением Скотта о том, как он управляет винокурнями.

– Я очень сожалею... – пробормотал Скотт.

– Да, я тоже, из-за Кейт! Кому-нибудь приходилось видеть подобный день рождения?

Они оба обратились к девушке, которая молча на них смотрела и, казалось, пребывала в шоке. Прошло неловкое мгновение, потом Джордж, который стоял к ней ближе всех, взял один из бокалов с журнального столика и поднял его.

– За твое восемнадцатилетие!

Она в свою очередь взяла бокал, выдавила из себя улыбку и вдруг выпила его залпом, отчего у нее на глаза навернулись слезы.

* * *

Амели хотелось есть, но по ее сценарию она обязана была дуться и не должна была спускаться вниз. Лежа на кровати, она уже в который раз мысленно пережевывала разочарование, которое принесла ей Кейт. Неужели та не догадывалась, насколько трудно было найти *хорошего* мужа? Думая о Майкле, бросившем ее на произвол судьбы, и об Ангусе, которого она не любила, Амели прекрасно понимала, что она не из тех, кто избалован мужским вниманием. В возрасте Кейт поймать такую удачу за хвост было настоящим благословением небес. Нил Мюррей имел все возможные достоинства, он был единственным сыном, притом привлекательным и умным, отлично учился и получил хорошее воспитание. Он происходил из почтенной семьи, и его ждало великолепное будущее. Да и Кейт вроде бы нравилось проводить время в его компании! Он всегда развлекал ее, она часто с ним была весела, Нил проявлял самое нежное и пристальное внимание ко всем ее желаниям, к тому же у них были схожие литературные вкусы... Ну а про кольцо даже и говорить нечего. Амели отлично его разглядела, оно было роскошным и, наверное, стоило целое состояние. Она что, Кейт, всего этого не понимала? Сколько еще раз судьба подарит ей такой шанс, кто знает?

Она вздохнула, а потом решила принять ванну. Сопровождавшие ее вкусные запахи, пока женщина переходила через вестибюль и поднималась по лестнице, вызвали у нее зверский аппетит, и от ее тошноты не осталось и следа. Но Амели следила за собой и не хотела

набрать лишний вес, чтобы восстановить прежние линии без промедления сразу после родов. Беременность порядком измотала ее, но каждый день приносил ей новую радость. После рождения ребенка она будет уже не просто *мачеха, вторая жена*, нет, скоро она станет совершенно неприступной ни для кого. И Амели собиралась воспользоваться этим, чтобы высказать Скотту все, что она о нем думает. Этим вечером он проявил нестерпимое высокомерие, возразив против помолвки. Да по какому такому праву? Без его вмешательства Кейт не осмелилась бы уклониться, а будучи однажды официально связана с Нилом, дальше она уж точно дошла бы с ним до свадьбы.

Раздевшись, Амели внимательно осмотрела себя в зеркало с головы до ног. Как же поправились ее живот и ее грудь! Это сводило Ангуса с ума. Но и раньше он всегда желал ее, когда она прогуливалась с ним, идя впереди в легком пеньюаре. Он был так предсказуем! И так непривлекателен...

Амели легла в теплую воду и закрыла глаза. Итак, она снова собиралась стать матерью. И как только она на это решилась? Естественно, больше ради мальчика, чем ради девочки, уж она-то знала это заранее. Уж кого-кого, а мальчиков, кажется, ей хватало. И все равно, имея единственную дочь в лице Кейт, она ни в коем случае не хотела бы ее повторения. Разве она когда-нибудь оказывала ей больше материнского внимания, чем сыновьям? Была ли она вообще ей хорошей матерью? Но как бы то ни было, в восемнадцать лет подошла пора этой птичке вылететь из родительского гнезда. Пусть бы ушла в свою семью, оставив место ей, *молодой матери*! Так уж повелось в жизни, что дочь, повзрослев, неизбежно начинает затмевать свою мать.

Она позволила себе улыбнуться, упрекая себя за столь пошлую мысль. Затем спросила себя, так ли уж необратима ситуация со сватовством Нила? В данный момент он, конечно, был страшно обижен и, должно быть, был очень несчастен, но через какое-то время как знать...

– Мама!

Голос Джона заставил ее вздрогнуть, она быстро встала, разбрызгивая воду по кафелю. В спешке она завернулась в халат, пока сын продолжал ее звать нетерпеливым тоном. Уж не принес ли он ей

поднос с едой сюда? Она открыла дверь и оказалась нос к носу с Джоном, который прижимал пакетик со льдом к подбородку.

– Знаешь, кто мне это сделал? Угадай!

– Но что... Дай посмотреть. Скотт?

– Конечно! Он заехал мне кулаком прямо в морду, да еще и зуб сломал! А твой дорогой муж даже не встал на мою защиту, как положено. И все это из-за неудачной шутки, которая, видите ли, не приглянулась Кейт.

– Так что же случилось?

– Мы с Филипом купили ей комплект нижнего белья в подарок. Такую забавную сексуальную штучку, всю в кружавчиках...

– Ну и что из этого?

– Она не слишком хорошо его приняла, а другой здоровенный придурак вмешался!

Амели отодвинула пакетик со льдом и обнаружила гематому.

– И Ангус ничего не сделал? – недоверчиво спросила она.

– Да он же в полном восторге от своего Скотта, ты это прекрасно знаешь. В твоих интересах позаботиться о себе, мама! Скотт нас всех ненавидит и тебя первую, никогда не доверяй ему впредь своего ребенка. В любом случае я здесь больше не собираюсь оставаться. Смотаюсь отсюда. У меня имеется план Б.

– Можешь рассказать?

– Не переживай за меня.

– Ты мне не ответил.

– Пока я не хочу об этом говорить, но у меня в голове грандиозный план, который, возможно, мне удастся осуществить.

– Поделись со мной, доверься, ладно?

С ней он всегда умел показать себя очаровательным, однако она слишком хорошо его знала, чтобы нисколько не сомневаться в его способностях.

– Вот уже пять лет, как я гнию в этом проклятом особняке и все еще не получил достойной работы на винокурнях. Это не твоя вина, мама, все, что от тебя зависело, ты сделала, но, выйдя замуж за этого жирного борова Ангуса...

– ...я вытащила всех нас из нужды! – напомнила она довольно сухо.

– Да, здесь мы нажрались от души и не простудились от стужи. И? Я оказался без гроша в кармане, то есть совсем без ничего.

– Если бы ты серьезнее относился к учебе в школе, мне легче было бы тебя пристроить.

– Не все обладают талантом к учебе. Я желаю больших успехов Джорджу, поскольку у него, кажется, есть к этому склонность, но я решил пойти по другой дорожке...

– Какой же?

– Я буду держать тебя в курсе.

Таинственный вид сына встревожил Амели. Как знать, что застряло у него в голове? Джон направился к двери, подождал немного и сказал, прежде чем закрыть ее:

– До того, как убраться из Шотландии, я наведаюсь к дантисту Ангуса, и счет за сломанный зуб оплатит он!

Амели отпустила его, даже не заметив ему, что все счета здесь в любом случае оплачивал Ангус.

Она вернулась в ванную и засомневалась, что ей делать дальше. Стоило ли ей одеться и спуститься вниз? Нет, если бы она оказалась лицом к лицу со Скоттом, вспыхнула бы новая ссора, а на сегодня их, пожалуй, хватит. Подбирая брошенное на табурет платье, она услышала, что из него что-то выпало. Это был подарок для Кейт, находившийся в кармане. Прелестная вечная ручка с золотым пером, выбранная Ангусом. Как раз тот предмет, который мог ей пригодиться, если бы она стала учительницей французского, ведь она так к этому стремилась. Будь Амели на ее месте, уж она-то точно вышла бы замуж за Нила Мюррея, даже не раздумывая, и ни о какой работе тогда и речи бы не было! То, к чему она, собственно говоря, и стремилась всю жизнь, да и жила именно так. Разве не была она прекрасным примером для своих сыновей, да, пожалуй, и для Майкла тоже? Вспомнив о первом муже, она вдруг подумала о том, что Джон собирался уехать из Шотландии. Уж не надумал ли он вернуться во Францию? На какие деньги он собрался там жить? Разве отец не дал ему понять, что не станет ни в чем помогать?

В спальне она повесила платье, надела ночную сорочку и решила полежать. Кейт, скорее всего, поднимется к ней и принесет что-нибудь из еды, вот тогда она и вручит ей подарок. Восемнадцатилетие дочери не удалось больше чем, но кто виноват? Объявление о помолвке могло

стать самым прекрасным его моментом, однако дочь все испортила. Дочь и Скотт. *Особенно* Скотт! Достаточно вспомнить еще, что он ударил Джона! Если бы Амели там присутствовала, она бы вцепилась ему в глотку. И подумать только, из-за чего? Из-за нижнего белья! Восемнадцать лет – идеальный возраст, чтобы начать носить такое вот провоцирующее белье, глупо было делать из этого трагедию.

Уткнувшись в подушки, она почувствовала, как ею постепенно овладевает сон. Она устала справляться с конфликтами, устала за себя бороться. И еще устала от ребенка, который продолжал в ней расти. А совсем скоро, когда придет Ангус, ей снова придется делать над собой усилие, жаловаться, миндальничать с ним, чтобы вызвать у него нежность к ней, да еще раз напомнить, что он обещал написать завещание в ее пользу.

В конце концов она так и заснула, со включенным светом и футляром в руке.

* * *

В пять утра Скотт внезапно проснулся от страшного волнения: его продолжал преследовать только что пережитый им во сне кошмар. Футболка была мокрой от пота, в голове проносились чудовищные по своей четкости и неоднозначности образы.

Кейт! Он видел во сне Кейт, но каким же был ненормальным, нездоровым этот сон. Полностью обнаженная, хрупкая, она билась в его руках, затем выскользнула, издав жуткий крик, словно ее преследовала страшная опасность, которой он не смог увидеть. Скотт хотел броситься за ней, чтобы ее догнать, но оказалось, что его тело было прибито к полу, и он не мог пошевелиться. Он слышал только ее пронзительные крики, различал ее неясный силуэт, тень ее тела против света, и еще он безумно ее *желал*...

Выскочив из постели, он бросился в ванную комнату, сорвал футболку и открыл на полную мощность все краны в душе. Вода была холодной, как всегда сначала, но именно это и было ему нужно. Каким же извращенным негодяем он был, раз видел во сне и желал обнаженную Кейт! Он же никогда и не думал раньше об этом, никогда не мечтал о ней, не было такого! У него застучали зубы, но он

продолжал лить на себя прохладную воду, стекавшую по его телу мощными струями. Кейт же была для него как младшая сестра, он всегда защищал ее, испытывал к ней лишь братскую привязанность. Неужели сон был навеян этим мерзким днем рождения? И надо же, ведь она обратилась к нему со всем доверием, попросила ей помочь! Скотт и помог, причем тут же, немедленно, он с огромной радостью помог ей отделаться от Нила... Он был *счастлив*, что разделался с Нилом, был *в бешенстве*, когда Джон осмелился сказать: «Может, ты сам на нее запал?»

Все верно. Так оно и было. Неприязнь к Мэри, его чувство неловкости в ее присутствии и раздражение – именно этим все и объяснялось. По сути, в его голове, так сказать, в «бессознательном», в том, что было ему неподвластно, Кейт существовала для него вовсе не как сестра, и в его чувстве не было ничего братского. Довольно долгое время он действительно смотрел на нее как на хорошенького подростка, и любил играть с ней, взяв на себя роль старшего брата. Но потом она изменилась, превратилась в восхитительную девушку, а за последние месяцы, когда у них начался флирт с Нилом, это окончательно перевело ее из детского мирка в мир взрослых людей. Она превратилась в женщину, вокруг нее только и разговоров было, что об ее предстоящем замужестве. И потому что она на самом деле не была ему сестрой, какой-то запретный затвор не сработал, в конце концов. Однажды он взглянул на нее по-другому, однако был обязан скрывать от всех это новое восприятие.

Кейт... Он никогда больше не сможет посмотреть ей прямо в глаза. Не сможет бесхитростно ей улыбнуться, ни тем более приласкать ее. Отныне он должен будет держаться на расстоянии. Ему необходимо бежать из Джиллеспы. Если вдруг она заметит, что он к ней переменялся, он умрет от стыда и раскаяния. Она не заслуживала того, чтобы испытать подобное разочарование. Только не он, кому она так доверяла. Кейт всегда говорила, что он первый протянул ей руку помощи, когда она приехала в Шотландию, полная печали и растерянности. Он был ее единственным другом и спасителем, она расточала ему похвалы, невинная девчушка, а в это самое время он видел во сне, что готов овладеть ею обнаженной. Бедняжка... Кейт, если бы она только знала...

Скотт бесшумно вышел из спальни, прошел по коридору и на цыпочках спустился на первый этаж. После вчерашнего вечера Мойра успела навести образцовый порядок и сегодня имела полное право встать чуть позже. В безупречно убранной кухне Скотт сам приготовил себе кофе, бутерброды и яичницу. Воскресенье он планировал провести в Джиллеспии, но теперь об этом и речи быть не могло, он решил немедленно уехать в Глазго. Он воспользуется этим днем, чтобы предложить Грэму и Пэт прогуляться вместе с их сынишкой Томом. Сначала они сходят в Ботанический сад, потом побродят по магазинам игрушек, съедят по гамбургеру в каком-нибудь пабе, совсем как это принято у взрослых, а уж потом придет пора мультфильмов, так что программа вырисовывалась обширная. Рядом с маленьким мальчиком Скотт, возможно, перестанет навязчиво думать о Кейт.

– Ой, – воскликнула она с порога кухни, – я вчера, наверное, слишком много выпила! Ты что, упал сюда прямо с кровати?

На ней была розовая пижама, и она гордо засучила один рукав:

– Смотри, я спала вместе со своими новыми часиками, – сообщила Кейт, лукаво улыбаясь. – Нам хватит кофе на двоих?

И хотя она была сейчас последним человеком, которого он хотел бы видеть, ему все же удалось ей улыбнуться в ответ.

– Наливай!

– Ты сегодня останешься с нами? – спросила Кейт полным надежды голосом.

– Нет, не смогу.

– Может, это и к лучшему. Сегодня здесь будет, скорее всего, малоприятная атмосфера. Джон упаковывает вещи.

– Куда это он намылился?

– Никто не знает. По-моему, уйдет он не слишком далеко. Нечего и говорить, что он не сумел по достоинству оценить твой великолепный хук справа^[32]!

– Мне не стоило этого делать.

– Вот уж нет. Я рада, что наконец кто-то ему врезал как следует. От одного раза не умрет!

Она бросила два кусочка сахара в его чашку, прежде чем поднять на него глаза:

– Ты считаешь меня злой?

– Не считаю. Джон порой способен совершать отвратительные вещи, что он и сделал вчерашним вечером.

Устроившись напротив, она снова обезоруживающе улыбнулась.

– Я достаточно тебя поблагодарила, Скотт?

– Это всего лишь часы.

– Нет, не за них, за все остальное. Особенно за то, что касается Нила... Как ты мог так прекрасно меня понять за какие-то две секунды? Я была в шоке!

Он колебался, подыскивая слова.

– Я неплохо знаю тебя, – наконец ответил он.

– И ты считаешь, что я совершила ошибку?

– Мне кажется, надо обязательно прислушиваться к своему сердцу. У тебя будет еще много шансов встретиться с другими парнями.

– Да уж, это точно, – разочарованно произнесла она.

Он тут же представил себе Кейт в университете в окружении молодых людей, полных решимости ее соблазнить.

– Ну что ж, мне пора, – объявил он, вставая.

– Уже? Но ведь сегодня воскресенье, Скотт!

– У меня есть кое-какие незавершенные дела, а потом я обещал провести остаток дня со своим крестником.

– Ах, вот оно что...

Разочарованная, она смотрела на него так жалостливо, что Скотт отступил на шаг.

– А что ты будешь делать? – проговорил он.

– Мы собирались пойти с твоим отцом поиграть в гольф, но должны были собраться на поле для гольфа у Мюрреев, значит, нам придется поменять планы, так как вряд ли мы теперь будем там желанными гостями.

Она сделала неопределенный жест, словно отгоняя эту мысль, потом добавила, состроив забавную гримасу:

– И к тому же меня еще ждет бесконечное мамино нравоучение. Но мне все равно – я испытываю такое облегчение. Только ты мог вытащить меня из этой ситуации. Знаешь, ты – мой самый лучший друг, самый-самый...

– Ну а как же, девочка моя, ведь ты – моя младшая сестренка, – сказал он сдавленным голосом.

Перед уходом, чтобы не приближаться к Кейт, он послал ей воздушный поцелуй. Девушка, огорченная внезапным уходом Скотта, продолжала рассеянно размешивать сахар. Без него воскресный день, о котором она так долго мечтала, терял всю свою сладость. И когда он теперь придет снова? Большую часть ночи она с наслаждением купалась в воспоминаниях о том, с каким мужеством он бросился на ее защиту. Привыкшая к враждебности братьев и равнодушию матери, Кейт была переполнена счастьем от такого теплого, покровительственного отношения Скотта. Только он относился к ней – и только что опять это продемонстрировал – как к своей младшей сестре, нуждающейся в опеке.

Глубоко вздохнув, она с сожалением прислушалась к реву мотора джипа, который тронулся с места и стал быстро удаляться. Скотт возвращался в свою мужскую жизнь, к своим делам, к своим победам. Зная, что он расстался с Мэри, она не сомневалась, что теперь у него в голове обязательно присутствует какая-нибудь другая женщина. И наверняка следующая, которую он непременно привезет с собой в Джиллеспи, окажется той, что нужно. В двадцать семь лет, он, конечно, не мог не думать о создании семейного очага, тем более что его собственную семью окончательно разрушило «французское вторжение».

Кейт опустила глаза и посмотрела на свои часики, которые отныне будут ее талисманом. Приближался учебный год, и ей скоро придется выбирать между Глазго и Эдинбургом, так как ее досье было принято в оба университета. Из-за Нила она сначала думала выбрать Глазго, но теперь ее там больше ничто не удерживало. Почему бы не Эдинбург, где она могла бы жить с Джорджем? Было бы гораздо дешевле поселиться с ним вместе, а не иметь отдельную студию в другом городе, да и Джордж в последнее время становился все более приятным молодым человеком. Она решила поделиться этим соображением с Ангусом, ведь, в конце концов, он был у них главным казначеем. И ничто не помешало бы ей время от времени навещать их всех в Джиллеспи по выходным, ведь Эдинбург был не так уж далеко. Впрочем, она твердо решила сдать экзамен на водительские права, а для этого ей нужно было найти небольшую подработку в свободные от учебы часы. Впереди у нее была новая жизнь, полная чудесных

обещаний, и, может быть, ей все же удастся перестать думать о Скотте?

Эта мысль даже вырвала у нее из груди короткий смешок, настолько это было маловероятно. Ее детская любовь, похороненная в тайнике сердца, не собиралась покидать Кейт и, вероятно, будет сопровождать ее до конца дней. Чтобы немного отвлечься, она решила приготовить бано`к, что-то вроде хлебца из овсяных хлопьев, который Мойра и Дэвид обожали есть по утрам. Она часто видела, как это делала Мойра, и знала, как использовать противень ее любимой чугунной плиты, чтобы приготовить лакомство. Оставалось только зажечь плиту, но прежде нужно было еще отыскать мешочек с углем.

* * *

В понедельник утром Скотт с удивлением узнал, что бухгалтер винокурни, явившаяся в восемь часов, незадолго до прихода самого Скотта, оставила заявление с просьбой отпустить ее в отпуск за свой счет, сказав, что уезжает в путешествие со своим возлюбленным. Пунктом назначения был Париж. И когда секретарше Джэнет захотелось узнать, кто же был этот таинственный романтический любовник, бухгалтер по секрету ей сообщила, что речь шла о Джоне.

– Честно сказать, меня это совсем не удивило, – добавила Джэнет. – Он уже давно крутится возле нее, а та вроде и не слишком расстраивается по этому поводу.

– А я-то ничего и не замечал, – с сожалением признался Скотт.

– Вы ведь всегда так заняты.

– Но ведь он намного моложе?

– Бетти на семь лет старше. Но разница в возрасте на самом деле не имеет значения.

– Как она могла поверить, что будет счастлива с таким парнем, как он?

– Она одинокая и застенчивая молодая женщина.

– Значит, он все правильно рассчитал! Стоит ли говорить, что на нее лягут все расходы во время этой поездки, как в прямом, так и в переносном смысле. Она вернется в полном разочаровании.

– Если вернется. Она была очень взволнована перспективой побывать в Париже. У нее есть сбережения, и она утверждала, что для нее ничего не стоит взять с собой Джона. Ты не поверишь, Скотт, когда она об этом говорила, у нее глаза сверкали от восторга.

– Ну что ж, попутного ветра им в паруса! Но мы не сможем обойтись без бухгалтера, нужно срочно кого-то найти на замену.

– Я сейчас же обращусь в кадровое агентство.

Джэнет покинула кабинет, оставив Скотта озадаченным и растерянным. Была ли в курсе этой поездки Амели или это он обязан поставить ее в известность лично? Она обожала старшего сына, и последствия могли быть непредсказуемыми, она могла прийти в ярость или быть на грани сумасшествия. Если не принимать во внимание факт, что, возможно, она сама помогала ему в этой поездке, но это было сомнительно. И Скотта будет слишком легко сделать ответственным за внезапный отъезд Джона. Он ударил его, унизил в присутствии всей семьи, Амели такого ему не простит. Что же касается Бетти, вот же, бедняжка, влипла...

– По крайней мере, – процедил он сквозь зубы, – я хоть не буду видеть, как он здесь слоняется без дела.

Он позвонил в Джиллеспи, трубку взяла Мойра, которая не была в курсе дела, во всяком случае, знала очень мало. Джон действительно взял чемодан и очень рано ушел из дома. Не затрудняя себя объяснениями, он сел в свой старенький «Воксхолл», наконец-то починенный Дэвидом, и резко рванул с места. Мойра заключила из этого, что он наверняка нашел себе жилье в Глазго у какой-нибудь подружки или приятеля, однако ни Ангус, ни Амели не знали его нового адреса.

Повесив трубку, Скотт представил брошенный «Воксхолл» на какой-нибудь стоянке, вокзале или в аэропорту. От Джона всего можно было ожидать, ему было наплевать на счет, который продолжал «капать» после его отсутствия. Еще одно доказательство его незрелости!

– Мне нужно разобраться со всем этим. А пока я хотел бы иметь уверенность...

Он набрал номер мобильного телефона Бетти. За три года совместной работы у них сложились отличные отношения, и ему будет

серьезно ее не доставать. После шестого звонка она ответила, а то он уже отчаялся, решив, что не дозвонится.

– Скотт! Вы прочли мое заявление? Поверьте, мне так жаль бросать вас, не предупредив заранее, но, представьте, передо мной открывается невиданная, великолепная возможность...

Он никогда еще не слышал у нее такого восторженного голоса, казалось, она полностью и сама преобразилась.

– Я еду в Париж, – с восторгом объяснила она. – Мой самолет вылетает через час.

– Насколько я понимаю, вы летите с Джоном?

– О, я вижу, Джэнет меня выдала!

– Не важно, Бетти. Вы можете делать, что захотите.

– Во всяком случае, все мои записи в полном порядке, и тот, кто меня заменит, не испытает никаких трудностей.

– Уверен, что это так.

– Я также подготовила платежные ведомости за этот месяц, вам нужно будет только поставить свою подпись.

– Великолепно. Можете ли вы оказать мне последнюю услугу?

– С удовольствием, если вы не попытаетесь заставить меня изменить мое мнение насчет отпуска.

– Спросите у Джона талон на парковку и непременно пошлите его нам. Иначе машина окончательно заржавеет или окажется на штрафстоянке.

– Конечно. Я позабочусь об этом, даю слово.

– Какова будет продолжительность вашего путешествия?

– Надеюсь, мы пробудем в Париже как можно дольше.

– Хорошо, тогда берегите себя, Бетти.

– Спасибо, очень мило с вашей стороны дать согласие на этот отпуск.

– Думаю, я ни в чем не смог бы разубедить вас. Мы с вами несколько разного мнения о личности Джона, но в любом случае я желаю вам огромной удачи и множества развлечений.

Он прервал связь, опечаленный мыслью, что больше не увидит Бетти, как он привык это делать каждое утро. Что бы там она ни говорила, а ее «замена» провозится несколько дней, прежде чем войдет в курс дела. Он взглянул в ежедневник, чтобы убедиться, что на утро у него не назначена никакая важная встреча, и решил заскочить в

Джиллеспи. Вряд ли там его ожидало что-то хорошее, но с таким делами всегда стоит заканчивать как можно скорее.

* * *

Амели вот уже в который раз проверила, все ли готово для младенца. Колыбелька, пеленальный столик, подогреватель для бутылочек, плюшевые игрушки. Она ждала следующего УЗИ, которое должно было определить пол ребенка, чтобы купить распашонки и пинетки – голубые или розовые. В ожидании долгих часов, которые ей придется провести в этой комнате, она позаботилась о кресле-качалке для себя и пледе из тартана. В какой-то мере время, проведенное с новорожденным, избавит ее от чрезмерной пылкости Ангуса. Тот, наконец, решил навестить своего адвоката в Глазго, и Амели надеялась, что уже сегодня у нее в руках будет завещание.

В доме было тихо, потому что Дэвид предложил отвезти Кейт и Джорджа в Эдинбург. Молодежь выбрала в интернете два подходящих объявления и решила посетить предлагаемые квартиры. Кейт еще должна была зайти в университет, а Джордж – упаковать свои вещи, чтобы перевезти их, если они выберут квартиру. Ангус, как всегда, проявил к пасынкам щедрость, профинансировав это совместное проживание, которое ему нравилось хотя бы уже тем, что Кейт будет с братом не так одиноко. Амели тоже была довольна, что ей удастся осуществлять свои планы один за другим, и теперь, когда Кейт и Джордж занялись своим высшим образованием, она собиралась вплотную озаботиться судьбой Филипа. И речи быть не могло, чтобы он изнывал на винокурне, попав в ежовые рукавицы Скотта. Ах, бедняжка Джон! Он собрал чемоданы, конечно, чтобы дать выход своему гневу, но Амели нисколько не сомневалась, что он очень скоро вернется. Что смог бы он сделать без гроша в кармане? Сейчас она слишком хорошо устроилась, чтобы не понимать, насколько ты становишься уязвимым, когда у тебя ничего нет за душой. Не стоило ли ей еще разок подкатиться к Ангусу, чтобы все-таки заставить его подумать о судьбе ее старшего сына? *Хорошую* работу с *хорошим* окладом – вот, чего она бы для него хотела! Вот тогда, возможно, и

проявятся его лучшие качества, ведь до сих пор речь обычно заходила только о его недостатках!

Она подошла к окну, чтобы подышать свежим воздухом и полюбоваться пейзажем. Прежняя комната Кейт была просто идеальной детской, как же она была права, что забрала ее у дочери! Впрочем, Кейт понравилась и другая комната, притом что теперь она будет значительно реже бывать в доме, чем раньше. Сколько ей еще предстоит учиться, чтобы стать преподавательницей французского языка? По крайней мере, у нее будет надежная профессия, а поскольку девушка так влюблена во французскую литературу, то, уж конечно, преподавать она ее будет с удовольствием.

Прислонившись к перилам, Амели погрузилась в созерцание парка. Дэвид не давал себе особого труда, чтобы обуздать анархию растительности, давая всему щедро расти и цвести там, где вздумается, однако ансамбль в целом выглядел великолепно. Воистину Джиллесли было прекрасным поместьем, и теперь Амели старалась оставить свидетельство своего пребывания в нем при всяком удобном случае.

Появление машины на подъездной дорожке вынудило ее приставить ладонь козырьком ко лбу, чтобы лучше видеть при нестерпимо ярком солнце. Но это не была машина Ангуса, которую она ждала. У цветущей изгороди припарковался черный джип Скотта.

– Отлично, что он здесь, уж теперь-то я выскажу ему все, что о нем думаю!

Она с шумом захлопнула окно и не успела обернуться, как у нее перехватило дыхание от резкой боли.

В ужасе, обхватив обеими руками живот, Амели рухнула всей своей грузной плотью на кресло-качалку.

* * *

В кухне Мойра приготовила Скотту кофе, необыкновенно обрадованная его неожиданным визитом.

– Твой отец в Глазго, Дэвид повез Кейт и Джорджа в Эдинбург, Филип проводит неделю у приятеля на острове Арран^[33], так что я дома одна с Амели.

– Ради нее я и приехал. Хотел ей сказать, что ее дражайший старший сынок уехал во Францию, прихватив с собой мою бухгалтершу!

– Что? Ты шутишь?

– Увы, нет, и отсутствие Бетти сильно осложнит мне жизнь. Но, зная Джона, можно предположить, что первое известие от него Амели может получить только через месяц. И какая ему разница, что Амели сейчас особенно восприимчива? Так что если она до сих пор ничего не знает, конечно, если он ей об этом не сказал, то, по крайней мере, она будет рада узнать, что сын ее не один и не совсем уж без средств. Я не сомневаюсь, что Бетти будет его содержать, так что он снова получит возможность бить баклуши.

– Ты его терпеть не можешь?

– Слишком уж долго он сидел у меня на шее. Пристроить его в винокурню было не лучшей идеей отца, он только шатался без дела, скучал и абсолютно ничему не научился. Он лентяй, каких мало, врун и предатель... Ты видела его подарок, который он решил сделать Кейт? Что он хотел этим показать – только высмеять ее.

– Пусть так, но ты не должен был его бить.

– Знаю.

– То, что он сказал... Это правда, что ты издевался над своим отцом?

– Не я, а Грэм. Во время нашего разговора я скорее защищал папу. Кроме того, что управление делами отца было непрофессиональным, в остальном Грэм, пожалуй, прав. Может, и посмеялись над чем-то, но совсем беззлобно. А Джон не имел ни малейшего права подслушивать под моей дверью и доносить на меня. Есть у него такая особенность – доводить меня до ручки, ничего не скажешь.

– Только из-за этого всего ты и залепил ему кулаком прямо в физиономию или это все же было из-за Кейт?

Мойра смотрела на него со значением, и вопрос этот вовсе не был безобидным. Скотт почувствовал себя пойманным на месте преступления.

– Я... вовсе не хочу, чтобы...

Он прервался, не в силах соврать под взглядом женщины, которая, можно сказать, заменила ему мать. В тишине, которая затем наступила, вдруг они слышали внизу гул голосов, идущих из вестибюля. Оба

одновременно посмотрели в этом направлении, а в это время раздался новый крик:

– Мойра! На помощь!

На секунду Мойра замешкалась и не сразу среагировала, но Скотт уже ринулся из кухни. Внизу у подножия лестницы он увидел лежавшую Амели.

– Вы упали?! – закричал он.

– Нет, мне удалось спуститься... Но я очень плохо себя почувствовала.

И тут Скотт впервые заметил, что платье, ноги и ступеньки лестницы вымазаны кровью.

– Сейчас я вызову «скорую», – сказал он, опустившись рядом с ней на ступеньку.

Мгновенно набрав номер, он протянул телефон Мойре, которая в эту минуту к ним подошла, и положил руку под затылок Амели.

– Что я могу для вас сделать?

– Мне хотелось бы лечь.

– Хорошо. Но я думаю, вам сейчас лучше поменьше двигаться.

Она на глазах теряла много крови. Никаких сомнений быть не могло, что у нее выкидыш. Скотт помог ей перебраться на ковер и ободряюще улыбнулся Амели.

– «Скорая» будет у нас через двадцать минут, – сообщила Мойра.

– Ты сказала им, что это очень срочно?

– Они постараются приехать как можно быстрее, Скотт.

Она накрыла Амели пледом и положила ей под голову подушечку, за которыми успела сходить, пока звонила. Скотт сам тщательно поправил плед, а потом аккуратно просунул подушку под голову женщины. Амели была очень бледна, у нее очень часто бился пульс, и вдруг она схватила руку Скотта и сжала ее с неожиданной силой.

– О боже... – простонала она.

Подступала схватка, и тело ее скорчилось от чудовищной боли. Чувствуя себя абсолютно беспомощным, Скотт поднял глаза к Мойре.

– Найди какие-нибудь салфетки, полотенца...

Кровь стекала к лодыжкам Амели. Она только что потеряла своего малыша, теперь она уже точно это знала. Скотт испытал горячую волну сочувствия к ней и очень осторожно, почти нежно отодвинул прядь волос, падавшую ей на глаза. Он ничего не мог для нее сделать,

только аккуратно отвел ее руку, которая по-прежнему за него держалась.

– Не стоит ли сообщить Ангусу? – предложила Мойра.

Амели отрицательно затрясла головой, а потом принялась рыдать. Мойра вышла, вернувшись с двумя банными простынями.

– Сейчас «скорая» отвезет вас в больницу, и все будет в порядке, – сказал Скотт. – Я поеду с вами, одну я вас не оставлю.

Свободной рукой он вытер ей слезы со щек, так нежно, как только мог. Мойра тоже встала на колени, чтобы вытереть кровь, но Скотт не посмотрел, что она там делала, он не спускал глаз с лица Амели.

– Ребенок... – всхлипывала она, повторяя одно и то же.

– Врачи сделают все возможное, главное, старайтесь не шевелиться.

Она перевела глаза на Скотта, словно прощупывая его взглядом, но слезы совершенно затуманили ей зрение.

– Мне очень жаль вас, – пробормотал Скотт. – Вы действительно не хотите, чтобы мы позвонили отцу?

Она кивнула, хлопая ресницами, затем тело ее снова выгнулось.

– Боже мой, опять начинается!

Приближалась новая схватка, а «скорая помощь» все не приезжала. Скотт услышал, как Мойра разговаривала с Ангусом, которому она только что дозвонилась. Амели попыталась слегка выпрямиться, но ей это не удалось, настолько она была измучена.

– Держитесь за меня, – прошептал Скотт.

Никакие слова не могли ни облегчить ее боль, ни утешить. Минуты тянулись бесконечно, и вдруг Амели начала сильно дрожать.

– Мне холодно, – только и успела она сказать, прежде чем потеряла сознание.

* * *

Ангус получил вызов, когда сидел за столиком в «Вакси О'Коннорс^[34]», пабе на Джордж-стрит, чей затейливый декор приятно развлекал его. Потягивая пиво, он размышлял, а стоило ли ему назначать встречу нотариусу. Составлять завещание ему было не слишком приятно, это невольно заставляло думать о смерти и о том,

что, возможно, он и не увидит, как будет подрастать его новый ребенок. А потом, в какой-то мере его к этому принуждали, чего он просто терпеть не мог. Но ведь, по сути, Амели была права: она думала о будущем своего ребенка и хотела обеспечить ему защиту. Амели придала обычному слову «защита» какой-то уничижительный до неузнаваемости смысл. Ее антипатия к Скотту не позволяла ей видеть, до какой степени это был честный и добропорядочный человек. Наберись Ангус тогда побольше смелости, он непременно встал бы на защиту своего сына и объяснил бы ей, что все его дети, рожденные в браке, имели бы равные права, вне зависимости от завещания. Почему надо было так заботиться именно об этом ребенке, еще не родившемся? Но оставался еще вопрос о статусе самой Амели в случае, если он уйдет первым. Уж не это ли и было главной причиной ее настойчивости, желания подписать документ в свою пользу? И какие последствия могло бы это иметь для Скотта – то, что Амели сможет совать свой нос во все их семейные дела? И причем гораздо раньше, чем маленький ребенок достигнет возраста, когда будет хоть в чем-нибудь разбираться – в винокурнях или прядильном производстве...

Он был погружен в эти зловещие размышления, но после звонка Мойры его словно окатило холодным душем. Из скорбных слов сестры он понял, что у Амели в Джиллеспи случился выкидыш. Он все равно не успел бы доехать туда раньше «скорой помощи», к тому же неизвестно, в какую больницу отвезут Амели. Мойра пообещала тут же ему перезвонить, когда у нее появится какая-нибудь информация, чтобы он смог как можно скорее направиться к жене.

Ангус одним глотком осушил пиво и тут же заказал еще. Страшно встревоженный, он никак не мог думать об этом младенце как о живом существе, своем ребенке. Может быть, тот был уже мертв? Или нежизнеспособен в лучшем случае? Амели была в курсе того, что ее поздняя беременность таила много рисков, в том числе и большой процент возможности выкидыша. Но самыми непредсказуемо коварными были первые три месяца, и, пройдя их, она уже считала себя в полной безопасности.

Он представил жену в луже крови, рожаящую без медицинской помощи мертвый плод. Ощувив тошноту, он попросил принести ему двойной виски вместо пива. Мойра уточнила, что рядом с Амели был

Скотт, и он старался сделать все, что только мог, чтобы помочь ей. А вот он, Ангус, ничего не смог для нее сделать. Положив телефон рядом со стаканом, Ангус уставился на потухший экран. Двадцать семь лет назад в Джиллеспи Мэри страдала, как проклятая, рожая Скотта. Все время, пока длился этот кошмар, он был рядом и держал ее за руку. Но в конце концов новорожденный вышел из живота матери и закричал, а врач сказал, что это мальчик и с ним все отлично.

Ладонью Ангус вытер крупную слезу, скатившуюся по его щеке. В конце-то концов, не хватало ему только еще расплакаться в пабе! Мэри пережила роды, Амели тоже переживет. А если уж Скотт и останется единственным сыном, то даже лучше. И больше никогда на свете речь не пойдет о том, чтобы повторить это рискованное предприятие. В то время, много лет назад, Мэри заставила его заплатить за свои муки, устроив им навсегда отдельные спальни. Хотя в чем тогда он был виноват? Интересно, как заставит его заплатить Амели? Уж не так же ли? Нет, две его жены были абсолютно разными, какими только могут быть разными две женщины. Мэри держалась с ним всегда высокомерно, потому что ее семья была родовой, хотя и обедневшей, почти без средств, но зато корни ее уходили в глубь веков, восходя к династии Стюартов. Она была горда, пряма, немного сумрачна, в точности, как Скотт, которому она передала не только цвет глаз, но многие сердечные качества и свойства характера. Амели была совсем другой: более женственной и с развитым материнским инстинктом, гораздо хитрее и требовательнее. Она знала, как не только размягчить Ангуса, но и как обвести его вокруг пальца. Однако он не жалел об этом.

В то время как глаза его были прикованы к телефону, экран которого оставался черным, его вдруг захлестнула волна тоски. А что если кровотечение отнимает у него и Амели? Но это был чисто эгоистичный страх, он должен был думать о ней, а не о себе. Как она сможет пережить потерю ребенка? К счастью, у нее уже было четверо детей. Джон не мог быть для нее большой поддержкой, Филип в данный момент отсутствовал, но она, конечно, могла рассчитывать на Джорджа и уж тем более на Кейт, которая, он был уверен, с первых же минут трагедии устремилась к изголовью матери.

Надеясь обуздать тревогу, он заказал себе еще виски. Ему нужно было позвонить нотариусу и отменить встречу, но он сделает это

позже: сейчас он не хотел занимать телефон. Со страшным чувством вины он вдруг осознал, что испытывает огромное облегчение от того, что ему не придется писать завещание, не придется обсуждать последствия его будущей кончины. Ощувив действие алкоголя, он подумал, а не заказать ли ему что-нибудь из еды? Но эта мысль показалась ему кощунственной: уж слишком неподходящим был момент, чтобы думать о том, как набить себе брюхо.

* * *

Амели сделали чистку под общим наркозом, кровотечение было остановлено, и теперь она находилась вне опасности. Сразу после пробуждения, правда, с ней случилась истерика, и она долго плакала. Душа ее так сильно бунтовала против столь очевидной несправедливости, что в результате она лишилась последних сил. Спешно вызванные из Эдинбурга Кейт и Джордж были немедленно доставлены Дэвидом в больницу и уже сидели в изголовье несчастной Амели, в то время как Скотт пошел отыскивать Ангуса по пабам, в одном из которых он и обнаружил его в полупьяном состоянии.

Когда закончилось время, отведенное для посещений, всем пришлось оставить Амели под наблюдением врача и медсестер. Скотт уговорил отца оставить машину на месте и отвез его на своем автомобиле в Джиллеспи вместе с Кейт и Джорджем. Ожидая их, Мойра приготовила лишь холодные закуски, которые они поглощали в единодушном молчании. После ужина Дэвид предложил Ангусу освободить детскую комнату, предназначавшуюся для новорожденного.

— Твоей жене будет тяжело снова увидеть детскую в том же состоянии. Завтра утром я могу аккуратно упаковать вещи и поднять их на чердак.

Ангус охотно согласился, смущенный тем, что не подумал об этом сам и лишний раз получил подтверждение, что Дэвид порой был способен на редкую деликатность. Он поднялся к себе, чтобы пораньше лечь спать, в то время как семья отправилась в кухню попить чаю.

– Какой ужасный день, – вздохнула Мойра, ставя на стол чайник. Она достала чашки и выложила песочное печенье в тарелку. Нежно потрепала Кейт по волосам.

– К счастью, с твоей мамой все в порядке. Она поправится, вот увидишь...

– Мама так разочарована, ей грустно, она только плачет. Несколько раз она спрашивала о Джоне. Кто-нибудь знает, куда он подевался?

– Да, я, – немного помедлив, ответил Скотт. – В действительности я и приехал-то в Джиллесли, чтобы рассказать об этом Амели. Джон сейчас во Франции, в Париже.

– Да неужели?! – воскликнула Кейт, ошеломленная.

– Он уехал с Бетти, моей бухгалтершей.

– Что?

– Любовное путешествие, но, правда, без даты возвращения.

Кейт недоверчиво на него посмотрела, пока он не добавил:

– Я не смог сказать твоей матери. Ты возьмешь это на себя?

– Да, если хочешь...

– Кто такая эта Бетти? – поинтересовался Джордж. – Он никогда мне о ней не говорил! Заметьте, с некоторых пор он стал замкнутым, редко вставляет слово-другое.

– Это одна очень хорошая молодая женщина.

– А Филип? – спросил Дэвид. – Его вы предупредили?

– Я звонила ему, – жалобно призналась Кейт. – Он сказал, что в таких делах совсем не разбирается, ничем помочь не сможет и не видит повода прерывать свои каникулы в Бродике.

– Завтра утром я сяду на паром и поеду за ним, – решил Джордж. – Меня он послушает. Я думаю, мама должна быть в окружении всех своих детей, когда вернется.

– Ты совершенно прав, – одобрила Мойра.

Путь до острова Арран был недолгим, и Джордж мог бы забрать брата уже днем.

– Вы нашли себе квартиру? – спросила Мойра уже немного веселее.

– Да! – воскликнула Кейт. – Крохотную квартирку, но трехкомнатную, слегка в деревенском стиле, в старом городе. Но надо, чтобы договор на аренду был подписан Ангусом, а сейчас не время

ему досаждают такими пустяками. Вот я и боюсь, что квартирка уплывет у нас из-под носа. Сейчас тот самый момент, когда многие студенты заняты поисками жилья.

– Хочешь, я этим займусь? – предложил Скотт.

Он избегал смотреть на Кейт, но она по-прежнему одаривала его своими очаровательными улыбками. Была ли она так уж опечалена потерей ребенка или переживала только за свою мать? Несмотря ни на что, в ней угадывалась радость, что скоро она заживет своей независимой жизнью в Эдинбурге. Без сомнения, она и дальше будет блестяще учиться и заведет кучу новых друзей. Сознание того, что очень скоро она уедет далеко от него, мгновенно вернуло Скотта к реальности. Ноги его больше не будет в Джиллеспи в те выходные, когда она станет туда приезжать, таким образом, их контакты сами собой закончатся. Пройдут годы, и он будет посмеиваться над этим влечением к ней, которое до такой степени выбило его из колеи. Каждый раз, когда он вспоминал тот сон, он чувствовал себя виноватым и очень на себя сердился.

– Мы пойдем с тобой вместе и уладим все дела насчет аренды, – обратился он к Джорджу, игнорируя полностью присутствие находившейся здесь же Кейт. – Назначь встречу и позвони мне.

Он надел куртку под пристальным взглядом Мойры.

– Уже уходишь?

– Мне пора домой.

Она сама проводила его до прихожей и открыла ему дверь.

– Значит, «дом» – это уже не здесь? – спросила она, подняв на него глаза.

– Здесь... Конечно же, здесь! Но мне завтра рано вставать. Утром у меня остались дела, которые я должен уладить, прежде чем пойти на винокурню, и я буду должен переодеться.

– Ты слишком уж много работаешь, Скотт.

– Зато я добиваюсь хороших результатов, только это сейчас имеет для меня значение.

– Хорошо, но подумай и о себе.

С тех пор как он поселился в Глазго, он все реже доверительно разговаривал с Мойрой. Он догадывался, что ей хотелось поговорить с ним о Мэри, узнать что-то о его личной жизни, а возможно, и задать

какой-нибудь «неудобный» вопрос о Кейт. Желая предотвратить это, он прижал ее к себе и поцеловал в макушку.

– Если бы ты не зашел сегодня утром, я бы очень растерялась, оставшись одна с Амели. И, веришь ли, хотя я и не очень ее люблю, я действительно страшно за нее перепугалась.

– Я тоже.

– Ангус, должно быть, очень выбит из колеи.

Скотт кивнул, достал ключи от машины и уже встал на ступеньку, но потом вдруг обернулся и спросил:

– Как ты думаешь, он хотел этого младенца? Я имею в виду, хотел ли он его для себя, а не только чтобы порадовать жену? Горел ли он сам желанием иметь ребенка?

– Не знаю, – призналась она.

Они обменялись долгим взглядом, а затем Скотт сел в автомобиль. Возможно, с помощью алкоголя Ангус, как показалось Скотту, испытывал сейчас сложное чувство: одновременно и горе, и сочувствие жене, но и облегчение тоже. Но Ангус, очень скрытный в проявлении своих эмоций, редко признавался в чем-либо, поэтому Скотт не был твердо уверен.

Когда машина завелась, фары осветили белый фасад особняка. Скотт слишком хорошо знал свой дом, чтобы предаваться созерцанию его, однако он задержался на несколько секунд, чтобы окинуть дом взглядом. Типичная постройка викторианской эпохи с непременно колоннами, вытянутыми окнами и этой беседкой, венчающей крышу, куда так любила забираться Кейт, чтобы оттуда полюбоваться видом на море. Для Скотта, что бы ни случилось, особняк оставался *его домом*, родовым гнездом, домом предков, тех самых Джиллеспи, чьим единственным потомком он оставался. Может, ему и не хотелось ни с кем другим делиться своим статусом, но в одном он был твердо уверен: он никогда не желал, чтобы произошла трагедия, которая не миновала Амели.

Амели... Скотту вспомнился ее приезд сюда пять лет назад с тремя плохо воспитанными мальчишками и крошкой Кейт, такой потерянной и уязвимой, что, несмотря на неприязнь к остальным членам этого французского племени, которое ему навязали ни с того ни с сего, он, Скотт, всей душой привязался к девочке. Скотт не позволял братьям дергать сестру за косички и частенько привозил ее

из школы. Вдруг он поймал себя на еще одном воспоминании: о том, как однажды встретил ее в парке, когда Кейт читала «Отверженных». Тогда состоялся их первый разговор, и она рассказывала ему о своем отце-англичанине, Люксембургском саде, парижской школе, а потом вдруг начала горько плакать. После чего, покраснев, она произнесла: «Вряд ли вы пришли в восторг от нашего приезда». И он ей ответил, что его чувства не имели никакого значения. Если бы он только мог представить тогда, если бы мог догадаться, что не пройдет и несколько лет, как он страстно влюбится в нее! И как только могут происходить на свете такие неожиданные вещи?

Окинув последним взглядом фасад здания, он дал задний ход. Когда-нибудь ему предстоит присутствовать на свадьбе Кейт. И если Нил Мюррей пришел слишком рано, то другой найдет более подходящий момент. Поскольку, и он это знал, Кейт питала к своему «братишке» большую привязанность, возможно, она попросит его стать ее свидетелем. Он дал себе клятву всегда оставаться ее другом и продолжать за ней присматривать, но только... издалека.

Не стоило и дальше игнорировать Кейт, как он это сделал сегодня вечером, ведь это только опечалило бы ее, хотя она и не могла догадываться об истинной причине его холодности.

Смирившийся, но принявший окончательное решение, Скотт решил навсегда изгнать Кейт из своих мыслей.

В последующие месяцы враждебность Амели к Скотту не прекратилась. Она сердилась, что он находился рядом в худший момент ее жизни, что был свидетелем ее боли и слез. Невозможно было забыть, как она вцепилась в его руку, как она *нуждалась* в нем в тот момент. Но хуже всего было то, что он так и остался единственным сыном Ангуса, она не смогла «скинуть его с трона», потому что ее тело и возраст предали ее, а другого шанса у нее не осталось. Она чувствовала себя рядом с ним проигравшим соперником, и сколько бы участливого внимания он ни проявлял к ней, это ее только сильнее раздражало.

Втайне она горячо оплакивала потерянного ребенка, но ей хотелось казаться сильной, и она терпеть не могла, когда ее жалели. Оставшись одна, Амели нередко заходила в комнату, предназначавшуюся для детской, из которой Дэвид вынес все вещи. Амели слонялась там от стены к стене, бросая рассеянный взгляд на парк и вспоминая, как она мечтала о том, чтобы заполучить эту комнату, отобрав ее у Кейт. Теперь же это было просто пустое пространство, безнадежно пустое пространство, так как дочь не захотела обратно туда вселиться, отговорившись тем, что слишком редко бывает дома.

Кейт и Джордж вели в Эдинбурге вполне счастливую жизнь двух студентов. И брат, и сестра преуспевали в учебе и большую часть вечеров проводили за книгами. Через выходной Кейт навещалась в Джиллеспии, чтобы повидаться с матерью и остальными членами семьи. Всегда радуясь возможности чему-нибудь научиться, она играла в гольф с Ангусом, занималась готовкой с Мойрой и садоводством с Дэвидом. Парк, независимо от погоды и сезона, сохранил для нее всю свою привлекательность, хотя она больше и не пускалась в длительные одиночные прогулки, однако могла часами ухаживать за цветами и кустарниками. Регулярно она взбиралась на крышу, в беседку, но уже не для того, чтобы любоваться морем, а надеясь увидеть издали автомобиль Скотта. Увы, он почти никогда там не появлялся одновременно с ней, и каждый раз ее ждало разочарование. Она завела

себе много друзей, и хотя весело проводила с ними время по вечерам в пятницу, Скотт продолжал жить в ее сердце и в ее голове, потому что никто из парней не мог с ним сравниться. Кейт знала, что, как правило, детская любовь уходит, превратившись в сладостное воспоминание, но вот только с ней ничего подобного не происходило. Порой кто-нибудь из студентов на день-два завладевал ее воображением, и она уже вот-вот ожидала, что между ними пробежит таинственный электрический разряд и наконец вспыхнет чувство, но интерес ее к этому парню почти сразу же пропадал. Ни у кого из них не было синевы прекрасных, необыкновенных глаз Скотта, ни его голоса, ни его улыбки. Никому из них не удавалось перевернуть ей душу, как это было со Скоттом, никто не мог лишить ее сна на всю ночь.

От Джона новостей почти не приходило. Обычно он ограничивался посылкой редких открыток матери, в которых всегда было одно и то же: у него все шло отлично. Амели пришлось отправить ему несколько голосовых сообщений, чтобы в качестве милостыни получить один-единственный вызов. Содержание его было таково: Бетти – потрясающая девчонка, Париж – город его мечты, и никогда его ноги больше не будет в Шотландии. Но он почти ничего не говорил о том, чем занимается, не упоминал об отце, не называл никакого адреса. Один раз, не выдержав, Амели рискнула намекнуть, что хотела бы навестить его на очень короткое время, однако Джон сухо ей отказал. Его неблагодарность – и это в то время, когда он был любимчиком матери, – даже отдавала чем-то вроде обиды на нее, словно именно она была виновата в том, что у него не сложилась жизнь. Огорченная Амели вдруг поняла, что он очень напоминал ей Майкла, который бросил семью, исчезнув и не оставив даже своего адреса.

Просидев по два года в предпоследнем и последнем классах, Филип наконец-то с полным правом получил свой аттестат об окончании средней школы. Самый старший из учеников своего выпуска, он, похоже, несколько об этом не сожалел, а наоборот, говорил, что только теперь нашел «свой путь». Став неразлучным со своим другом по имени Малькольм, у которого он часто гостил в Бродике, он сообщил, что собирается вместе с ним поехать в Эдинбург, чтобы поступить в университетский колледж искусств. Там он собирался пройти курс рисования и впоследствии заняться

иллюстрированием. Амели нашла эту мысль интересной, Ангус же только поднял глаза к небу, догадываясь, что ему придется содержать еще и Филипа. Как ни странно, тот сообщил, что ему ничего от них не нужно и жить он будет у Малькольма. Родители этого парня якобы предоставили в его распоряжение уютную квартирку на Сент-Мэри-стрит, в самом центре Старого города. Амели пришла в восторг, но только до того момента, пока не познакомилась с этим Малькольмом, который не скрывал своей нетрадиционной ориентации. Когда она поняла, какие отношения связывали ее сына с эксцентричным блондином, она впервые задумалась над тем, что мир для нее окончательно рухнул. Ангус же ограничился загадочным восклицанием «Ну это, кажется, предел!», в то время как Дэвид утверждал с хитровой улыбкой, что нужно быть слепцами, чтобы раньше этого не заметить. Но именно Филипа никто никогда и не замечал. До своего отъезда во Францию в этом дружном братстве «звездой», то есть в центре внимания, всегда был Джон. А затем Джордж удивил всех, перейдя из разряда балбесов в ранг хороших учеников. С Филипом же ничего особенного не происходило, он примыкал то к одному лагерю, то к другому, большую часть времени он проводил в тени других и прекрасно устраивался так, что им вовсе никто не занимался.

Амели пришлось осознать тогда, что с ее детьми у нее к самой себе немало вопросов. Даже если она и всегда отказывалась признаваться в этом, дети ее разочаровывали. Кейт отказалась от престижнейшего брака, Джон улетучился неизвестно куда, а Филип оказался гомосексуалистом. Она, мечтавшая их пристроить одного за другим на процветающих предприятиях Ангуса, чтобы обеспечить им благополучное будущее, оказалась, как говорится, на бобах. Надежды ее разбились в прах. Возможно, только Джордж когда-нибудь чего-нибудь и добьется, но именно его она никогда не принимала в расчет. Она долго рассуждала над тем, какова ее доля ответственности в этих неудачах, но в конце концов пришла к выводу, что во всем виноват Майкл. Если у мальчиков не было достойного отца, что хорошего могло из них получиться? И Ангус не выполнил своей роли, довольствуясь лишь тем, что оплачивал содержание пасынков, никогда по-настоящему ими не интересуясь. Вот если бы у них родился свой ребенок, все было бы иначе.

Верный данному себе обещанию, Скотт не появлялся в Джиллеспи, если существовал риск встретиться там с Кейт. Напротив, он приходил обычно на неделю, чтобы повидаться с отцом, который тоже, как ему казалось, чувствовал себя потерянным. В отсутствие молодежи дом казался пустым, и Ангус большую часть времени проводил на поле для гольфа или охотился. Как только Скотт приходил, он тут же забирал его к себе в кабинет, зажигал сигару и в деталях расспрашивал о том, что происходило на двух винокурнях. Прядильная фабрика меньше его интересовала, но он понимал, что Скотт не хотел расставаться с ней в память о матери, а также потому, что коль уж существуют овцы на земле, нужно же им найти какое-то применение. Лишись Джиллеспи овечьих стад, пастухов и пастбищ, оно потеряло бы свой статус сельскохозяйственного поместья, а это, на взгляд Скотта, было совершенно невыносимо.

Когда сын уходил, Ангус снова впадал в меланхолию, становился угрюмым. И хотя хаос, навязанный ему в свое время «племенем французов», когда-то раздражал его, хотя он опасался крика новорожденного, но так и не рожденного ребенка, теперь ему совершенно не нравилась тишина опустевшего дома. Ведь чего он добивался, приютив у себя Мойру, а потом и Дэвида, чего хотел, поздно женившись во второй раз, как не увеличения клана? Увы, так часто и бывает: рано или поздно возвращаешься к исходной точке. У него по-прежнему была очень маленькая семья в огромном особняке. Ангус с нетерпением ждал, что сын его наконец женится, принесет ему внуков и вернется в родовое гнездо. При условии, конечно, что Амели не сделает из этого новой драмы.

* * *

Нил только что взял кружку пива и, обернувшись, столкнулся лицом к лицу с Кейт. Оба на мгновение застыли, а потом Кейт все же постаралась улыбнуться.

— Как поживаешь? — проговорила она.

Почти полтора года прошло с тех пор, как произошла сцена, когда Нил делал ей предложение, и они смотрели друг на друга с любопытством.

– Все так же красива! – приветливо сказал Нил. – А не угостить ли мне тебя кружечкой пивка в память о добрых старых временах?

Поскольку Кейт не очень любила пиво, она заказала себе шардоне. Пока бармен наполнял металлическую мензурку, а затем выливал ее содержимое в бокал – обычная практика определения нужного количества, – Кейт стал расспрашивать, чем Нил занимался в Эдинбурге.

– Я сменил колледж и город, чтобы уйти от тебя подальше! – ответил он полушутя. – А потом узнал от приятелей, что ты, оказывается, совсем рядом. Признаюсь, у меня была надежда, что мы не встретимся, но, несмотря ни на что, я очень рад тебя видеть.

– Ты больше на меня не в обиде?

– Мне потребовалось достаточно времени, чтобы переварить твой отказ. На сегодня дело закрыто. Я встретил другую девушку и влюбился в нее.

– Чем она занимается?

– Медициной, как и я. А ты?

– Я готовлюсь к защите диссертации по французскому языку и сейчас живу вместе с братом Джорджем.

– Ты шутишь?

– Он стал хорошим парнем, и мы с ним отлично ладим.

– Пойдем, – предложил он, – присядем.

Они пробрались сквозь плотную толпу студентов и нашли в самой глубине паба небольшой столик.

– Ты стала просто прекрасно выглядеть, Кейт. Изменила прическу? И немного подкрасилась, совсем чуть-чуть. Вау! Да ты там всех, наверное,водишь с ума!

– В данный момент это меньше всего меня интересует.

– Ты серьезная девушка, знаю. Но ты обязательно встретишь в конце концов свою большую любовь... А как у тебя в семье, все хорошо? Я всегда испытывал большую симпатию к Ангусу, жаль, его больше совсем не видно в клубе моего отца. Наверное, он думает, что теперь он там нежеланный гость и посещает другие клубы? Скажи ему от моего имени, что мы всегда будем рады видеть его у себя, если он захочет прийти. Да, кстати, а как ваш малыш?

Кейт рассказала о последних трагических событиях и сообщила новости о каждом из ее домашних. Ей было приятно поболтать с

Нилом, как в те времена, когда они были с ним просто друзьями.

– Здорово ты придумала приехать в Эдинбург на учебу, – сказал он в конце ее рассказа. – Останься ты в Джиллеспии, так бы и кончила жизнь старой девой, потому что Скотт разогнал бы всех твоих поклонников!

– Скотт? – повторила она, сразу упав с небес на землю.

Почему он упомянул именно его? Она помнила, что как-то призналась Нилу, что Скотт был ее детской мечтой, – она ему единственному поведала свою тайну, – но какое все это имело отношение к тому, что он только что заявил?

– Скотт никогда ни в чем мне не препятствовал... – начала она неуверенным тоном.

– О, перестань, я отлично умею распознавать ревнивца, если такого встречаю на своем пути! То, как он поступил, воздвигнув между мной и тобой стену, было очень откровенным.

– Ты ошибаешься, – запротестовала она, – и это даже оскорбительно.

– Может, он и сам этого не осознает, – допустил Нил. – Только, поверь мне, он не сможет выдержать, если увидит тебя в объятиях другого. Мы, мужчины, сразу чувствуем такие штучки.

Кейт показалось, что у нее сейчас сердце выпорхнет из груди. Она с трудом перевела дыхание и залпом осушила свой бокал.

– Ты сам не знаешь, что говоришь! – проговорила она.

Ей до ужаса хотелось бы верить в это, но, увы, это было нелепо, невозможно.

– Скотт всегда меня защищал, потому что братья отвратительно себя со мной вели. Их гнусные подростковые шутки часто заставляли меня плакать. А плакать, надо сказать, я могла почти по любому поводу. Вот почему у тебя и сложилось такое впечатление. Кстати, после твоего ухода в тот вечер Скотт подрался с Джоном.

– Зачем отрицать очевидное, Кейт? Со мной отношения у Скотта были вовсе не братские, он чувствовал во мне соперника. Попробуй представить Скотту кого-нибудь из своих друзей в следующий раз, тогда сразу все поймешь.

Как всегда, Нил хотел остаться победителем, ибо до сих пор не расстался с привычкой поспорить.

– Если хочешь знать, – вздохнула она, – можно со злостью на кого-то смотреть, даже если речь и вовсе не идет о ревности. Вот, например, посмотри, девушка, которая сидит за стойкой, бросает на меня убийственные взгляды, хотя я вовсе с ней не знакома!

Нил обернулся и рывком поднялся с места.

– Зато я с ней знаком, – хрипло прошептал он. – Это моя девушка. У нас с ней была назначена встреча, но я совершенно забыл о времени в твоей компании. Сейчас, наверное, она спрашивает себя, откуда ты взялась?

Было вполне объяснимо, что ему совершенно не хотелось объясняться с подругой и рассказывать, что Кейт – его бывшая невеста.

– Иди скорее к ней, – понимающе посоветовала Кейт.

– У тебя все тот же номер мобильного?

– Да.

– Тогда на днях я тебе позвоню.

– Иди, Нил, или тебе устроят сцену.

– Видишь ли, ревность... – бросил он, прежде чем поспешно отошел в сторону.

Повернувшись спиной к стойке, Кейт рассматривала свой пустой бокал. Был ли хоть малейший шанс, что гипотеза Нила имела под собой основание? Она не могла этого допустить, но он так на этом настаивал, а ведь у нее не было сомнений в его интеллекте и наблюдательности. Внезапно у нее закружилась голова, но она приписала это слишком быстро выпитому шардоне. На секунду Кейт закрыла глаза, испытав искушение направить свои мысли к старой знакомой мечте, к которой она и сейчас иногда прибегала. Упоминание о Скотте мгновенно вернуло ее к сосредоточению на нем всех ее помыслов. Ценой невероятных усилий она постаралась взять себя в руки, назвала себя идиоткой, непролазной дурой, застрявшей в развитии на уровне подростка. Потом она встала, стараясь не приближаться к стойке, даже не смотреть в том направлении, и вышла из паба. На улице, несмотря на волнение, девушку вдруг охватило чувство необыкновенной легкости, которое заставило ее бежать и смеяться одновременно.

– Мы все ждем, когда ты назначишь дату для празднования твоего новоселья, – потребовал Грэм. – Ты прекрасно устроился, так что у тебя больше нет оправданий для отсрочки.

Три месяца назад он нашел для Скотта идеальную квартиру в самом центре Глазго. Отличная инвестиция в недвижимость в этом полностью перестраивающемся городе, цены на которую не замедлят взлететь.

– Что бы ни случилось, и даже если когда-нибудь ты не захочешь больше там жить, ты всегда сможешь сдать эту квартиру или перепродать, в любом случае ты на этом только выиграешь.

Очень гордый тем, что Скотт совершил такую чудесную сделку благодаря его советам, Грэм приблизился к разложенному на солодовом полу^[35] ячменю.

– Сколько времени нужно для прорастания?

– Дней восемь-двенадцать. Но ячмень уже пролежал три дня в воде.

– А потом в сушилку?

– Черт возьми, Грэм, я же объяснил тебе этот процесс десятки раз!

– Мне нравится слушать, как ты рассказываешь. Когда ты говоришь об этом, все в тебе словно оживает.

– А без этого ты меня мертвым, что ли, считаешь? – возмутился Скотт.

– Скажем так: в последнее время ты мне кажешься слишком серьезным. Ты редко выходишь, и у тебя нет подружки. Ты даже не удосужился как следует заняться меблировкой новой квартиры. Кровать, стол, четыре стула – это же просто карикатура на минимализм.

– Да я всю жизнь провожу либо здесь, либо в Инверкипе. А если и выберу пару лишних часов, то еду на фабрику.

– Доверь кое-что из своих дел другим.

– И кому же?

– Плати компетентным людям, которым ты мог бы доверять.

– Я уже это делаю.

– Но ты не можешь позволить себе не наблюдать за ними.

– Ну... ладно, пожалуй, я действительно иногда перебарщиваю. Но мне необходимо создать себе репутацию, потому что я – сын хозяина, а по возрасту хозяином еще быть не могу.

– Это верно, но, мне кажется, теперь все твои сотрудники и клиенты уже поверили в тебя и ты вполне можешь ослабить хватку.

– Тогда подумают, что я потерял интерес к производству.

– Знаешь, ты производишь впечатление человека, который всегда стремится действовать на опережение. Хочешь, я тебе кое-что напомним? Или кое-кого? Я тебе напомним, что ты бросил Мэри, а не она тебя бросила.

Скотт метнул на него раздраженный взгляд, и Грэм поднял руки в знак капитуляции.

– Ладно, давай больше не будем об этом. Вернемся к делу. Итак, высушенный солод измельчается, а затем его опять смешивают с водой?

– Да, в круглом чане.

– И это и есть та масса, из которой добывают напиток?

– Абсолютно верно. И не забывай, что твердые остатки еще и продаются в качестве корма для скота.

– Но скот же опьянеет!

– Нет, потому что для превращения сахара в спирт необходимо добавлять дрожжи.

– А потом следует этап выгонки?

– Целых два подряд. Хочешь пойти посмотреть, как это делается?

– Посмотреть на аламбики? Да я знаю их наизусть! Вапоризация, охлаждение, конденсация...

Грэм рассмеялся, а потом добавил:

– Не смотри на меня так. Нужно быть полным идиотом, чтобы не усвоить твои уроки. Ты только об этом и говорил еще со школьной скамьи. И ты знаешь, как сильно я уважаю тебя за то, что ты делаешь здесь, в Инверкипе. Но ты слишком тяжелый груз взвалил себе на плечи, расслабься немного. Почему бы нам не устроить в субботу, часов в восемь, у тебя новоселье? Пэт предложила помочь, она приготовит бутерброды, что скажешь?

– Скажу, что ты слишком настырный.

– Так ты согласен?

– Согласен.

– Ну и отлично! Завтра с утра обещаю побегать с тобой по магазинам и сделать нужные покупки.

– Не знаю, смогу ли я так рано освободиться.

— Зато я знаю. Никаких встреч, никаких отговорок, разберись с этим. Я работаю так же, как и ты, но когда мне нужно освободить для чего-нибудь денек, я всегда с этим устраиваюсь.

Они отошли от помещений с разбросанным на полу ячменем, и Скотт проводил Грэма до его машины. Глядя на то, как он отъезжал, Скотт испытал к другу чувство благодарности. То, что тот сумел его немного встряхнуть, было ему приятно.

Скотт решил прогуляться по магазинам тем же вечером, чтобы купить несколько ламп, ковер, полки. Он мог бы забрать все эти вещи из Джиллеспы, но догадывался, что Амели не преминет высказать свой протест, а ему не хотелось с ней конфликтовать. После потери ребенка Амели словно за что-то сердилась на него. Но за что? Может, просто хотела взвалить на него роль козла отпущения, но он не собирался с этим смиряться. А возможно, она считала, что он радуется ее несчастью, в таком случае она страшно ошибалась, но как можно было ее в этом убедить? Со временем при его редком присутствии в Джиллеспы ненависть Скотта к Амели словно растворилась, стала исчезать. Когда он вспоминал, как она, корчась от боли, теряя и своего ребенка, и много крови, вцепилась в его руку, он чувствовал к ней большое сострадание. Так что в неприязни Амели к нему таилось и еще кое-что: она не могла допустить, что у кого-то пыталась просить помощи, что кто-то мог испытывать к ней жалость.

Он обернулся, еще раз оглядел крыши в форме пагоды, характерные для винокурен в этих краях. Он обожал это место, здесь он чувствовал, что он у себя, там, где и должен быть. С этой точки зрения он был удовлетворен. Однако чего-то ему все же не хватало. И он принял решение созвать всех друзей на это треклятое новоселье, всех приятелей и приятельниц, близких и не очень, короче, пригласить как можно больше народу и всласть повеселиться.

Вдохновленный этой мыслью, он собирался уже вернуться в свой кабинет, но тут его вдруг пронзила одна идея. Как можно было не пригласить Джорджа, Филипа с Малькольмом, а следовательно, и Кейт? Это же очевидно, что он не мог исключить их из списка! Джордж теперь был с ним в прекрасных отношениях, и он даже подумывал однажды передать ему в управление прядильную мастерскую, ведь он же мог обидеться! Да и Кейт, несмотря на всю ее деликатность и скромность, тоже втайне была бы оскорблена. Что

касается Филипа, тот наверняка возьмет себе в голову, что его не позвали по причине его нетрадиционной ориентации, до которой Скотту не было никакого дела. Нет, невозможно было их не позвать, и причем обязательно всех четверых. Но если повезет, среди стольких людей Скотту, возможно, удастся не столкнуться нос к носу с Кейт или, по крайней мере, не оказаться слишком к ней близко. Ведь Скотт дал себе клятву, а он всегда был верен своему слову.

Достав из кармана телефон, он написал сообщение для Пэт: *Твой муж насильно назначил дату празднования моего новоселья. В качестве компенсации за это можешь ли ты привести для меня на этот вечер парочку миленьких незамужних женщин из числа твоих подружек?*

Среди знакомых молодых женщин его поколения еще оставалось несколько незамужних, но их было уже очень мало. А Скотт слишком редко выходил куда-нибудь из дома, не оставляя себе времени на развлечения, спектакли, встречи со сверстниками и все такое.

– Ну ладно, отныне все изменится! – сказал он, входя в кабинет. А там его уже ждала встревоженная секретарша с кучей папок под мышкой.

* * *

Для начала октября погода оказалась более чем милосердной, листья деревьев едва-едва начинали краснеть. Мойра срезала несколько роз поздних сортов, в то время как Дэвид с гордостью показывал Ангусу и Амели приведенную им в порядок каменную скамью.

– Прекрасно выглядит, не так ли? Я еще отчистил раковину, которая вся заросла мхом, и собираюсь к весне устроить в ней цветник.

– Отлично! Просто здорово! – радовался Ангус.

Его самого не очень интересовал вид парка, но он надеялся, что Амели это должно было понравиться. На лице его жены появилась легкая, с изрядным сомнением улыбка, и она осторожно присела на краешек скамьи.

– Не слишком-то удобно, – процедила она сквозь зубы.

– Можно будет принести сюда подушки и выпить по стаканчику под тенью липы, когда летом станет совсем жарко. Ты настоящий молодец, Дэвид!

Тот, совершенно не готовый к тому, что комплимент будет исходить от Ангуса, замер от изумления.

– Если бы он не занимался парком, мы бы жили, как в джунглях, – тихо произнесла Мойра.

В корзине у нее было с дюжину желтых роз, она подошла поближе и предложила одну из них Амели.

– Вы только понюхайте! Какой чудесный аромат.

Склонившись над цветком, Амели соизволила улыбнуться. Затем она обратилась к Ангусу, присевшему на скамью с ней рядом.

– Итак, – небрежным тоном спросила она, – что нам прикажешь делать с этим приглашением? Я думаю, что твой сын позвал нас из вежливости, но ведь это будет вечеринка для молодежи, мы только их стесним.

– По-моему, Скотту просто хотелось, чтобы рядом были все его близкие, когда он будет праздновать свое обустройство на новом месте.

– Сорок разнузданных юнцов и четыре старые кошелки, для которых еще и место нужно будет найти?

– Амели! Перестань...

– Нельзя смешивать разные поколения, это всегда убивает настроение. Давай в этот день оставим его в покое, а как-нибудь в другой раз сходим к нему поужинать, если ты, конечно, не против, и захватим с собой шампанское.

Она сделала ему эту уступку, потому что знала, что Ангус был разочарован. Скотт специально заехал к отцу, чтобы пригласить всю их семью, но Амели нипочем не хотела соглашаться.

– Если Скотт попросил нас приехать, – запротестовала Мойра, – значит, наше присутствие его нисколько не смущает.

– Ну конечно! Не надо все понимать буквально. Скотт счел своим долгом пригласить нас на новоселье, и я признаю, что он проявил к нам почтение, но наверняка он был уверен при этом, что мы окажемся достаточно благоразумными, чтобы отказаться. Вы хотите поставить его в неловкое положение? В любом случае они будут танцевать до рассвета под громкую музыку, пить, не просыхая, этого мне только не хватало!

Сломленный доводами супруги, Ангус смирился.

– Через недельку-другую, – сказал он Мойре, – ты приготовишь ему все, что он любит, и мы возьмем да и нагрянем к нему без приглашения с уже готовым угощением, что ты на это скажешь?

– Как хочешь, – холодно ответила она.

Амели почувствовала облегчение. Отказ Ангуса очень огорчил Мойру и Дэвида, которые, разумеется, будут на нее сердиться, но какая разница? Она теперь была избавлена от неприятных хлопот, а насчет будущего визита с угощением – так у нее будет достаточно времени, чтобы и его отставить.

– Вы позволите? – сказала Мойра, забирая свою розу. – Для букета...

Сделав непроницаемое лицо, она бросила жалостливый взгляд на брата, резко повернулась и пошла к дому.

– Она, кажется, расстроилась, – заметила Амели фальшиво-сочувственным тоном.

На этот раз Дэвид отошел в сторону с деловым видом, а вскоре и вовсе исчез за деревьями.

– И он тоже! В любом случае что бы я ни сказала или ни сделала...

– Ты преувеличиваешь, – прервал ее Ангус. – Мойра вот уже много месяцев с большим вниманием и заботой к тебе относится.

– Она твоя сестра, и ты всегда защищаешь ее, как, впрочем, и своего сына, – вздохнула она.

– Зачем это мне нужно их защищать, от чего или от кого?

Этот вопрос сразу призвал Амели к порядку. Ангус был податливым, конечно, но только до определенного момента. После потери их ребенка он уступал всем ее капризам, но, похоже, это начинало ему надоедать. Чтобы сохранить свою власть над ним, ей следовало быть с ним полюбезнее и вечером проявить всю свою любовную привязанность, а не воротить от него нос.

– Во всяком случае, – игриво сказала она, – твой сын натолкнул меня на отличную идею! Давай и мы пригласим друзей и устроим здесь праздничный ужин. Слишком давно мы живем уединенной жизнью и не видимся с нашими знакомыми.

Обрадованный Ангус тут же одобрил ее мысль и назвал несколько имен людей, с которыми они прежде охотно общались.

– Мойра будет рада продемонстрировать свои кулинарные таланты, – добавила она, – и от ее огорчения не останется и следа, вот увидишь! Ты принес нам столько дичи, что все морозильники полны, если в чем и будет трудность, то только в выборе. Ну а по такому случаю и мне будет не грех пройтись по модным лавкам, чтобы выбрать себе достойный наряд.

Ангус обхватил ее за плечи и притянул к себе.

– Как же мне приятно вновь видеть тебя веселой! Покупай все, что твоя душа пожелает, дорогая!

Муж был настолько предсказуем, что Амели чуть не рассмеялась, однако все же предпочла его поцеловать. Он ответил ей с такой неистовой страстью, что она поспешно от него отстранилась, запыхавшись.

– Дорогая, – прошептал он, – наконец-то ты, кажется, смогла... перевернуть мрачную страницу жизни.

Он намекал на потерю ребенка, впервые обратившись к этой теме с изрядным сомнением в голосе. В течение нескольких месяцев они избегали об этом говорить, однако тень трагедии все еще парила в их доме.

– Да, – ответила она. – Я не хочу больше думать ни о чем плохом.

По крайней мере, сейчас она была искренна: эта неудача так расстроила Амели, что она предпочла похоронить ее на дне своей памяти.

– Пойдем домой, – предложила она. – Мы выберем с тобой подходящую дату и начнем потихоньку созывать друзей.

На самом деле выбирать дату ей совершенно было не нужно. Она точно знала, что назначит то же число, что и Скотт, так она будет окончательно спокойна, что к ней больше не будут привязываться с этим идиотским приглашением на новоселье.

* * *

Обстановка на новоселье была очень шумной, дружеской и радостной. Грэм и его жена Пэт выложились как могли, чтобы вечеринка удалась на славу, без малейших колебаний потратив целую субботу, чтобы помочь Скотту хорошенько подготовиться. Они

наполнили ванну толченым льдом и опустили в нее прохладительные напитки, приготовили гору бутербродов с лососем, огурцами и чеддером, нанизали на шампуры жареные креветки, наполнили салатники чипсами в уксусе, расставили блюда с пирамидками песочного печенья. После чего вытащили «удлинитель» из единственного стола, превратив его в буфет, где были расставлены стопки стаканчиков, бумажные салфетки и одноразовые пепельницы. В центре стола, как и было положено по его королевскому достоинству, красовался виски «Джиллеспи», но имелись также и пиво, и французское белое вино, и *Irn-Bru* – игристый напиток оранжевого цвета с высоким содержанием кофеина.

Выполняя просьбу Скотта, Пэт привела с собой двух очаровательных подружек, одна из которых взяла на себя роль диджея: молодая женщина привезла с собой стереосистему и отвечала за музыкальное сопровождение вечеринки. У всех этих тридцатилетних людей было полное впечатление, что они вернулись в те годы, когда устраивали безумные студенческие вечеринки с танцами до упаду, так что по комнате вихрем носились шутки, восторженные восклицания и раздавался залиvistый смех.

Когда в компании Джорджа приехала Кейт, Скотт приветствовал ее словами: «Вот она, самая красивая девушка на свете!», которые были всего лишь его обычной манерой с ней здороваться, но Кейт почему-то стало очень неудобно. Чтобы избежать искушения оставаться все время рядом с ней, Скотт старался к ней не подходить слишком близко и даже смотреть на нее стремился как можно реже. И тем не менее он заметил ее платье, шелковой драпировкой струящееся по изящной фигурке, которое удивительно ей шло, туфельки на каблучках, которых он никогда на ней не видел и которые выгодно подчеркивали длину ее ног. Он также почувствовал запах волнующих духов, который успел уловить, когда снимал с нее пальто.

Среди приглашенных было много семейных пар, которые, чтобы иметь возможность танцевать до утра, доверили своих отпрысков нянькам; соседи и консьерж были вовремя предупреждены, что праздник рассчитан на продолжительное время и, возможно, затянется до рассвета.

Около полуночи Грэм и Скотт встретились в ванной, куда они пришли за бутылками и холодными банками с пивом. Здесь почти не

слышен был шум, царивший на празднике, а музыка словно играла под сурдинку. Грэм воспользовался этой небольшой передышкой, сел на край ванны и зажег сигарету.

– Ты что, куришь? – удивился Скотт.

– Только когда Пэт не видит. Ни в коем случае ей не говори. Ну что, по затяжечке?

Скотт взял сигарету и с наслаждением затянулся.

– Лучше бы я не начинал, а то есть риск, что снова быстро подсяду, – сделал он вывод, возвращая сигарету Грэму.

– Я очень рад за всех нас, твое новоселье действительно удалось, и все веселятся от души. Почему ты не интересуешься девчонками, которых Пэт привезла исключительно для тебя?

– Успокойся, сейчас я приглашу их потанцевать одну за другой.

– Есть такая, которая тебе больше понравилась?

– Брюнетка, Келли. У нее прелестная улыбка.

– Это первое, на что ты обращаешь внимание?

Они обменялись дружеским смехом, потом Грэм добавил:

– Твой кузен Дэвид просто на седьмом небе.

– А ведь выглядел таким озабоченным, когда приехал! Он сказал, что всего лишь заехал нас проведать, но вот он уже здесь два часа, и видел бы ты, как он чудесно развлекается! Оказывается, в это время был еще праздничный ужин в Джиллеспии, но он оттуда вовремя смотался.

– Мне он всегда казался немного... диковатым.

– Мне тоже!

Нагруженные напитками, они вернулись в гостиную.

Пять или шесть пар, в том числе Филип и Малькольм, сотрясались в безумном роке. Краем глаза Скотт увидел Кейт, кружившуюся в руках одного из его друзей. При смене движений ее платье то отлетало, то прилегало к ней наводящим на размышления образом.

– Рой откровенно кокетничает с твоей милой Кейт, – прошептал ему Грэм. – Он один из последних холостяков в нашей дружной компании, пожелаем ему удачи!

Скотт отвел взгляд и раздраженно посмотрел куда-то в сторону, затем, пользуясь подходящим случаем, пригласил на танец подругу Пэт, отвечавшую за музыку, которая с самого начала вечеринки

бросала на него умоляющие взгляды. Она оказалась довольно хорошей партнершей, и они сбацали с ней два рок-н-ролла подряд, после чего она удалилась, чтобы поставить следующую дорожку. Затем Скотт увидел Дэвида, который потихоньку старался выбраться из квартиры, и поспешил присоединиться к нему.

– Ты уже уходишь?

– Если я останусь дольше, я напьюсь. Когда много двигаешься, хочется много пить. Но до чего же классные твои подружки, они наперебой приглашали меня танцевать. Это такое-то старье, как я!

– Не носи чепухи.

– А что, скажешь, я не казался среди них ветераном?

– И что из этого? Я очень рад, что ты пришел.

– Для того чтобы досадить Амели. Она осмелилась предположить, что мы не будем у вас желанными гостями, а я был уверен в обратном. Я тебя знаю! Кстати, я принес тебе кое-что...

Он указал на пластиковый пакет, лежавший прямо на полу в уголке.

– У меня нет денег на дорогие подарки, а у тебя, должно быть, на сегодня достаточно всяких ненужных безделушек. Но мне почему-то показалось, что тебе будет приятно это иметь. Другим можешь не показывать, поэтому я и спрятал пакет в углу, чтобы не привлекать к нему внимания.

Заинтригованный, Скотт взял пакет и открыл его. Из него вывалился старый плюшевый мишка, у которого не хватало одного глаза. Машинально Скотт тут же прижал его к груди и радостно заулыбался.

– Почему? – только и спросил он.

– Твой Мишка соскучился по тебе, валяясь в одиночестве на твоей кровати. А раз ты так и не решился убрать его в шкаф, я понял, что он для тебя что-то значит. Вот я и подумал, что ты не решился забрать его с собой, вот и все. Ты ведь найдешь для него местечко в своей новой квартире? И тебе только и нужно, что взять его обратно в Джиллесли, когда, наконец, ты приедешь туда всерьез и надолго. Ну пока, малыш!

Он вышел, насвистывая фрагмент мелодии, раздававшейся из колонок, установленных в гостиной. В одно и то же время развеселившийся и взволнованный, Скотт отнес старого плюшевого

медвежонка к себе в спальню и посадил на подушку. Возвращаясь, он столкнулся с Малькольмом, который выходил из туалетной комнаты.

– Какой чудесный вечер! – воскликнул молодой человек. – Спасибо за приглашение, Филип очень оценил ваш поступок.

– Вы вместе с ним занимаетесь изобразительным искусством, не так ли? – спросил Скотт, чтобы завязать знакомство с юношей.

– И в жизни тоже мы вместе! – ответил Малькольм с обезоруживающей улыбкой. – Я знаю, что вас это вовсе не шокирует, а вот мать Филя очень неохотно...

– Амели нелегко в чем-либо убедить.

– Жаль. Мои родители оказались более понимающими.

– Может, со временем она тоже такой станет, потому что сыновей своих она обожает.

– А поскольку Джона с ней больше нет, у нее осталось всего двое.

– Точно.

– Единственный раз, когда я побывал у вас в Джиллеспи, меня поразила красота вашего поместья. У моей семьи есть прелестный домик на острове Арран, но это несравнимо. Вам очень повезло.

Малькольм был хорошо воспитанным и довольно красивым юношей, к тому же он показался Скотту очень любезным и раскованным.

– Я знаю, что вы не были особенно близки с Филипом. Он мне о вас рассказывал, о том, как нелегко им было войти в вашу семью, о многочисленных стычках, о его школьных проблемах. Все это для него было непросто.

– Для всех непросто, по правде говоря.

– Теперь все стало гораздо лучше. Но он все еще думает, что вы считаете его ни на что не годным.

– Мое мнение имеет для него какое-то значение?

– Больше, чем вы можете представить. Не игнорируйте его уж слишком!

Улыбнувшись на прощание, Малькольм отошел, оставив Скотта в раздумье. Филип был, пожалуй, интереснее, чем он думал о нем раньше. Во всяком случае, он, казалось, нашел свой путь в художественном колледже, а принятие своего статуса человека нетрадиционной ориентации его преобразило. Неужели Амели так и не заметит этого?

— Ах, вот ты где! — воскликнула Пэт, подойдя и потянув его за рукав. — Я хотела потанцевать с тобой до конца вечера, публика уже начинает расходиться.

Она привела его в гостиную, где царил полумрак. Несколько парочек обнимались под томную, медленную музыку. Среди них по-прежнему вместе танцевали Кейт и Рой. Расстроенный Скотт старался не смотреть, но взгляд его поневоле все время возвращался к ним.

— Ты наступил мне на ногу, — запротестовала Пэт. — Стоит мне вспомнить, что ты был лучшим танцором в колледже, и я поневоле соглашаюсь с Грэмом — ты начинаешь терять форму!

Она рассмеялась, и он постарался уделить ей немного внимания вместо того, чтобы наблюдать за Кейт. Что, интересно, Рой мог шептать ей на ухо? Один медленный танец закончился, ему на смену пришел другой, и Скотт пригласил Келли. Очаровательная девушка, она, казалось, готова была разделить с ним больше, чем танец, но он не чувствовал себя в настроении ее соблазнять. Тут он услышал смех Кейт, такой знакомый ему, и тогда он предположил, что сейчас Рой превосходит сам себя в острогах. Этот парень, который был одним из его друзей и с которым он прекрасно ладил, вдруг стал ему несимпатичен. Как же неуместна, как глупа была сейчас его ревность! Скотту стало стыдно за себя, и он теснее прижал к себе Келли, закрыв глаза. Если уж он был не в состоянии интересоваться красивыми женщинами, когда Кейт находилась поблизости, значит, ему точно следовало ее избегать. Приглашение Кейт на вечеринку было ошибкой, ее присутствие мешало ему в полной мере наслаждаться праздником. А ведь она была далеко не самой красивой и привлекательной из присутствующих женщин, но он везде видел только Кейт, даже не глядя в ее сторону.

За весь следующий час он умудрился ни разу не оказаться рядом с ней, и, когда она пришла и невинно пригласила его на белый танец, он, сославшись на усталость, отказался, не обращая внимания на ее явное разочарование. Постепенно друзья начали расходиться по домам, и вскоре квартира опустела. Грэм и Пэт предложили начать уборку, но Скотт понимал, что они и так сделали достаточно за сегодняшний день, и потом, они обязаны были освободить няню. Тогда Малькольм и Филип предложили, в свою очередь, ему помочь и привести квартиру

хоть в относительный порядок. Они и ушли последними около трех часов утра.

Оставшись один, Скотт выключил одну за другой все лампы в гостиной. Вечер удался на славу, он был удовлетворен, хотя воспоминание о Кейт, танцующей с Роем, оставило у него горький осадок. Он с некоторой ностальгией вспомнил о великолепном празднике, устроенном в Джиллеспи в честь его двадцатилетия, на котором присутствовали все его тогдашние приятели. Каким он был веселым и беспечным, тогда у него еще не было мачехи! И всего этого тяжелого груза семейных дел на плечах.

Он пошел принять душ, а затем отправился в спальню. Отворив дверь, он на мгновение застыл, как изваяние, потеряв голос. Сидя в изножье кровати и держа плюшевого мишку на коленях, перед ним была Кейт, на губах которой дрожала улыбка.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он наконец осипшим голосом.

— Ну... видишь, я осталась.

— Тебя что, некому было проводить? Я надеялся, что Рой тебе обязательно предложит...

— Он предложил.

— В чем тогда дело?

— Ни в чем. *Я захотела* остаться.

Скотт смотрел на нее, не в силах ничего понять.

— Послушай, здесь негде спать. Дивана нет, ты должна была это заметить.

Он вздохнул и засунул руки в карманы джинсов.

— Я не могу отвезти тебя в Джиллеспи, Кейт. А уж тем более в Эдинбург! Хотя я и немного выпил, но и с этим запасом невозможно отправиться в путь! Почему ты не уехала домой с одним из братьев?

Она встала и положила плюшевого мишку на подушку. Нервно, провела рукой по волосам, попыталась снова улыбнуться, но у нее ничего не вышло.

— Ты расстроился?

— Да!

— А мы не можем... поспать вместе?

— Ты что, с ума сошла, честное слово!

Упрекнув себя в жестокости реплики, Скотт хотел что-то сказать, но глаза Кейт уже наполнились слезами.

– О, Скотт, – прошептала она, – я думала, все это будет намного проще...

– Так в чем дело, девочка моя?

– Я спряталась здесь нарочно.

– Кого ты боялась?

– Никого. Я...

Внезапно она разразилась рыданиями и, опустив руки вдоль туловища, прижалась к спинке кровати. Она вдруг показалась ему такой маленькой, такой уязвимой, что Скотт приблизился к ней.

– Ничего, – сказал он ей совсем тихо, – все уладится.

Он не осмеливался протянуть руку, но она сама бросилась ему навстречу и прижалась к нему. Несмотря на все свои клятвы, он заключил ее в объятия.

– Расскажи, что происходит, Кейт? Что с тобой?

– Это слишком тяжело произнести! – воскликнула она, зайдясь в икоте. – Я представляла, как мы будем танцевать с тобой на этой вечеринке...

Помедлив, он подумал, что мог бы пригласить ее, по крайней мере, станцевать быстрый танец, и тогда бы она не догадалась, почему он весь вечер держался так отчужденно. Но Кейт что-то продолжала говорить едва слышным голосом, уткнувшись ртом в ворот его рубашки.

– ...и что мне не нужно будет ничего тебе объяснять. Я думала, что все произойдет естественно, и это ты потом попросишь меня остаться.

Он? Внезапно Скотт остро осознал опасность. Он уже не был милым, добрым Скоттом, утешающим свою маленькую сестричку, и она не была просто очаровательной Кейт, которая нуждалась в утешении. Надеясь предотвратить что-то непоправимое, он хотел было ее остановить, но Кейт опередила его.

– Я тебя люблю, Скотт.

Это было для него более жестоким, чем получить удар в живот. Затаив дыхание, он сначала не выказал никакой реакции, затем из его груди вырвался тяжелый вздох.

– Кейт... – простонал он.

– С тринадцати лет люблю! С первого же дня, и с каждым новым днем все сильнее. Мне так и не удалось вытравить тебя из своего

сердца. Я знала, что это смешно, что это просто девчоночье увлечение, которое непременно пройдет. Да где там! Вот почему я не смогла быть с Нилом. И ни с кем другим бы не смогла.

Слезы Кейт уже промочили его рубашку, она дрожала, прижимаясь к нему, захлебывалась в слезах, но продолжала говорить, будто, наконец, плотину прорвало.

— Ты ведь меня в упор не видел, у тебя же была Мэри, *настоящая* женщина. Как я завидовала, что ей так повезло! С моими косичками и портфелем, что я могла поделаться? Только теперь я выросла. А ты по-прежнему не смотришь на меня. Сегодня я думала, что... Я глупо поверила одному субъекту, который предположил, что ты видишь во мне не только сестру!

Вдруг она резко прервалась, сглотнула слезы и вздохнула. Потом оторвалась от него и немного отошла. Он знал, что сейчас она извинится перед уходом, слишком смущенная, чтобы осмелиться взглянуть ему в лицо. Отпустить ее вот так, с этим неразрешенным вопросом, на который никогда не будет ответа, было выше его сил.

— Этот человек прав, — совсем тихо сказал он.

После нескольких мгновений безмолвия и неподвижности он протянул руку и приподнял ее подбородок, чтобы Кейт подняла голову.

— Я не мог позволить себе показать свои чувства, не хотел, чтобы ты стала меня опасаться.

Она издала короткий нервный смешок, словно отказываясь ему поверить.

— Я не знаю даже, когда вдруг все изменилось, Кейт. Я и сам осознал не сразу, и в этот момент почувствовал себя виноватым, настоящим чудовищем.

— Почему?! — воскликнула она пронзительным, слишком резким голосом. — Ведь у нас с тобой нет родственных связей, нет общей крови!

— Но я старше тебя.

— Всего на девять лет! Ты шутишь?

Снова повисла тишина. Стоя друг против друга, они не решались сделать ни единого жеста. Скотт понял, что она не позволит себе и шага, чтобы приблизиться к нему. Это должен был сделать именно он — нарушить табу.

— Кейт, в моей жизни никого нет. Возможно... я ждал тебя.

– Но ведь ты не заговорил бы первым, правда? Теперь тебе придется все делать первому, потому что я никогда... ни разу...

Она покраснела, остановилась. Затем бросилась к нему, словно ища защиты.

– Никогда? – прошептал он. – У тебя никогда ничего ни с кем не было? Ничего?

– Я только флиртвала. Ну, может, несколько раз поцеловалась.

– Мы вполне можем остановиться на этом.

– Ах нет! Это будешь ты, у нас будет все и сразу.

Разве он когда-нибудь боялся раздевать девушку? Нет, даже ту, первую, когда ему было шестнадцать лет. Но... Кейт? Так вот, ей было девятнадцать лет, она была девственницей и совсем ничего не знала. Ему предстояло заново изобретать самые незначительные, на первый взгляд, жесты, мельчайшие детали, короче, контролировать каждое мгновение. Он осторожно поднял ее, опустил на кровать, взяв мишку за ухо, чтобы отодвинуть его и положить возле лампы.

– Несколько минут назад, – прошептала она, – я чуть не ушла.

– Испугалась?

– Да, твоей реакции. Испугалась, что ты сразу повалишь меня на постель, будешь резким, презрительным, грубым... или еще хуже, что ты окажешься в спальне вместе с этой мерзкой Келли!

– А я безумно боялся, что ты уедешь с Роем. Итак, мы квиты.

Он лег рядом с ней, опершись на локоть, и с неуверенностью посмотрел на нее. Скотт вдруг подумал, что у него может ничего не получиться, несмотря на все его желание. Осознание того, что он готовится совершить, словно отодвинуло желание на второй план. Если она не поможет ему сейчас, он будет таким же неуклюжим, как школьник. Когда же она дотронулась до первой пуговицы на его рубашке, Скотта всего затрясло.

– Я столько мечтала об этом, если бы ты только знал! – сказала она с таким предвкушающим выражением на лице, что это наверняка его бы развеселило, не будь он настолько напряжен.

Проведя рукой по спине Кейт, он нащупал молнию и осторожно опустил ее до конца. Под бельем из белых кружев ее кожа казалась нереально нежной. Очень медленно он снял с нее туфельки, колготки, а потом платье. Она не мешала ему ни единым жестом, только смотрела широко раскрытыми глазами. Кейт была совершенно не

похожа на ту, что явилась ему в его кошмаре: она была более аппетитной, чувственной и больше женщиной. Наклонившись над ней, он поискал губами ее рот и страстно поцеловал. От ее язычка еще немного пахло цитрусовым напитком. Кейт с жадностью откликнулась на поцелуй и даже обхватила обеими руками затылок Скотта, чтобы он длился как можно дольше. Кончиками пальцев он спустил бретельки бюстгальтера и нежно стал целовать ее грудь. Она задышала часто-часто и все сильнее прижималась к нему.

– Я хочу тебя, – прошептала она.

Почувствовав ее руки на поясе джинсов, он выпрямился, чтобы раздеться самому. Он никак не мог поверить в то, что сейчас делал. Между тем он порылся одной рукой в ящике прикроватной тумбочки и достал оттуда презерватив. Затем он снова вытянулся рядом с ней и припал губами к ее животу.

– Ты действительно этого хочешь?

Но это было очевидностью – она ждала его. Мало-помалу его тревога исчезала, сменившись жгучим, почти болезненным желанием. Скотт стал медленными движениями поглаживать ее бедра, начав с колен и поднимаясь все выше. Кейт испустила мучительный вздох, когда он коснулся трусиков. Отодвинув в сторону кружевную ткань, он слегка дотронулся до интимного места. Кейт не солгала, она полностью готова была принять его. Сдерживая нетерпение, он продолжал ее ласкать, пока она не отдалась ему и не начала стонать. Теперь его задачей было доставить ей как можно больше удовольствия, причинив при этом как можно меньше боли.

* * *

Потоки солнца хлынули в комнату, потому что никому и в голову не пришло задернуть шторы. Скотт сощурил глаза, пытаясь сфокусироваться на будильнике. Десять часов? Он рывком встал, потом вновь рухнул на подушку. Было воскресенье, все было хорошо. Он потянулся, но тут к нему вернулись образы прошлой ночи, и он выскочил из кровати. Кейт! Он бросился в коридор, но тут же остановился, услышав шум льющейся воды в ванной. Опершись рукой о стену, он с трудом перевел дыхание. Дверь оказалась незапертой, и

он увидел сидевшую в ванне Кейт, которая мыла голову. На том самом месте, где еще вчера были колотый лед и прохладительные напитки.

– Я растопила лед горячей водой, – радостно возвестила она ему, закручивая краны.

Он вошел, приблизился и с сожалением подал ей полотенце.

– Сегодня утром ты стала еще красивее, – вздохнул он. От усталости и напряжения он зевнул. Мышцы у него болели, ему казалось, что он проспал всего лишь четверть часа.

– Я, пожалуй, приму душ, – сказал он, направляясь к душевой кабинке.

– Ты не принимаешь ванну?

– Никогда.

Под струей холодной воды он окончательно проснулся. Всю ночь они занимались любовью, разговаривали и снова занимались любовью до изнеможения. Кейт заснула, прижавшись к нему, лишь когда в комнату вторглось смутное свечение, предвещающее рассвет. Внезапно вода стала вдруг теплой, заставив его открыть глаза, несмотря на шампунь. В душевую кабинку только что вторглась Кейт, по-прежнему обнаженная, и у него мгновенно разыграло желание, отчего она рассмеялась.

– Ты ненасытен, – сказала она, прежде чем страстно его поцеловала.

Она так же быстро вышла наружу, закутавшись в банную простыню.

– Нет, я больше не в состоянии, ты меня разбил вдребезги! – пошутила она.

Он вскоре присоединился к ней, надев махровый халат.

– Вытираться тоже не будешь? – удивилась она.

– И никогда не вытираюсь. Но скажи, как ты себя чувствуешь сейчас? У тебя все в порядке? Я хочу сказать, ты не...

– Ну в эту ночь был один нелегкий момент, но он же был и восхитительный!

– Значит, ты на меня не сердишься?

– О боже! – воскликнула Кейт, обвивая руками шею Скотта.

Так, в объятиях друг друга, они какое-то время молчали, слушая, как бьются их сердца. Никакого дискомфорта не существовало, словно они всегда были любовниками.

- Вчера, наверное, я показалась тебе такой неловкой гусыней!
- Но очень красивой гусыней!

Она чувствовала, как парит в легком тумане счастья, твердо убежденная, что ничего с ней не может случиться, пока она в объятиях Скотта. Фантазии стольких ее девических лет сбылись, но Кейт все еще верила в это с трудом.

- Ну и что теперь с нами будет? – наконец спросила она.
- Не знаю.
- Ты собираешься меня бросить?
- Очень смешно.
- Нам придется от всех прятаться?
- Нет. Мы же не делаем ничего плохого. Но, разумеется, без драм не обойдется.

Представив реакцию Ангуса, она вздрогнула. Что касается ее матери... та ненавидела Скотта, и для Амели это был бы худший сценарий на свете. Она, без сомнения, попытается сделать все, от нее зависящее, чтобы их разлучить. От одной этой мысли Кейт застыла, словно превратившись в ледышку.

- Драм, да. Это уж точно.
- Скотт взял ее за плечи и прижал к себе.
- С тобой все будет нормально? Ты выдержишь?
- Выдержу. Я живу в Эдинбурге. Если Джордж не будет кататься по полу от бешенства, я останусь жить с ним и постараюсь держаться подальше от Джиллеспи какое-то время. А вот как ты? Ты вынужден туда являться, чтобы встречаться с отцом по делам... Как бы мне не хотелось, чтобы вы поссорились с Ангусом из-за меня!
- Но он не захочет ссориться и с твоей матерью. Он становится, я бы сказал, трусливым и нерешительным, когда речь заходит о ней.
- Лучше пока ничего им не говорить.
- Пока? Так, значит, ты сама намерена меня бросить после этого любовного приключения?

Несмотря на шутливый тон, она заметила проблеск беспокойства в синих глазах Скотта и вновь почувствовала дуновение счастья.

- Значит, ты бы не хотел, чтобы мы на этом поставили точку?
- Даже больше, чем просто не хотел бы.
- Значит, мы с тобой теперь вдвоем – ты и я?

Ее вопрос прозвучал настолько наивно и по-детски, что она сразу же почувствовала себя неловко. А между тем Скотт, вместо того чтобы засмеяться, смотрел на нее с большой серьезностью.

– Я люблю тебя, Кейт. Имей в виду, это не будет чем-то быстро проходящим, мимолетным.

Покачивая головой, чтобы побороть охватившие ее эмоции, Кейт тихо отозвалась:

– Наше чувство должно быть огромным и на всю жизнь. Ты – воплощение моей мечты, Скотт, и другой у меня никогда не будет.

Тем не менее она испытывала ощущение, что так или иначе реальность их настигнет, она об этом догадывалась. С тех самых пор, как они впервые заговорили друг с другом, над ними уже витала катастрофа. И она непременно обрушится на них через недели или месяцы, и вот тогда это чудесное воскресенье, возможно, покажется им единственным мирным днем их жизни.

– Я не собираюсь постоянно находиться в Джиллеспии, – сказал он. – Но и не намерен навсегда покинуть родной дом. Я не боюсь столкновений.

– Родной дом? – повторила она, пораженная. – Разве это теперь не здесь?

– Конечно, нет, Кейт. Это просто квартира, временное размещение, случайное место, вынужденное решение. Мой настоящий дом – это Джиллеспии.

Он был уверен в себе, решителен, говорил твердым тоном. Она всегда знала его таким и любила его за это. Но во что она его втянула своей любовью? Ведь это она поджидала Скотта, сидя на его кровати. И, совершив этот поступок, перевернула с ног на голову существование обоих. А если Ангус выкинет его вон, если он запретит Скотту управлять винокурнями, если он вообще откажется от него? Желая завоевать Скотта любой ценой, разве она не рисковала этим его уничтожить?

– Все будет хорошо, Кейт. Я уже не ребенок, и ты, слава богу, тоже.

Со вчерашнего дня он уже не называл ее ни «деточкой», ни «миленькой», а обращался к ней только по имени. Больше шести лет ей пришлось ждать, чтобы в ее настоящее имя он стал вкладывать особенную сладость. Внезапно успокоившись, Кейт почувствовала,

что он сможет защитить их обоих, и решила целиком довериться Скотту.

Грэм, первый, кому Скотт доверил свою тайну, не сумел убедить его немного подождать. Когда тот намекнул, что, возможно, это было временное помрачение рассудка и скоро оно пройдет, Скотт расхохотался, ответив, что не будь он уверен в своих чувствах, он никогда не переступил бы последней черты. Кейт для него была священна – и до этого, и во время этого, и после.

Подходя к последнему повороту аллеи, ведущей к особняку, Скотт тем не менее чувствовал беспокойство и уже склонялся к тому, чтобы подождать. Объявить о своих отношениях с Кейт было все равно, что бросить гранату, и он это знал. Но и оттягивать этот момент тоже было бессмысленно. Накануне они вместе ужинали в одном из ресторанов Глазго, два дня назад он ждал ее возле университета в Эдинбурге, так что любой мог их заметить идущими рука в руке с влюбленными глазами. С той памятной ночи после новоселья Скотт теперь стремился видеться с Кейт каждый день. Он получал от этого невероятное удовольствие и буквально сгорал от нетерпения, как только приближался час свидания. Никогда раньше он не находился в таком лихорадочном состоянии, ни когда был с Мэри, ни с любой другой девушкой. Приняв на себя столь огромную ответственность перед Кейт, он мог бы испытывать сожаление или сомнения, но ничего подобного не происходило. Преодолевать расстояния для него ничего не значило, главное было суметь сообщить обо всем семье. Только тогда он будет волен предложить Кейт жить в его доме, если, конечно, она захочет. И такое произошло с самым независимым мужчиной на свете!

Перед крыльцом главного входа он затормозил, глубоко вздохнул и вышел из джипа. Бросив взгляд на парк, он понял, что Дэвиду пришлось немало над ним потрудиться в последние дни, но он не стал задерживаться.

В холле он сразу наткнулся на Мойру, которая смахивала пыль.

– Ангус сказал, что ты должен заехать, и я ждала, чтобы поцеловать тебя перед тем, как он закроется вместе с тобой в кабинете!

Она оглядела его внимательно с ног до головы, не переставая довольно улыбаться.

– Сегодня у тебя нет твоих папок? – удивилась она. – В любом случае ты хорошо выглядишь, и это меня радует. Знаешь, Дэвид все никак не может забыть о вечеринке у тебя дома. К нам он вернулся абсолютно не в себе. Вроде бы девушки там наперебой приглашали его танцевать.

– Стоило и тебе прийти, мы бы тоже заставили тебя потанцевать. Я лично был очень расстроен.

– В тот же вечер твой отец и Амели решили устроить ужин для друзей.

– И что из этого? Заказали бы угощение в ресторане, ты им не кухарка!

Он взял ее за талию и провальсировал с ней несколько па, что очень рассмешило Мойру.

– А знаешь, мой дорогой, твой лучезарный вид что-то мне кажется подозрительным...

– Значит, говоришь, «лучезарный вид». Я и правда так выгляжу? – весело спросил он.

– Не то слово!

Окинув взглядом вестибюль, чтобы убедиться, что они одни, Скотт шепнул ей на ушко:

– Хочешь, я сообщу тебе новость? Я пришел, чтобы рассказать ее вам всем, но до того момента, пока потолок не рухнул нам на голову, я хочу, чтобы ты узнала первой.

– Так что за новость?

– Я... очень, очень влюблен. И ты ее знаешь.

Мойра поспешно освободилась, отступила, чтобы ей лучше были видны его глаза.

– Я ее знаю, ах вот оно что! Для меня, которая и шагу отсюда не делает, ответ очевиден. Нет, Скотт, ты же не мог сделать подобной глупости! Только не девчонка!

– Ей девятнадцать лет, она взрослая.

– Вопрос не в этом. Будет страшный скандал.

– Почему?

– Он еще спрашивает! Господи, я не хочу этого видеть, пойду и запрусь у себя в кухне!

– Подожди, – попросил он, удерживая ее. – Ты ведь даже не удивилась. Сразу догадалась?

– Она всегда смотрела на тебя влюбленными глазами, ничего не могла с собой поделать. Конечно, ты ничего не замечал. Но вот однажды вечером, когда мы собирались праздновать день ее рождения и Нил сделал ей предложение руки и сердца, вот тогда ты взглянул на нее по-другому. С того самого дня я молила Бога, чтобы ты встретил другую женщину, которая заставила бы тебя выбросить ее из головы.

– Другая женщина не сделала бы меня таким счастливым. Уже слишком поздно, Мойра.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– Я в этом уверен.

– Тогда... удачи тебе. Отец в своем рабочем кабинете.

Мойра действительно казалась очень обеспокоенной, но отнюдь не печальной. Они обменялись долгим взглядом, затем Скотт решительным шагом направился к галерее. Перед дверью он испытал мимолетную робость, длившуюся не более секунды, затем постучал и вошел.

– Ах, ты уже здесь! – радостно воскликнул Ангус. – Надеюсь, сегодня ты с нами пообедаешь? Мне уже надоело, что ты налетаешь, как ветер, и тут же исчезаешь.

Комната была вся в дыму, и Ангус пошел открыть окно, потом вернулся и только тогда затушил свою сигару.

– Насчет обеда – посмотрим, – начал Скотт. – Сначала я должен с тобой поговорить.

– Знаю-знаю, что ты мне скажешь! Это об этих двух гектарах? Послушай, разве у нас недостаточно земли?

– Какие еще гектары? – недоуменно проговорил Скотт, совершенно сбитый с толку.

– Те, что выставлены на продажу, по ту сторону от ложбины. Ты что, не в курсе? Они принадлежат Бейли, которые очень нуждаются в деньгах.

– Значит, надо купить.

– Я был уверен! В этом ты похож на своих предков, которые всегда стремились прирастить как можно больше землицы.

– А ты что, нет?

– Ну конечно же, я тоже. Раньше, наверное, я бы все скупил, вплоть до берега, если бы хватило средств. Но времена меняются. И я не хочу тратить деньги попусту. Ты уже и так сделал значительные вложения в винокурни.

– Вынужден был так поступить.

– Твои доводы мне известны. Проблема в том, что промышленная политика, которую ты проводишь, даст результат только через какое-то время. В конце-то концов, ведь мы еще пока не попробовали *твоего* виски.

Алкоголь должен был оставаться как минимум восемь лет в дубовых бочках, чтобы в процессе испарения исчезла ненужная терпкость напитка, чтобы ему могли присвоить категорию «односолодовый». Так что виски «Джиллеспи», который в данный момент фигурировал на винном рынке, еще не был творением Скотта.

– Я постарался сохранить лучших твоих работников, оплачивая их умение и опыт.

– И плюс к этому закупил кучу абсолютно ненужного современного оборудования.

– Потому что человеку свойственно ошибаться.

– В любом случае я не хочу обсуждать это с тобой. Я сам доверил тебе руководство винокурнями, продажи выросли, так что на сегодняшний день у меня претензий нет. Вернемся лучше к этим двум гектарам.

– Купи их. Для овец.

– Им не хватает места?

– Да, но...

– Ты хочешь *еще* больше овец? Нет ли у тебя мании величия, сынок?

– Я думаю о будущем. Прядильная фабрика непременно должна и дальше развиваться, она уже на правильном пути.

Ангус сдвинул брови, задумался, потом сделал немного небрежный жест.

– Предположим, ты прав. Ставка на землю всегда себя оправдывала. Но Амели этому не обрадуется.

– Почему?

– Наверное, потому, что она запланировала несколько иные, более приятные расходы, чем несколько гектаров вереска и чертополоха!

Эта мысль вызвала у Ангуса приступ хохота, и Скотт воспользовался этим, чтобы собрать все свое мужество и затеять разговор с отцом о главном.

– Я собирался поговорить с тобой о... Кейт, – решительно заявил он.

– О Кейт? Надеюсь, с ней все в порядке, она действительно из них самая симпатичная. Стоит вспомнить ее братьев, которые столько лет пили из меня кровь! Но она – никогда. Просто образец мудрости и ума эта девчонка.

– Сейчас ей девятнадцать.

– Знаю. И все-таки что же с ней случилось?

– Ну... мы оба с ней поняли, что равнодушны...

– К чему вы равнодушны?

– Друг к другу.

Ангус смотрел на него, ничего не понимая. Казалось, он ждал продолжения, но вдруг словно застыл.

– Ничего не могу понять!

– Мы влюблены друг в друга.

– Ты что, издеваешься надо мной?

– Нет, не издеваюсь. Я знаю, что это может показаться тебе странным, но все же это случилось.

После долгого молчания, во время которого он не отрывал взгляда от сына, Ангус наконец спросил ледяным тоном:

– Что это значит – «влюблены»?

– Мы с Кейт – любовники, – ответил Скотт, не отводя глаз.

– Ты и эта малышка – любовники?

Видя, что недоумение отца вот-вот обернется яростью, Скотт решил немного разрядить обстановку.

– Она взрослая, я тоже. И она мне не сестра, ведь это дочь Амели. Ничего страшного в этом нет.

– Да ты рассудка лишился, ей-богу! – прогремел Ангус и стукнул кулаком по столу. – Как ты посмел сделать нечто подобное? Ты хотя бы принял меры предосторожности? О, представляю реакцию Амели! Она же тебе вырвет глаза или яйца! На твоём месте я бы молчал. Почему, кстати, ты мне об этом рассказываешь? Я не желаю ничего знать. Забудьте об этом эпизоде и отправляйтесь искать себе пару в другом месте.

– Ну уж нет, это – серьезно.

– Серьезно? Да это чудовищно! Она, безусловно, сама наивность, но ты! Тебе должно быть стыдно, Скотт, лучше помалкивай об этом.

– Напротив, мы как раз не хотим ничего скрывать.

– Придется, согласен ты или нет. Вы просто не имеете права признаваться в таком.

– По правде говоря, отец, я не нуждаюсь в том, чтобы просить у тебя разрешения. Ни для того, чтобы любить Кейт, ни для того, чтобы говорить об этом открыто.

Ангус вдруг побледнел, челюсти его сжались, во взгляде засверкала ярость. Он встал.

– Да отдаешь ли ты себе отчет в том, что делаешь? Думаешь, мне мало пришлось испытать с тех пор как я женился на Амели? Джон сделал нашу жизнь практически невыносимой, Филип – гей, Джордж оказался полным ничтожеством! И все это время я платил за всех, за учебу, жилье и остальное. До сих пор только Кейт не причиняла нам беспокойства, а в результате именно она и сделала самое худшее! А ты, которого я пытался как мог оградить от всех этих дрызг, потому что ты мой единственный сын, ты переспал с девчонкой, да еще и похваляешься этим. Напоминаю тебе, что мы с Амели потеряли ребенка, это не так легко было пережить. И в то время, как я надеялся хотя бы конец жизни провести спокойно, именно ты, мой сын, все-таки запустил в меня гранатой!

– Я просто сказал правду.

– Такую правду я не могу принять.

– И что тогда?

Ангус, как будто бы Скотт ударил его, отступил на шаг и, наткнувшись на кресло, рухнул в него. Последовало долгое молчание, после чего он процедил:

– Вон из моего кабинета!

– Выйду, но только не будем ссориться. Я догадывался, что ты разозлишься, и мне очень жаль, что я не ошибся. Еще я знал, что и Амели плохо воспримет новость.

– Пустые слова, они ничего не значат!

– Но вы не должны забывать, что мы с Кейт – взрослые люди. И что это не случайное приключение, иначе мы не зашли бы так далеко и сегодня я не явился бы сюда, чтобы тебе об этом рассказать.

– Зачем ты это делаешь, скажи на милость? Если бы об этом никто не узнал, это никому не испортило бы жизнь и никого бы не касалось!

– Я не мог допустить, чтобы ты узнал об этом от посторонних людей. Повторяю, мы с Кейт не собираемся ни от кого прятаться. Мы не будем жить изгоями.

– Во всяком случае, вы здесь не появитесь до тех пор, пока будет продолжаться эта недопустимая связь.

– Как хочешь. Это твой дом.

Скотт не спеша встал, чтобы дать отцу время немного прийти в себя и обрести свой обычный невозмутимый вид. Но когда он уже собирался открыть дверь, Ангус спросил:

– И конечно, ты рассчитываешь на меня, чтобы я сообщил об этом Амели?

– Могу сделать это сам, если ты предпочитаешь.

– Разве так уж необходимо, чтобы она узнала?

– Да, так будет честнее.

– Честнее! – насмешливо повторил Ангус. – Какое дурацкое выражение...

Скотт сделал два шага в его сторону и остановился.

– Я не лжец и не хочу быть нечестным. Ты решил, что я пришел специально огоршить тебя плохой новостью, в то время как речь идет о счастье двух человек – Кейт и моем.

– Откуда тебе знать, жалкий ты идиот! Все у вас случилось так недавно! Вы отважились на запретное и теперь спешите предать ваши отношения огласке, ну и что дальше? Представь только, что ваши любовные делишки продлятся всего лишь сезон, и ради этого вы собираетесь пройти огнем и мечом по нашей семье!

До этих слов Скотт еще надеялся усмирить гнев отца, оставаясь спокойным и сдержанным, но внезапно он потерял терпение.

– Скажи, чего ради тебе так уж бояться Амели? Ты же знаешь, что она ненавидит меня с первого дня, потому что я твой единственный сын и что так или иначе наверняка помешаю ее планам. Ты не собираешься защищать ни меня, ни Кейт, хотя я знаю, что ты нас любишь. Амели представит нас преступниками, а ты заранее готов с этим согласиться! Не будь ее рядом, ты бы первый порадовался за нас, но из-за нее ты готов нас предать проклятию. Я всегда знал, что ты мало зависишь от чужого мнения и вовсе не боязлив. Кейт –

прекрасная девушка, лучшая из тех, кого я мог бы встретить, и тебе стоило бы меня поздравить. Однако ты предпочел вышвырнуть меня вон. Что ж, я уважаю твой выбор.

Скотт резко распахнул дверь и бросил отцу через плечо:

– Если ты заодно решил меня уволить, сообщи мне, пожалуйста!

Не слушая, что Ангус кричал за его спиной, он быстрыми шагами прошел по центральной галерее. Мойра все еще была в вестибюле, ожидая Скотта. Скотт хотел было поговорить с ней, но у него в горле стоял ком, поэтому он ей просто кивнул.

– Мальчик мой... – сказала она, протянув руку.

Как давно Мойра не произносила ему нежных словечек детства, очень давно. Он почувствовал, как она твердо сжала его плечо, наклонился и поцеловал ее, ничего не говоря. Потом вышел, сел в машину, завел ее, тронулся с места. В конце аллеи, как раз перед поворотом, он посмотрел, как в зеркале заднего вида исчезает фасад Джиллесли. Наверняка Мойра заметила, что его глаза блестели от слез, и Скотту стало стыдно, что он оказался настолько потрясенным поступком отца. Возможно, втайне он надеялся, что тот если и не будет с ним заодно, то хотя бы постарается его понять. А тот думал только о том, какую сцену устроит ему Амели. И весь этот урок морали, который он ему только что преподнес, имел, по сути, одну цель: ни в чем не противоречить дорогой супруге. Ни его любовь к сыну, ни привязанность к Кейт не шли ни в какое сравнение с боязнью разгневать Амели. Неужели он настолько боялся, что она его оставит? В таком случае он крайне наивен – никогда не оставит, слишком уж это место было для нее выгодным!

Смирившись, но с огромной горечью в душе, Скотт, выехав на дорогу, резко увеличил скорость.

* * *

Кейт так и лучилась счастьем. Девушке казалось, что у нее на подошвах пружинки, а все, что ее окружало, было частью чудесного сказочного мира. Скотт был ее возлюбленным, он говорил, что любит ее и смотрел на нее, как никогда не смотрел на Мэри. За такое счастье следовало, конечно, заплатить непомерную цену, это было

единственным облачком тени на лазоревом небосводе ее счастья, но она чувствовала, что готова всему противостоять, все принять.

Поставленный в известность Джордж, брат Кейт, был гораздо менее удивлен, чем она ожидала, сказав, что он заметил, что в последнее время отношение Скотта к ней сильно изменилось.

– Да и ты, старушка, тоже здорово переменялась! Подросток с косичками стал очень красивой девушкой, все мои приятели улыбаются тебе с глупым видом. Скотт не слепой, он, в конце концов, тоже стал тебя замечать.

Запустив руку в пакет с чипсами, лежавший у него на коленях, он вытащил оттуда горсть и протянул Филипу. Тот пришел к нему вместе с Малькольмом, чтобы пропустить по стаканчику, и они смеялись до колик, узнав эту сногшибательную новость.

– Ну и базар, должно быть, начался сейчас в Джиллеспии! – сказал Филип. – Мама обеспечит Ангусу настоящий ад, пока тот не сотрет с лица земли Скотта.

– Она его не любит, – подтвердила Кейт, – но, вспомните, вы его тоже сначала не любили!

– Что касается меня, то я бы влюбился в него с первого взгляда, – шутливо заметил Малькольм, снова рассмеявшись. – Я понимаю Кейт, ведь Скотт просто создан для того, чтобы нравиться.

Филип недоуменно поднял глаза к небу с фальшиво возмущенным видом, но на самом деле в их отношениях не было ни малейшего облачка. Кейт находила их трогательными и отказывалась выслушивать жалобы матери на этот счет. В любом случае теперь анафеме будет предана она, так что Филип отойдет на второй план.

– Мама умеет мстить, – напомнил всем Джордж. – Она так возненавидит Скотта, что...

– Но почему именно его? – возмутилась Кейт. – Нас с ним двое!

– Ты – ее дочь. Она, конечно, будет ругать тебя, но не сможет причинить тебе зла. В то время как благодаря бесхарактерности Ангуса она очень даже способна добраться до Скотта.

– Я поеду и поговорю с ней, – решила Кейт.

– И ты думаешь, что сможешь ее успокоить? Вы поссоритесь, только и всего.

Джордж надул пустую пачку из-под чипсов, и раздался громкий хлопок.

– Выпьем еще? – спросил он приятелей.

Филип и Малькольм согласились, но Кейт больше не хотела пить. Чуть позже у нее была назначена встреча со Скоттом в «Аботсфорде», пабе на Роуз-стрит, и она хотела сохранить мысли ясными, чтобы услышать рассказ о его переговорах с отцом. Огорченная, что ей пришлось отпустить на такое важное дело его одного, Кейт не могла поехать, так как должна была оставаться в Эдинбурге в дни лекций в университете. Так что когда ей приходилось ночевать в квартире, которую она делила с Джорджем, девушка всегда страшно переживала, что не может сейчас находиться в Глазго, и она уже задумывалась над тем, чтобы туда перевестись для продолжения учебы. И тем не менее оставить Джорджа одного в квартире тоже представляло проблему, если, конечно, она не подыщет ему подходящего второго жильца. Согласится ли на это Ангус? Не повредят ли и Джорджу все эти пертурбации в конечном итоге?

– У тебя вибрирует телефон, – сказал сестре Филип.

Кейт поспешно взяла его и прочитала сообщение, которое прислал Скотт: *Все прошло довольно плохо, как мы и предполагали, но, по крайней мере, теперь – полная ясность. Я буду вовремя, дорога свободная. Безумно люблю тебя.*

– Ну вот и обещанная драма, – заявила она огорченно.

– Не печалься ты так, тебе не в чем себя упрекнуть, – сказал Малькольм, похлопывая ее по руке.

– Тебе этого не понять, – возразил Филип. – Твои родители – ангелы, они никогда не осуждали тебя и то, что ты делаешь, они все равно считают тебя самым лучшим. Наша мама – совсем другое дело, она сразу выпускает когти, если в чем-то не согласна с нами. У нее всегда был только Джон, ее любимчик, которому позволялось все что ему угодно, и, кстати, он в результате так и поступил! Но если дело коснется Кейт, с мамой случится нервный припадок.

– Ну и пусть, так ей и надо!

– Про нее я не говорю, но ты только представь последствия. Предположим, Ангус отстранит Скотта от руководства всеми делами на винокурнях?

– И кому тогда он это доверит? – вмешался Джордж с ироничным смешком. – Ангус не безумец, насколько мне известно.

– Не хочу, чтобы у них все пошло наперекосяк, – сказала Кейт. – Я не позволю. Мне не вынести, если я узнаю, что Скотта из-за меня отстранили от руководства винокурнями.

Она вдруг с тревогой осознала это. В последнее время девушка чувствовала себя настолько счастливой, что старалась не думать о препятствиях, которые неминуемо должны были встать на ее пути. Скотт всячески старался вселить в нее надежду на лучшее, казался надежным защитником от любого постороннего зла, все время твердя ей, что они – взрослые люди, но разве можно было не принимать во внимание реакцию Ангуса и Амели? Как он мог не опасаться самого худшего?

– Мы всегда будем рядом, если у тебя возникнут проблемы, – спокойно заверил ее Малькольм.

– Ты очень хороший.

– Но ведь это нормально, ты – почти моя невестка! – ответил он с обезоруживающей улыбкой.

Кейт тоже улыбнулась ему в ответ, от души забавляясь словом «невестка». Малькольм и ее брат вели себя как влюбленная парочка и не скрывали своих чувств, безразличные к мнению других людей. Амели, конечно, это не нравилось, но она приняла решение не раздувать скандала и лишь поджимала губы, когда ей приходилось принимать их у себя в доме. Увы, она не поступила бы так же, если бы речь зашла о Скотте, уж слишком она его ненавидела.

– Возможно, вам придется убежать на край света вдвоем, как проклятым всеми любовникам, – продолжал насмешничать Малькольм. – Это безумно романтично!

– Зачем им бежать? – запротестовал Джордж. – Они не совершили никакого преступления.

– Совершенно верно, – поддержал его Филип. – Если люди любят друг друга, остальной мир не должен для них существовать.

Малькольм бросил на него полный нежности взгляд, а затем потряхнул пустым бокалом.

– Так выпьем! Давайте выпьем за большую любовь, идет?

Это был тост, от которого Кейт никак не могла отказаться. Но она, сделав лишь несколько глотков, вскоре поднялась и пошла переодеваться. Каждое свидание со Скоттом заставляло ее сердце биться чаще, и каждый раз она вспоминала, какую смелость, чтобы не

сказать наглость, она проявила тогда, поджидая его в спальне в тот благословенный вечер, когда они стали любовниками. Никогда Скотт не сделал бы первого шага. Иногда для того, чтобы добиться счастья, нужно совсем немного, почти ничего, но очень важно поймать удачу за хвост. Кейт ее поймала и собиралась держать ее крепко.

* * *

Амели наконец заснула, повернувшись к мужу спиной, как он и ожидал. Ангус воспользовался этим и бесшумно поднялся с постели. Надев халат, он на цыпочках прошел через спальню. Возле двери он на мгновение задержался, но дыхание Амели было ровным, она даже слегка похрапывала. Выйдя, он прошел по коридору, поднялся этажом выше и постучал в комнату Мойры. Она сразу же ему открыла, из чего он сделал вывод, что и она тоже не спала.

– И у тебя бессонница? – спросила сестра, внимательно на него посмотрев.

– Да, так и не удалось уснуть, – вздохнул он.

– Я так и думала. А что Амели?

– Уснула в конце концов.

– А ведь была в таком состоянии...

– Конечно! Чего же ты ожидала? Думала, она разразится аплодисментами?

– Нет, но ведь никто не умер.

Закутавшись плотнее в халат из тартана, она первая села в одно из двух кресел, стоявших возле потухшего камина. На верхние этажи бревна давно уже никто не носил – их отлично имитировало газовое устройство, которое она тут же включила.

– Скотт действительно всадил мне нож в спину, – усаживаясь, вздохнул Ангус.

– К тебе это не имеет отношения. Просто он влюбился в малышку, вот и все.

– Амели так и не смогла понять, когда это он успел!

– Что значит «успел»? – спросила Мойра с недоумением.

– Сколько тогда ей было лет, когда он начал к ней присматриваться, так сказать.

– Ангус! Ну как ты можешь думать такое! Про твою жену не скажу, она могла, ведь она с самого начала невзлюбила Скотта, но ты! Он никогда к ней не «присматривался», как ты изволил изящно выразиться. А случилось это в тот день, когда Нил Мюррей собрался вручить ей обручальное кольцо. Вот тогда Скотт понял, что Кейт давно уже не ребенок. Во всяком случае, до этого он не часто приходил нас навещать, вспомни-ка...

– Ну если ты говоришь...

– Я так говорю потому, что это правда! Твой сын – порядочный, хороший человек, Ангус. Ты и сам это знаешь, так что не позволяй никому уверять тебя в обратном.

– И все же я остаюсь при мнении, что он не должен был никогда даже смотреть в ее сторону! Почему именно она, черт возьми? Разве мало в Глазго красивых девушек, и я уверен, что он смог бы заполучить любую, какую только захотел. Выбрав же Кейт, он словно намеренно хотел отомстить Амели.

– Отомстить? – усмехнулась Мойра. – У него что, есть на то причины?

– Не играй словами. И говори со мной повежливее, пожалуйста, за сегодняшний день я наслушался достаточно криков.

Когда он наконец решился поставить Амели в известность, все дальнейшее было ужасно, вечер был полностью испорчен. Злобно вопя, угрожая и носясь волчком вокруг него, жена сначала осыпала упреками Ангуса, после чего обрушилась на Скотта, изрыгая поток ругательств. Наконец она обозвала Кейт идиоткой и безмозглой курицей, но пылу у нее уже поубавилось, ибо главный запас был израсходован на Скотта. Винула она в основном, разумеется, его, а не дочь. Само собой, она запретила обоим отныне переступать порог Джиллеспи. Накричавшись до изнеможения, Амели принялась рыдать, вцепившись в Ангуса, до того обессиленная, что мужу фактически пришлось тащить ее до спальни.

– Дай грозе отшуметь, – посоветовала Мойра. – В конечном итоге она это примет.

– Она? Похоже, ты ее не знаешь!

– Да, мне порой нелегко ее понять. Зато ты – мой брат, и мы можем поговорить по душам. Полагаю, за этим ты и пришел, постучавшись в мою дверь?

Ангус вздохнул, но даже и не попытался протестовать. Он чувствовал себя старым, выпустившим ситуацию из-под контроля, и ему сейчас очень не хватало мирной рассудительности сестры.

– Что ты собираешься делать?

– Я сказал Скотту держаться подальше отсюда.

– Он уехал очень расстроенный. Значит, ты попросту выставил его на улицу?

– Не помню точно, какие слова я тогда говорил, но... несомненно, мы с ним поссорились. Было такое впечатление, что он не пожелал считаться с моим мнением.

– Что ж тут удивительного? Ему двадцать восемь лет! Он уже не тот мальчишка, которого ты отправил в пансион, потому что счел его наглецом.

Ангус знал, что Мойра все еще досадовала на него за тот поступок. В то время она была очень огорчена его решением, считая, что Скотт слишком молод, чтобы разлучать парнишку с семьей, тем более после недавней смерти матери. Однако со Скоттом все получилось как раз хорошо. Ангус отправил его в высокочеловеческое заведение, где ему было обеспечено прекрасное образование и безупречное воспитание. Несмотря на всю свою нежность, Мойра не смогла бы так же хорошо справляться с настолько буйным мальчишкой, каким он тогда был.

– Амели хотела, чтобы я поставил Скотта перед выбором, – вдруг резко произнес Ангус. – Или он перестает встречаться с Кейт, или пусть ищет себе работу в другом месте.

Мойра ошарашенно посмотрела на него, прежде чем разразиться смехом.

– Хороша, эта твоя... нечего сказать! Неужели ты дойдешь до такого? Не могу поверить, что ты посмеешь даже помыслить об этом... Ну вот она окончательно и прижала тебя к ногтю!

– Не вижу ничего смешного. Это моя единственная возможность как-то надавить на него.

– Надавить? Размечтался! Да он пошлет тебя ко всем чертям, и вы рассоритесь на веки вечные. Скотт найдет себе работу в другом месте, у него солидный диплом, и он уже имеет доказательства успешной работы в виноделии. Но что будет с тобой? Ты планируешь «перестроиться» и вновь вернуться к работе? Сейчас ты – пенсионер,

и тебе это нравится. На самом деле ты очень рад, что передал руководство винокурнями Скотту, который заботится о них, отдает им всю душу. Работа его приносит неплохие плоды, и к тебе притекают денежки. Ты же сам кричал на всех перекрестках, что он принимает правильные решения, что он все модернизировал без сучка без задоринки и придал новый импульс производству на винокурнях Джиллеспии. Ты же сам все это говорил, Ангус!

– Незаменимых людей нет, – проворчал он.

– Да ладно, не будь дураком. Ты что, собираешься нанять на его место незнакомца, к которому у тебя нет доверия? И все это ради того, чтобы усмирить ярость жены?

Ангус опустил голову и уставился на газовое пламя в камине. Через некоторое время он тихо произнес:

– Я тебе кое в чем признаюсь, Мойра... Вы все думаете, что я боюсь Амели, но это не так. Я только боюсь, что она уйдет. Мой худший кошмар – снова оказаться в одиночестве. Я ненавижу свое вдовство и то, что мне приходилось ездить в Глазго, чтобы... Да ты сама все понимаешь. Когда я встретил Амели, я не сразу поверил в свою удачу! Я согласился на все – принял ее четверых детей и сложилый характер, потому что не мог прийти в себя от счастья, что, наконец, появился кто-то, кому я нужен и кто готов последовать за мной сюда. Я не очень соблазнителен, я знаю это, намного старше ее, и живем мы в забытом богом углу. Тогда пойми меня – я горжусь, что могу показаться на людях с такой женой, что такая привлекательная женщина разделяет со мной постель. Я хочу, чтобы она осталась.

Не торопясь реагировать на неожиданную исповедь брата, Мойра молчала.

– Не знаю, как это у вас получается, – добавил он еще тише: – Ты всегда была одна... и Дэвид так же. Мне трудно это вынести, мне нужна женщина рядом, чтобы я мог существовать.

Он слишком поздно осознал невольную жестокость своих слов. За то, что Мойра так и не вышла замуж и не познала супружеской любви, он тоже нес свою долю ответственности. Разве не он оттолкнул от нее всех возможных претендентов, не он слишком ревниво следил за ней, когда она была молодая?

– Амели угрожает тебе, и ты ей веришь, – вздохнула она. – Какая наивность! Она не уйдет, Ангус, она не бросит тебя. Да и куда ей

идти? Кроме того, она очень ценит этот дом, и особенно общественное положение, которое ты ей преподнес вместе с браком. Ты исполняешь все ее прихоти, у нее нет материальных забот. Поскольку она никогда не работала, что она станет делать, если вдруг оставит тебя? Нет, если уж чего она и желает превыше всего, то главенствовать здесь, быть единственной, кто властвует над тобой и над Джиллесли. Мы с Дэвидом в счет не идем, она это ясно дала нам понять, а вот Скотт для нее как огромная заноза. Она-то хотела бы, чтобы Джон когда-нибудь здесь всем заправлял, но он не пожелал, теперь, возможно, она решила сделать ставку на Джорджа.

– Ты считаешь ее настоящим чудовищем!

– Вовсе нет. Она стремится обеспечить будущее своих детей, и я это понимаю, но хочу, чтобы делалось это не в ущерб твоему сыну. Не позволяй ей разлучить тебя со Скоттом, Ангус, позже ты горько пожалеешь. Ты любишь Скотта и гордишься им, он – твоя настоящая семья. Если ты откажешься от сына, он тебе этого не простит.

В отчаянии Ангус положил локти на колени и взялся за голову обеими руками.

– Так что я могу сделать? – пробормотал он.

– Покажи ей дулю.

– Но она требует...

– Она ничего не имеет права требовать! Пусть всю ругает Кейт, если уж ей так угодно, а ты уже сказал, что думаешь о поступке Скотта. Остановитесь пока на этом.

Как ни парадоксально, слова Мойры его успокоили. Без сомнения, он надеялся услышать, что сестра станет защищать его сына, но, главное, он получил от нее поддержку в том, что спешить с важными решениями не стоило. Нет, Амели действительно не уйдет. Она подуется какое-то время, продолжит ему угрожать, будет обращаться с ним как с последним болваном, но, скорее всего, от него не откажется.

Он встал и улыбнулся сестре.

– Знаешь, ты права: это еще не конец света.

Когда Ангус подходил к двери, улыбка его стала еще сердечнее, и он повернулся к Мойре, чтобы заявить:

– Никому не повторяй того, что я сейчас скажу, но, по моему мнению, мой сын и эта малышка – прекрасная пара, не правда ли?

Примерно в то же самое время Скотт и Кейт тихонько переговаривались в своем номере. Чтобы не смущать Джорджа, Скотт отказался остаться у них на ночь, а поскольку Кейт не хотела с ним расставаться, Скотт снял для них номер в отеле «Шотландец», расположенном в самом центре Старого города. Не привыкшая к роскоши, Кейт дивилась всему, когда туда пришла: от отделанной мрамором ванной комнаты до чудесного уютного диванчика, установленного напротив окон. Веселость подруги тронула сердце Скотта. У него было странное впечатление, что он вроде бы хорошо знал Кейт, но в то же время многое открывал в ней заново. Она была самой близкой незнакомкой на свете, и он не сводил с нее глаз, лишь удивляясь тому, какой невероятной силы чувство он к ней испытывал.

Не в состоянии никак насытиться друг другом, они долго занимались любовью, а затем Скотт заказал бутылку французского белого вина, которое они пили, вместе принимая ванну. Тесно прижавшись к нему, Кейт предавалась воспоминаниям, от которых они хохотали до слез:

— А эта пара лакированных туфель! Мне тогда исполнилось четырнадцать лет, и я упростила маму мне их купить, в то время как ты их даже не заметил! Просто ужас! Я тебя весь день выглядывала с вершины беседки, а когда ты вечером пришел, я спустилась по лестнице и подошла к тебе, но ты не заметил этих чудесных лакированных туфелек! Правда, я обула их с носками, наверное, это выглядело чудовищно...

— Ты что, ждала меня каждым вечером?

— О да! Решетка твоего джипа выгравирована у меня на сетчатке.

— С тех пор я его давно сменил.

— Но все равно это тоже джип, и я узнаю шум его мотора с закрытыми глазами.

— У меня никогда не было ощущения, что за мной следят.

— И все же именно так и было. Я бы продала душу дьяволу, лишь бы ты обратил на меня хоть немного внимания. В школе во время занятий я думала только о тебе, ты стал моей навязчивой идеей. Но хотя бы костюмированный школьный бал ты помнишь?

– Тогда я пошел с тобой потому, что у тебя не нашлось кавалера. Но, если честно, больше я не помню никаких подробностей.

– О, а я помню все! Ты пригласил меня на танец, и я так была тронута этим, что дрожала, как кленовый листок, и не переставала наступать тебе на ноги. Все девчонки тогда мне завидовали, по их словам, ни у кого не было такого замечательного старшего брата. Но для меня ты вовсе не был братом, ты был парнем, который меня сопровождал на бал, и я была на седьмом небе от счастья! Это в тот самый вечер я вдруг впервые вообразила нас влюбленной парой. Я представлялась себе тогда королевой бала, но тут и произошел эффект Золушки: ты отвез меня домой еще до полуночи, и, конечно, ты и не думал поцеловать меня. Ну а когда я потом посмотрелась в зеркало в моей спальне, я поняла, что для тебя я была просто некрасивым и нескладным подростком.

– Кейт...

– Да, тебе еще многое предстоит себе простить! Сам того не зная, ты сделал меня одновременно и безмерно несчастной, и сумасшедшей от счастья на протяжении всей моей юности. Причем ощущавшей чудовищное чувство неловкости, поскольку я понимала, что это ненормально – боготворить человека до такой степени. Но как же здорово это было – все время думать о тебе, иметь в саду тайное местечко, где мы впервые заговорили с тобой...

– Ладно, – сказал он, поглаживая ее по волосам, – я возьму твою детскую любовь сторицей, клянусь.

– Уверен? А что если я тебе надоем?

– Не думаю.

– Никто ничего не может знать о будущем, ведь правда?

Он взял личико Кейт в ладони и внимательно на нее посмотрел.

– А ты? Где гарантия, что я первый тебе не надоем? В конце концов, если я был твоей мечтой, как ты мне рассказала, то теперь, когда мечта реализовалась, она может исчезнуть. Если я правильно понял, ты создала из меня идеал, и, если я окажусь не на высоте, ты быстренько во мне разочаруешься.

Она рассмеялась и вырвалась из его рук, откатившись на другой конец кровати.

– Не надейся, что ты так легко отделаешься! Ты меня плохо знаешь, если уж я вцепилась в свой идеал и получила его, я уж его

никуда не отпущу! Впрочем, ты не можешь меня разочаровать, я знаю все твои недостатки.

– Да неужели?

– Ты вспыльчив, упрям, с большим самомнением, может, даже склонен к ссорам, во всяком случае, типичный *единственный сыночек*... Но, по крайней мере, не жадный: отель – прямо королевский дворец!

Точно замороженный он смотрел, как она, совершенно обнаженная, крутится посреди комнаты. За несколько недель им удалось преодолеть все условности, связанные с нелепостью их ситуации, и близость между ними стала абсолютно естественной.

– Кейт, если только это возможно, переведись в наш университет и поживи со мной в Глазго. Мне не хочется все время думать о том, что ты так далеко.

Внезапно посерьезнев, она посмотрела на него с делано важным видом.

– Что я слышу? Но ты же такой... черт, забыла слово, ты же такой независимый!

– Теперь нет. Только не рядом с тобой.

Скотт сразу вспомнил, как он упорно отказывался поселиться в доме Мэри во время их романа. А ведь тогда он был в нее влюблен, однако перспектива совместной жизни приводила его в содрогание. Зато с Кейт все было по-другому, она полностью преобразила его взгляд на любовь и совместное будущее.

– Только если ты не готова, не чувствуй, пожалуйста, себя обязанной.

– Смейся надо мной? Да я на животе приползу к тебе! Единственная проблема – Джордж.

– Мы найдем ему другого соседа по комнате.

– Он сам все найдет. Его подружка тоже ищет жилье, да они будут прыгать от радости!

– У него есть девушка?

– С недавних пор – да. Таким образом, все может наладиться, разве что твой отец, возможно, не согласится.

– Почему? Ему придется платить вдвое меньше за аренду. Я знаю, что он не хочет больше и слышать о нас в данный момент, но при чем здесь Джордж?

– Надеюсь... Знаешь, я решила поговорить с мамой.

– Плохая идея. Пусть сначала отшумит гроза.

– Нет, это трусость. Я хотя бы позвоню ей и объясню, что люблю тебя, что я очень счастлива и она должна это принять, потому что ничего не сможет изменить.

Полный сомнений на этот счет, Скотт не сделал попытки заставить Кейт изменить мнение. Отношения Кейт с матерью касались только ее, он не захотел вмешиваться, хотя и знал, что Амели наговорит ей о нем всяких ужасов и что в конце концов Кейт в ярости бросит трубку. К чему лишняя ссора?

– Нарыв нужно вскрыть, Скотт. Потому что я не смогу вынести, если Ангус, следуя дурным советам мамы, возьмется за тебя как следует.

– Посмотрим, – уклончиво ответил тот, чтобы ее не волновать.

Не имея никаких известий об отце, он ежедневно отправлялся на винокурни в Гриноке и в Инверкипе, работая там не покладая рук. Если его лишат управления винокурнями и прядильной фабрикой, ему придется оставить целых три предприятия с прекрасными перспективами. Но в данный момент он не хотел об этом думать, поскольку это стало бы для него слишком уж большим разочарованием – не дожидаться результата усилий, которые он предпринимал все последние годы. Неужели его отец до такого дойдет? По сути, это было маловероятно, но в итоге многочисленных споров и препирательств ситуация могла резко ухудшиться. Привязанность к семейной марке виски «Джиллеспи», с одной стороны, и реальная угроза быть отстраненным от любимой работы в сущности по пустяковой причине – с другой вызвали у него раздражение и чувство безысходности. Но коль уж ему уготована судьба быть уволенным по прихоти отца или его жены, то он предпочел бы опередить события и самому подать в отставку. Разумеется, при этом он не собирался работать на конкурентов или менять профессию.

– Ты чем-то озабочен, – заметила Кейт, подойдя к нему ближе.

Она прижалась к Скотту, положив голову ему на плечо.

– Уже почти два часа, красавица, нам надо поспать.

Готовый на все, чтобы только не потерять ее, он пообещал себе, что в отношениях с отцом не станет подливать масла в огонь. Но

предложив Кейт жить с ним, разве он уже не начал это делать? Скотт подавил вздох и крепче прижал любимую к себе.

* * *

— Анютины глазки, может, и прелестны, но их приходится высаживать каждый год. Кроме того, они столько пьют, настоящие пропойцы! Нет, куда лучше многолетники, они гораздо экономичнее и не требуют частого полива.

На этот раз Амели не стала возражать Дэвиду. Она лишь испытала легкое сожаление по поводу воображаемой клумбы из анютиных глазок, а потом предложила другие сорта. Со временем она отказалась от идеи управления парком, Дэвид ухаживал за ним вполне сносно, чтобы тот не потерял своей индивидуальности. И надо отдать должное, он трудился за четверых. Результаты не всегда были одинаково хороши, но, если учесть размеры парка и капризы погоды, приходилось довольствоваться и этим.

— Во всяком случае, кусты отлично подстрижены, мне очень нравятся эти большие шары, у вас это здорово получилось.

Если Дэвид и удивился, получив от нее комплимент, то виду не показал. Амели улыбнулась ему и стала удаляться по аллее. На свежем теплом воздухе ей вдруг захотелось посидеть на каменной скамье, что она и сделала с большим удовольствием. Здесь, подальше от дома, она могла спокойно поразмышлять. Вот уже много дней Амели задавалась вопросом, что все-таки ей следовало сказать Кейт? Какими способами давления на дочь она располагала? К какому аргументу Кейт могла прислушаться? Даже знать, что ее дочь влюблена в Скотта, уже было ей противно, что уж говорить о том, чтобы представить ее с ним в одной постели! Особенно еще и потому, что никто вовремя ничего не заподозрил, ни она сама, ни Ангус, ни... Не догадывалась ли Мойра? Как бы то ни было, их обязательно нужно разлучить. Но только каким образом это сделать?

Она постаралась спокойно подумать о дочери. Очень симпатичная девушка, скромница и отличная ученица, она должна была еще больше расцвести в пору своего студенчества в Эдинбурге. Наверняка там не было недостатка во встречах с молодыми людьми ее возраста, почему

же она остановилась на Скотте? Каким чудом ему удалось ее соблазнить? Конечно, Кейт всегда была в восторге от Скотта, восхищалась им, но ведь все это было увлечением маленькой девочки. Неужели он этим воспользовался?

Амели смахнула мошку, опустившуюся ей на щеку. Думая о Скотте, она всегда чувствовала, как ее захлестывает гнев, даже когда это и не имело отношения к дочери. Ей сразу не понравился этот самоуверенный тип, которому все удавалось, за что бы он ни взялся, в отличие от ее сыновей. Одно время она пыталась противопоставить ему Джона, но борьба была короткой и безрезультатной, заранее обреченной на провал. И вот Джона здесь больше нет, он бросил ее, не думая о материнских чувствах, точно так же, как в свое время поступил с ней Майкл, наплевав на семью. Отъезд Джона был страшным разочарованием для Амели, она считала его предательством. Следующим оказался Филип, объявивший себя гомосексуалистом и вполне довольный этим статусом, который тоже ушел к своему другу Малькольму и очень редко давал о себе знать. А теперь вот Кейт...

Дэвид что-то крикнул ей издалека, но она не поняла что и лишь махнула ему рукой. Пусть делает, что хочет, все эти посадки сейчас совсем не занимали ее мысли. Она повернула голову, чтобы полюбоваться особняком, находившимся позади нее, который очень выигрывал при ярком свете дня. Что и говорить, теперь она владела потрясающей недвижимостью, особняк оказался куда красивее в реальности, чем тогда на фото, которое ей показывал Ангус шесть лет назад в Париже. Снимок-то все и решил тогда, заставив ее внимательнее присмотреться к сидевшему напротив шотландцу. Если бы она могла догадаться, что эта встреча поставит с ног на голову всю ее дальнейшую жизнь! Нет, нельзя сказать, что она о чем-то жалела, однако она не получила того, что хотела. Ангус ее нежил и баловал, старался во всем угождать, опасаясь ее реакции, однако, что он ей дал за это время, кроме титула официальной супруги? Что произойдет, если он, например, умрет? Ведь он больше чем на двадцать лет старше ее, вот когда возникнет настоящая проблема! С этого дня Скотт станет для нее не просто неприятным членом семьи, а непримиримым врагом. Ах, если бы она смогла тогда выносить ребенка! И благодаря фатальному совпадению потеряла она его именно в тот день, когда

Ангус собирался заверить у нотариуса завещание в ее пользу. С тех пор вопрос об этом больше не поднимался.

Она вздохнула и закрыла глаза, сосредоточенная на своих проблемах. Кейт была слишком волевой, чтобы позволить себя уговорить положить конец отношениям со Скоттом. Она уверяла ее в своей безумной любви к нему и утверждала, что чувство было взаимным. Хорошо... Нельзя ли из этого извлечь какую-нибудь пользу? Трудно и слишком рискованно было бы настраивать Ангуса на то, чтобы он поссорился с сыном. Да и они всегда смогут рано или поздно помириться. А что если наоборот – призвать его к ответственности? Если его сын захотел Кейт – что ж, пусть получит ее, пусть женится на ней!

Идея была пугающей, но и заманчивой. Разве не сулит это ей определенные преимущества, если Скотт будет вынужден заключить брак с дочерью? Как это не пришло ей в голову раньше? Понравится это ему или нет, какая разница, он будет обязан подчиниться! Ведь Ангус постоянно твердил, какой его сын прямой, честный и правильный. Вот и пришло время доказать. Если молодые люди и правда поженятся, Кейт станет настоящей Джиллеспи и принесет законное потомство Ангусу!

Не в силах усидеть на месте, Амели поднялась со скамьи и стала прогуливаться по аллее, оставаясь на значительном расстоянии от Дэвида. Она еще должна все обдумать, рассчитать детали своего плана. Став теперь уже и *тещей* Скотту, она заставит его относиться к ней с должным уважением. Значит, впоследствии у нее появится куда больше рычагов, чтобы воздействовать на него по той простой причине, что из-за опасения обидеть Кейт он не посмеет пренебрежительно относиться к ее матери. К тому же Скотт был очень хорошей партией, даже лучшей, чем Нил Мюррей. Решительно, в этом союзе была масса преимуществ, в числе которых и несомненная признательность Кейт: безумно влюбленная, девушка будет не просто счастлива, но также поражена и обрадована, что получила поддержку матери. Да и Ангуса все в этом браке должно устроить – ведь отныне в семье воцарится мир.

Очень довольная собой, Амели наклонилась, чтобы сорвать несколько тюльпанов, и услышала издалека протестующий возглас Дэвида:

– В вазе они моментально увянут!

– Может быть, но мне так хочется, – тихо проговорила она.

Стоило ли ей поделиться своей мыслью с Ангусом? Или предупредить Кейт? Нет, пока лучше помолчать и подготовить до мелочей пламенную речь, которую она собиралась адресовать Скотту.

* * *

– Кейт! Как же давно мы не виделись... Ты так выросла и потрясающе выглядишь!

Мэри, встретившись с ней, остановилась и окликнула девушку. По-прежнему элегантная, немного больше обычного отрастившая светлые волосы, она и сама была в отличной форме.

– Ну, давай рассказывай мне обо всех! Как идут дела на фабрике? А Скотт, что с ним сейчас?

Произнеся имя Скотта, она слегка вздрогнула, по лицу ее пробежала едва заметная тень. Застигнутая врасплох, Кейт смущенно улыбнулась и стала думать, как бы ей более правильно и нейтрально изложить Мэри новости.

– Фабрика начала приносить неплохую прибыль. Твои работы были высоко оценены покупателями, и коллекции хорошо продаются. В этом году Скотт нанял на работу нового стилиста, кажется, итальянца.

– А как винокурни?

– Они постепенно модернизируются. Если ты помнишь, Ангус не очень-то любит нововведения, но Скотт в конце концов настоял на своем.

– Как он сам поживает, чем занимается? – настаивала Мэри.

– У него все прекрасно.

– До сих пор не женат? Ни в жизни, ни в квартире по-прежнему нет женщины?

– Если честно...

– Извини, я не должна была тебя атаковать всеми этими вопросами, но скажу откровенно, я до сих пор не могу прийти в себя после нашего разрыва. Вернувшись в Шотландию, трудно не вспоминать о нем, проходя по улицам, где с ним было столько связано.

– Ты здесь надолго? – поспешила сменить тему Кейт.

– Нет, я проведу у родителей всего несколько дней, но я подписала новый контракт в Лондоне с одним ювелиром. Буду рисовать столовые приборы и подсвечники, это будет для меня прекрасный опыт. Но что мы здесь стоим? Позволь угостить тебя чаем.

– Извини, мне пора на занятия, я как раз ждала автобус.

– Ты учишься в университете?

– Готовлюсь к экзаменам на звание учительницы по французскому языку.

– Bravo! Решила посвятить себя образованию?

– В общем, да.

– Ученики тебя будут любить, это уж точно. Так что, ты никак не сможешь выкроить для меня хоть четверть часа?

Кейт догадывалась, что, если она задержится, Мэри снова заведет разговор о Скотте. Видимо, она все еще думала о нем и, возможно, будет пытаться с ним встретиться во время своего пребывания здесь. Чтобы девушка не строила напрасных иллюзий, Кейт решила расставить все точки над «и».

– Если только по чашечке кофе по-быстрому, – уступила она.

Обрадованная Мэри повела ее в ближайший чайный салон. Заказав напитки, они уселись за маленьким столиком возле самой двери.

– Что касается Скотта... – начала Кейт.

– О, это не тот человек, которого легко забыть, – прервала ее Мэри. – И все же он здорово меня удивил! Мне всегда казалось, что он был очень в меня влюблен, но отчего-то не хотел, чтобы мы жили вместе. Не говоря уже о свадьбе, от нее он сбежал бы на край света. Если уж быть до конца откровенной, не скрою, что у меня осталось ощущение незавершенности. Впрочем, я сама все испортила, постоянно приставая к нему и подталкивая к браку. Будь у меня возможность все изменить, сейчас я ни за что не повторила бы своей ошибки. Не знаешь ли ты случайно, есть сейчас у него кто-нибудь? С тех пор как я приехала в Эдинбург, я умираю от желания ему позвонить... Я...

– Остановись на секунду, Мэри. Да, у него есть кто-то, и эта «кто-то» – я.

Лицо Мэри резко изменилось, она с недоумением уставилась на Кейт.

– Ты? Нет, я, наверное, в бреду...

Она нервно сглотнула и посмотрела куда-то в сторону. Умирая от жалости к ней, Кейт не знала, что говорить дальше, но Мэри, наконец, обрела дар речи, и это был взрыв негодования:

– Мне невозможно это представить. На самом деле. Он всегда воспринимал тебя как сестренку... Это же полное бесстыдство с его стороны!

– У нас с ним нет родственных связей.

– Вот уж не думала, что Скотт на такое способен!

– Почему? Мне уже девятнадцать лет, Мэри.

– Но не ему! Скотт не из твоего поколения.

Страшное разочарование Мэри вскоре переросло в настоящий гнев:

– Значит, тебя не тянет к студентам твоего возраста? Что может дать тебе Скотт? Сколько раз я тебе говорила, что он до ужаса независимый человек. Ничего, кроме интрижки, он тебе не предложит! Вероятно, в вашей семье не в восторге от такого оборота дела, ведь так? Ты просто сошла с ума, раз уступила ему. Спасайся скорее от него, пока ты еще не слишком к нему привязалась, послушай меня!

Мэри резко встала, едва не перевернув столик, в то время как Кейт словно приросла к месту, слишком обескураженная, чтобы возражать.

– Ты еще совсем девчонка, это видно по всему, ты не знаешь жизни и Скотта не знаешь, – грубо бросила Мэри, перед тем как уйти.

Через окно чайного салона Кейт смотрела, как она удалялась. Высокая, стройная, Мэри была очень элегантна даже сейчас, находясь в полном смятении. А ведь всего несколько лет назад Кейт так ей завидовала! В то время все считали, что они со Скоттом были великолепной парой, и все же он ее бросил. И, как сама Мэри ей призналась, она все еще не отошла от этого.

Оставив нетронутой чашку с чаем, Кейт тоже встала и вышла из салона. Была ли Мэри права, предостерегая ее, или это всего лишь злобная реакция? Какая разница, никогда Кейт не усомнилась бы в словах Скотта. Со дня приезда в Шотландию она привыкла доверять ему во всем, и это останется неизменным. Увидев издали

приближавшийся к перекрестку автобус, девушка бросилась бежать, чтобы его не упустить.

* * *

– Вы действительно поженились? Ну, Бетти, я не знаю, что вам сказать. Ах да! Мои поздравления!

Громкий смех Бетти заставил Скотта отодвинуть телефон от уха.

– Не слишком приятная для вас новость, не так ли? Послушайте, я знаю, что все очень удивятся, но Джон действительно полностью изменился с тех пор, как мы оказались во Франции. Я нашла здесь себе работу бухгалтера, и мы решили воспользоваться этим, чтобы пожениться. Я познакомилась с его отцом, который показался мне не слишком симпатичным. К счастью, мы редко с ним видимся, но он все-таки был на церемонии бракосочетания в мэрии. Зато Джон отыскал прежних приятелей и сейчас пытается устроиться на работу.

– В какой области?

– Хочет пойти по коммерческой части. Вы ведь знаете, что он красивый, язык у него хорошо подвешен, думаю, что он своего добьется.

– Если вы счастливы, Бетти, я очень рад. Стало быть, вы не планируете возвращаться в Шотландию?

– Что касается Джона, то для него об этом не может быть и речи. Он просто ненавидит годы, проведенные в Шотландии. Отец его говорит, что Джон приобрел в своем английском ужасный акцент!

– А сами вы не тоскуете по дому?

– Не особенно. Мне очень нравится во Франции.

– Известно ли об этом его матери?

– Нет, поэтому я и звоню. Мне хотелось бы, чтобы вы ее предупредили, это неправильно со стороны Джона оставлять ее в неведении.

– По-вашему, это я должен ей сказать?

– Буду с вами откровенна: Джон с ужасом воспринимает все, связанное с Джиллспи, винокурнями, вашим отцом и особенно с вами, Скотт. Да и свою мать Джон относит к явлениям того же порядка.

– Она всегда так защищала и баловала его, что теперь он решил за это ее отвергнуть?

– Не будьте жестоки. Я звоню вам, потому что не знаю Амели, но это нормально, что она должна узнать о моем существовании. В конце концов, я теперь ее сноха. Когда-нибудь Джон успокоится и возобновит с ней отношения, я в этом уверена. Так что чем раньше она узнает, тем будет лучше, хотя, разумеется, она будет расстроена.

– Скорее оскорблена.

Бетти промолчала.

– Хорошо, – вздохнул Скотт, – я передам.

– Спасибо.

– Вы можете дать ваш адрес?

– Зачем? Чтобы мать написала Джону, осыпая его упреками, или чего доброго нагрянула к нам неожиданно-негаданно? Нет, узнай об этом Джон, он пришел бы в ярость.

– Всегда может случиться что-то серьезное, Бетти. Не знать, как с вами связаться, это уж слишком жестоко.

После нового, еще более продолжительного молчания она все-таки решилась продиктовать ему адрес в пригороде Парижа.

– Только пусть адрес будет только у вас, ладно?

– Как хотите.

– Вы всегда были очень добры ко мне, Скотт. И я знаю, что вы тот человек, кому можно довериться. Клянусь, я всегда стояла за мир в семьях. Вот увидите, все скоро как-нибудь наладится.

– Надеюсь на это. А пока старайтесь получше заботиться о себе, Бетти.

Он отключил связь, но сохранил номер звонка. Что же ему дальше делать с этой новостью? В данный момент он не мог быть желанным гостем в Джиллесли, а переступить порог только затем, чтобы сообщить о женитьбе Джона, вообще казалось ему невообразимым. Такая новость нанесла бы дополнительный удар Амели, которую он в последнее время жалел, несмотря на их взаимную антипатию. Он решил, что не может довольствоваться простым телефонным звонком, который его отец воспримет как новое оскорбление. И как бы это ни было неприятно, лучше всего ему отправиться туда самому.

– В конце концов, это и мой дом тоже! – произнес он вслух не слишком убежденно.

Став любовником Кейт, он рисковал быть отлученным от Джиллесли надолго. Скотт предвидел возможные последствия своего поступка, однако его любовь к Кейт не подлежала обсуждению. Предупредив секретаршу по интерфону, он сказал, что уезжает и его не будет на месте до конца дня.

* * *

– Какой же ты все-таки счастливый у нас человек! – проворчал Ангус.

Озадаченный, Дэвид лишь пожал плечами. Опершись на рукоятку грабель, он стоял и терпеливо выслушивал упреки Ангуса.

– Чтобы прийти в такое дурное настроение, – сказал он наконец, – ты должен был очень плохо сыграть в гольф сегодняшним утром.

– Правда, плохо сыграл. Старею.

– Как и все остальные.

– Да, но у меня много проблем.

– Как и у всех остальных. Что, например, ты знаешь о моих?

Ангус перевел взгляд и пристально посмотрел на кузена.

– А что у тебя не так? Когда я говорю, что ты счастливый человек, это означает, что у тебя на хребте нет всей этой семейки и чертовой собственности.

– К счастью, теперь ты избавился от проблем с собственным сыном.

– Ах, Скотт! Что там говорить... За несколько недель ни одного звонка. Знаешь, что он выдумал: бумаги на подпись теперь присылает мне по почте!

– Это в порядке вещей, ты же сам объявил ему войну.

– Да нет... Просто я разозлился на него из-за малышки.

– Им хорошо вместе.

– Объясни это Амели!

– Мне что-то объяснять твоей жене? Да чем меньше я с ней говорю, тем для меня лучше!

– Да, Амели упряма, признаю. Но ведь она...

– «Но ведь она» – это уже по твоей части.

Дэвид начал сгребать листья, полетевшие в сторону Ангуса. Затем он остановился и заявил:

– Раньше ты жаловался, что Скотт не очень часто приезжает, и не нашел ничего умнее, чем совсем отказать ему от дома.

– Сын меня знает, ему известно, какой я вспыльчивый.

– Ты тут такой не единственный. В любом случае ты требуешь от него то, что он тебе не отдаст.

– Кейт?

– Да. Она ему дорога, это же видно невооруженным глазом. А сын твой давно вышел из возраста, когда выполняют любое папочкино желание.

– Но я же никогда не...

– О, еще как! Когда он был мальчишкой, ты не захотел, чтобы он оставался с Мойрой, которую ты считал чересчур мягкой с ним, и отправил парня в пансион. Подростком Скотт мечтал стать врачом, однако ты отказался оплачивать его медицинское образование, а врач бы из него вышел классный. Потом совершенно неожиданно ты наградил его весьма неприятной мачехой, наверное, для того, чтобы он больше не чувствовал себя здесь как дома и поскорее ушел. Когда ты передал ему в управление винокурни, чтобы вести праздную жизнь молодожена, то взял да и навязал ему придурка Джона, возложив на него невыполнимую миссию чему-нибудь научить «братца». И вот теперь ты решил контролировать его личную жизнь?

Нахмутив брови, Ангус некоторое время молча смотрел на кузена. Больше всего в этой тираде его порастил полный разочарования тон Дэвида. Для человека, который говорил редко, он сказал слишком много, и в его речи не было фальши.

– Ты посмотри! – воскликнул вдруг Дэвид. – Надеюсь, и ты видишь то, что вижу я? Когда говорят о волке...

Только что из-за деревьев показался джип Скотта, двигавшийся по аллее к особняку.

– Амели как только услышит, что он подъезжает, так сразу и бросится ему на шею! – пророчески изрек Ангус.

Но Скотт, должно быть, заметил их, потому что он остановился, не доехав до дома. Большими шагами он пересек газон и присоединился к ним.

– Не волнуйся, – бросил он отцу, – в особняк я не войду!

Ангус окинул его взглядом с ног до головы, но так и не смог сдержать улыбки.

– Прежде всего, доброе утро!

– Да, простите. Здравствуй, папа, здравствуй, Дэвид.

После неловкого молчания Ангус слегка прокашлялся.

– Дело чрезвычайной важности? – только и спросил он.

– Безусловно. Иначе я бы не отважился нарушить запрет. Амели дома?

– Ты хочешь с ней поговорить? – забеспокоился Ангус.

– У меня для нее сообщение.

– Ну и ну...

Ангус, одновременно и заинтригованный, и встревоженный, после недолгого колебания предложил:

– Что ж, я за ней схожу. Но поскольку уж ты здесь, я воспользуюсь этим, чтобы сообщить тебе, что я сделал предложение Бейли.

– Чего ради?

– Не разыгрывай из себя равнодушного. Я предложил ему купить те два гектара, что ты хотел. Посмотрим, согласятся ли они. В конце концов, земля там никудышная.

– Для овец в самый раз.

– Ну коли так...

– Тебе не придется ни о чем беспокоиться, – кивнул Дэвид в сторону Ангуса.

Пересекая лужайку тем же решительным шагом, что и Скотт еще минуту назад, к ним приближалась Амели. Дэвид поставил грабли, положил ладони на рукоятку, оперся о них подбородком и с интересом ждал дальнейшего развития событий.

– Ты что, решил сразиться со мной? – спросила она разъяренным тоном.

Она остановилась перед Скоттом, не сводя с него уничтожающего взгляда.

– До сих пор тебе не хватало смелости говорить со мной лицом к лицу. Но, поскольку ты спишь с моей дочерью, самое лучшее для тебя сейчас было бы провалиться сквозь землю.

– Я пришел не для того, чтобы говорить о Кейт, – спокойно ответил Скотт.

– Нет, отчего же, давай поговорим! Что ты думаешь делать с ней дальше? Наслаждаться мимолетной страстью? Ты взял ее, осквернил, а после намереваешься еще и разбить ей сердце? И ты думаешь, что я буду сидеть сложа руки?

– У меня не было ни малейшего намерения...

– Вот именно, твои намерения известны! Если бы ты был мужчиной, кем, верно, тебя считает твой отец, у тебя были бы вполне законные намерения. Но ты предпочитаешь просто позабавиться, да?

Сбитый с толку, Скотт выдержал взгляд Амели, не понимая, к чему она клонит.

– Послушай меня внимательно, Скотт. Перед Ангусом и Дэвидом я сейчас задам тебе вопрос, которого ты наверняка боишься, вот мы и увидим твое истинное лицо. Ты собираешься жениться на моей дочери?

Дэвид от изумления выпустил из рук грабли, которые с глухим звуком стукнулись о землю.

– Вы... вы этого хотите? – проговорил Скотт в полной растерянности.

Амели приподняла подбородок, сжав губы в презрительной гримасе.

– Но не ты, верно? – бросила она ему с отвращением.

– Нет... Я, конечно, хочу! Да. Немедленно. Чем скорее, тем лучше. Конечно же, хочу!

Скотт выпалил все это на одном дыхании, изумленный, не спуская глаз с Амели. Он увидел, как выражение ее лица мгновенно изменилось и в нем отразилось нечто триумфальное.

– Превосходно. Тогда проси у меня ее руки.

Скотт почувствовал, что за его спиной беспокойно задвигался отец, но он не захотел оборачиваться и продолжил обращаться к одной Амели.

– Я прошу у вас руки вашей дочери, – сказал он, четко выделяя каждое слово.

– Даю свое согласие.

Какое-то мгновение все четверо стояли абсолютно неподвижно. Потом Ангус кашлянул и несколько раз потер себе щеки, что было у него признаком сильной нервозности. Казалось, будто он не верит своим ушам, но затем он подошел к жене и обнял ее за талию.

– Вот действительно великолепная новость! Я сильно взволнован, тронут и очень горд. Боже, какая прекрасная свадьба нас ждет в ближайшем будущем!

Амели, казалось, совершенно смягчилась, вплоть до того, что даже слегка прижалась к груди Ангуса.

– Я позвоню Кейт и скажу ей, что уладила все проблемы, – заявила она.

– Позвольте мне сделать это самому, – проговорил Скотт. – Я бы хотел сам доставить ей приятный момент. Пожалуйста.

Амели с ироничной улыбкой заставила его выждать несколько минут, прежде чем дала согласие.

– Сегодня же все устрой, а завтра приходите оба к нам на ужин, чтобы мы определились с датой свадьбы.

Амели высвободилась из объятий Ангуса и с высоко поднятой головой направилась к дому. Дэвид наклонился, чтобы подобрать грабли, не в состоянии подавить короткий смешок.

– Ничего не могу... понять, – удивился Ангус. – А я-то был уверен, что она немедленно съест тебя живьем.

– Не слишком я удобоварим, – возразил Скотт.

– Ты хоть понимаешь, какое усилие она над собой сейчас сделала?

– Я уверен, что она сделала то, что ее устраивало. Но, клянусь, это меня тоже больше чем устраивает!

Он сиял, внезапно освободившись от чувства тяжелой вины, которым был обременен в течение нескольких последних недель.

– А как к этому отнесется малышка? – забеспокоился Дэвид.

– Думаю, что Кейт... Нет, я совершенно уверен, что она будет согласна.

– Я сейчас передам тебе для нее подарок, – решил Ангус.

– О боже, о чем я только думаю! – вдруг воскликнул Скотт.

Он бросился вслед за Амели, которую догнал, когда та уже понималась по ступеням крыльца.

– Подождите! Мне нужно было вам кое-что сказать.

– Не хочу больше ничего слышать, кроме того, что мы только что решили, – сухо заметила она.

Теперь, когда она уже поднялась, Амели в полном смысле слова могла смотреть на Скотта сверху вниз.

– Ну что, Скотт, я все-таки тебя прищучила, ведь правда?

Антипатия ее никуда не делась, вероятно, Амели казалось, что она одержала над ним великую победу. Но он и не пытался ее переубедить и объяснять, что, напротив, она сделала для него величайшее благо.

– Сегодня утром мне позвонила Бетти.

– Какая еще Бетти? – медленно спросила она, ошеломленная неожиданной сменой темы. – Не та ли это женщина, которая уехала с Джоном?

– Та самая. Во Франции они поженились.

Амели вздрогнула, и Скотт едва не протянул ей руку, но все же воздержался.

– Когда?

– Совсем недавно. Она захотела, чтобы вы узнали об этом.

– Скоро ли они вернутся?

– Нет, они решили остаться во Франции.

– Почему же он мне ничего не сказал? Я бы непременно к нему приехала! Значит, в день свадьбы он был один, без семьи?

– На бракосочетании присутствовал его отец.

– Майкл? Господи...

Она мгновенно растеряла весь апломб, страшно оскорбленная в своем материнском чувстве, и Скотт испытал внезапный порыв сострадания к ней.

– В конце концов, он обязательно вам позвонит или напишет. Не волнуйтесь. Бетти – очень хороший человек.

– И мой сын тоже! – воскликнула она.

Бросив на Скотта расфокусированный взгляд, она быстро скрылась в доме.

* * *

Грэм и Пэт встретили Кейт на лестнице ее дома. Она только что приехала с вокзала на Куин-стрит, куда прибывал пригородный поезд Эдинбург – Глазго, преодолевавший расстояние между двумя городами за сорок пять минут. Всю дорогу она задавалась вопросом, не закончить ли ей все же учебный год в своем университете, пользуясь

поездом, уезжая утром и возвращаясь вечером, что позволило бы ей избежать перевода.

– Вы уже уходите? – спросила она у Пэт.

– Мы ненадолго зашли повидаться со Скоттом и пропустить по стаканчику, так что нас ждет няня. Увидимся как-нибудь в следующий раз.

Парочка, казалось, так спешила уйти, что Кейт не стала настаивать, хотя и была немного разочарована. Она высоко ценила всех друзей Скотта, а очаровательную Пэт больше остальных. Перед дверью квартиры, порывшись в сумочке, Кейт достала ключ, на который посмотрела с прежним, до сих пор не прошедшим волнением. Скотт дал ей этот ключ несколькими днями раньше, сказав, что теперь это и ее квартира тоже. Улыбаясь, она открыла дверь, вошла, сняла плащ. Должно быть, Скотт сразу услышал, поскольку через мгновение он был уже рядом.

– Ты уже здесь?

– У нас сегодня не пришел преподаватель, и я закончила пораньше. Какая жалость, что я не повидалась с Грэмом и Пэт; единственное, что я успела, так это поцеловать их на лестнице.

Скотт выглядел нервным, взволнованным, но с лица его не сходила счастливая улыбка.

– Иди за мной, – сказал он, взяв ее за руку.

Он повел девушку в гостиную, двойная дверь которой была закрыта.

– Сюрприз! – воскликнул он, распахивая обе створки.

Кейт, словно замороженная, смотрела на столик, накрытый для двоих. На льняной белой скатерти повсюду были расставлены букетики цветов, стояли зажженные свечи в подсвечниках, а в центре – бутылка шампанского в ведерке со льдом.

– Что мы празднуем?

– Сядь сначала, у меня есть о чем тебе рассказать.

Скотт откупорил шампанское и налил его в два фужера.

– Я сейчас вернусь, – сказал он.

В ожидании она постаралась угадать причину неожиданного торжества, зная, что ни у одного из них не ожидался день рождения.

– А вот и я! – провозгласил Скотт, ставя перед ней большое блюдо.

Крошечные разноцветные бутерброды-канапе, разумеется, были приготовлены Пэт, и это вызвало на лице девушки улыбку.

– Тайна усугубляется, не будь я Кейт. Неужели ты подписал великолепный контракт с японцами на поставку им своего нового виски «Джиллеспи»?

– Нет, лучше. Сегодня я побывал в самом Джиллеспи.

– Неужели помирился с отцом?! – воскликнула она.

– Да, но не только. Заодно я повидался и с твоей матерью.

– Ну и ну... И что дальше?

– Тебе трудно в это поверить, но она заставила меня просить у нее твоей руки.

– Это шутка?

– Вовсе нет. Она поставила мне ультиматум, не совсем дружелюбный, как ты догадываешься, ведь ты знаешь свою мать! Итак, любовь моя, я с полной торжественностью и надеждой хочу тебя спросить, согласна ли ты стать моей женой?

– Скотт...

Едва удерживаясь от слез, она покачала головой.

– Нет, я не хочу выходить за тебя замуж.

Он отступил на шаг, ошеломленный, в то время как Кейт продолжила:

– Не хочу, чтобы тебя заставляли силой, принуждали к поступку против твоего желания! Что же это: такова цена, чтобы восстановить мирные отношения с мамой и Ангусом?

– Но, Кейт...

– Я не желаю, чтобы тобой манипулировали. Если эта идея не исходит от тебя, если тебе ее навязали, как я могу быть счастливой?

Неловким жестом она опрокинула свой фужер и тут же разразилась потоком слез.

– Она... она же не любит тебя, – с трудом произнесла Кейт в перерыве между двумя всхлипами. – Принуждая тебя к женитьбе на мне, она непременно считала, что это для тебя будет худшим из наказаний! А знаешь, моя мать далеко не глупа, значит, так и есть на самом деле, а ты оказался зажатый в угол, и она, как всегда, все испортила...

– Прекрати!

Она хотела закрыть руками лицо, но Скотт развел их силой и, взяв ее за запястья, опустился перед ней на колени.

– Кейт, посмотри на меня. Неужели ты действительно думаешь, что твоя мама могла бы *принудить* меня к чему-нибудь? Да я чуть не грохнулся в обморок, услышав ее. Кто спорит, конечно, она меня ненавидит, и ей представляется, что она придумала нечто сногшибательное, чтобы мне досадить! Нечего и говорить о том, за кого она меня принимает, за первейшего ловеласа, и ей кажется, что вот теперь-то ей удалось меня посадить на короткий поводок. В то время как ничто не могло быть для меня более желанным, чем жениться на тебе, моя дорогая, и дать мне столько счастья, клянусь. Да, я не решался сделать тебе предложение, это правда. Ты совсем молоденькая, это твое первое чувство, и я первый мужчина в твоей жизни, поэтому я боялся искусственно ускорять ход событий. Кроме того, я не хотел, чтобы из-за меня ты окончательно рассорилась с матерью. А тайная свадьба – это недостойно тебя! И вдруг... такой подарок судьбы, Кейт!

Все это он произнес на одном дыхании, почти скороговоркой, яростно пытаясь ее убедить, с отчаянием и полной искренностью.

– Твоя мать хотела меня «прищучить», это ее выражение, но, я уверяю тебя, она не одержала надо мной даже скромной победы. Тем не менее она никогда не узнает, что я готов был пойти на любые условия как раз ради того, чтобы жениться на тебе, и что в торге она могла бы получить гораздо больше. Я уверен в себе, Кейт. Уверен в своих чувствах и убежден, что ты и есть женщина моей жизни. И теперь я еще раз спрашиваю тебя, лично я, а не кто-то другой, хочешь ли ты стать моей женой?

Кейт больше не плакала. Взгляд ее скользнул по столу, свечам, цветам. Он здорово надо всем этим потрудился, но самым трогательным было выражение крайнего нетерпения на его лице и тревожные огоньки в темно-синих глазах.

– Как ты можешь сомневаться? – прошептала она. Вспомни, ведь ты моя заветная, самая безумная мечта...

Облегчение Скотта было настолько сильным, что на секунду он уронил голову, чтобы отдышаться.

– У меня есть и еще кое-что для тебя, – сказал он, опустив руку в карман. – Это обручальное кольцо моей матери. Оно хранилось в

нашей семье на протяжении нескольких поколений, и отец будет очень горд, если теперь его наденешь ты. Если оно тебе не нравится, ты мне скажешь об этом честно. Отныне ты будешь мне все рассказывать, договорились?

Красный бархат шкатулки давно выцвел, но внутри на белом атласе сверкал дивный бриллиант, окруженный рубинами.

— Оно изумительно!

— Мы подгоним его, если не подойдет, — пообещал Скотт, надевая ей кольцо на безымянный палец.

— Нет, смотри, оно мне впору.

— А как насчет Кейт Джиллесли — это тебе тоже подходит?

— Я поверю в это, только когда увижу в написанном виде.

— В комнате нет никого, кто мог бы прийти тебе на помощь в том случае, если ты захочешь отказаться от кольца, а заодно и от человека, который к нему прилагается!

Намек на Нила Мюррея заставил девушку наконец улыбнуться.

— Ну вот ты уже не плачешь, это замечательно!

Он обнял ее и на мгновение прижал к себе, перед тем как встать.

— Ты меня напугала, — признался он, — я действительно подумал, что ты собираешься мне отказать.

Кейт поставила опрокинутый фужер на стол и протянула ему, чтобы наполнить шампанским.

— Завтра вечером нас ждут в Джиллесли. Папа будет рад тебя видеть, думаю, он *очень* доволен.

— Наконец-то он обретет покой!

— На какое-то время, наверное. Но твоя мать быстро отыщет еще какой-нибудь повод для недовольства. Когда я осознаю, что помимо того, что я ее пасынок, стану еще и зятем...

— Неужели вы так никогда и не сможете с ней поладить?

— Мне трудно в это поверить, любовь моя. Все эти годы бесконечных ссор не могут бесследно исчезнуть.

— Но ты хотя бы попробуешь? Она не злая, просто у нее отвратительный характер.

— Клянусь тебе, что я очень постараюсь. Тем более что иногда ей удастся вызвать во мне сочувствие. Знаешь, мне пришлось сообщить ей, что твой брат Джон во Франции женился.

– Что? На твоей бухгалтерше? И он ничего нам не сказал, ни маме, ни...

– Похоже, никому. Тебя опечалило это известие?

– Мне бы хотелось присутствовать на свадьбе. Но если Джон не пожелал, значит, он решил окончательно порвать с нашей семьей.

– И с Шотландией тоже.

– Как тебе она, эта Бетти?

– Замечательная девушка. Думаю, она поможет ему выправиться, смягчит его сердце.

– Обещаешь?

– Я никогда не даю обещаний, которых могу не сдержать. Относительно Джона, честно говоря, я не знаю, сможет ли он измениться, но его жена в него верит, и это главное. Зато Джордж сильно изменился, и мы обязательно станем с ним друзьями в будущем, за это я ручаюсь. Он попросил меня о том, чтобы проходить у меня практику в рамках его учебы, и через месяц он появится на нашей прядильной фабрике в качестве стажера.

– Ему там обязательно понравится! Впрочем... Насчет фабрики... Я совсем забыла тебе сказать, что недавно встретила Мэри. Она приезжала в гости к родителям на несколько дней.

Это признание Кейт сделала скрепя сердце и теперь с волнением ждала реакции Скотта. К ее огромному облегчению он залился смехом.

– Значит, говоришь, *совсем забыла*? Кейт, любовь моя, это я давным-давно забыл Мэри! И я даже сейчас тебе кое в чем признаюсь: был момент, когда я собирался на ней жениться, потому что она бесконечно надоедала мне с этой просьбой и нам, в общем-то, было не так уж плохо вместе. Но вот ирония судьбы: чем больше ты подрастала, тем меньше я хотел соединять свою жизнь с Мэри. Я полюбил тебя, сам не догадываясь об этом. Видимо, эта мысль засела у меня в голове, и я похоронил ее в своем «бессознательном» как нечто запретное, но тем не менее что-то мешало мне связываться с другими.

– Но признайся, ведь ты не помешал бы моему браку с Нилом?

– Как бы я смог помешать? По какому праву? Но когда ты бросила на меня тот полный паники, умоляющий взгляд, мог ли я не воспользоваться случаем, чтобы отдалить его от тебя? В тот момент мне стоило задать себе несколько вопросов, однако я предпочитал верить, что пришел тебе на помощь чисто по-братски. Не задумался я

и над тем, почему после происшествия с безобразным бельем, подаренным тебе братьями, я пришел в состояние неопишуемой ярости.

– Так когда же ты все-таки понял?

– В следующую ночь. Я грезил о тебе. Однако это не был сладкий сон, скорее кошмар. Ты была обнаженной и...

– Благодарю за кошмар!

– ...ты была в опасности, кричала, но я не мог и пальцем пошевелить, чтобы помочь. Просто видел, как ты исчезаешь вдали. И еще: я очень тебя хотел. И то, что я проснулся с эрекцией, окончательно травмировало меня. После этого я твердо решил тебя избегать.

– Если бы я только знала...

– Наверное, ты все же о чем-то догадалась, раз у тебя хватило смелости пойти на тот шаг, которого я бы сделать не смог. Как же я тебе благодарен за то, что ты осмелилась!

Не отводя друг от друга взгляда, они допили свое шампанское. Кейт вновь увидела в темно-синих глазах Скотта все то, что так ее покорило во время их первой встречи в парке. Тогда ей было тринадцать лет и она чувствовала себя настолько потерянной, когда протянула ему дрожащую руку. С того момента он стал для нее воплощением идеального и по-детски наивного образа прекрасного принца. Каждую ночь она тайно думала о нем, каждый раз, когда он обращался к ней, она чувствовала, как бешено начинало колотиться ее сердце. Скотт оставался для нее – одинокого, лишенного своих корней и дома ребенка – недостижимым призраком. Мать ее не очень любила, братья над ней издевались, отец бросил. И этот обдуваемый всеми ветрами, слишком огромный для жизни особняк, где ей дальше предстояло существовать, внушал ей ужас. Но Скотт оказался дружелюбным, заботливым, и благодаря ему Кейт преодолела все страхи. Из-за него она прежде всего полюбила Джиллесли, а потом Шотландию. И когда она бродила по холмам и лесам, она думала только о Скотте, прекрасно понимая, что ее мечта никогда не станет реальностью. Что ж, она ошибалась! Теперь она могла его обнять, вызвать у него желание, от нее зависело, будет он веселым или грустным. Скотт ее любил, он стал той самой реальностью, руки его были раскрыты для объятий, в которых и было ее подлинное место. Маленькой девочке удалось выиграть эту невероятную партию,

заранее обреченную на неудачу, удалось сразиться с судьбой и победить. И женщине, которой наконец стала Кейт, предстояло вкусить всю сладость этого невообразимого счастья, которое она ни за что на свете уже не выпустит из рук.

notes

Примечания

Жан Аркаш (1953 г.) – руководитель французской издательской ассоциации Place des éditeurs; входит в число двухсот крупнейших французских издателей.

Чинц – лощеная хлопчатобумажная ткань, поверхность которой производит впечатление натертой воском. Имеет особенное покрытие, придающее характерный блеск и противостоящее загрязнению, не пачкается и не смачивается водой.

Лэрд (*англо-шотл.* laird – «землевладелец, лорд») – представитель нетитулованного дворянства в Шотландии. Лэрды образовывали нижний слой шотландского дворянства в отличие от титулованных лордов.

Хаггис (*англ.* haggis) – национальное шотландское блюдо из бараньих потрохов (сердца, печени и легких), порубленных с луком, толокном, салом, приправами и солью и сваренных в бараньем желудке.

Тартан – клетчатый орнамент, состоящий из горизонтальных и вертикальных полос, а также прямоугольных областей, заполненных диагональными полосками.

Вест-Энд – один из центральных районов Эдинбурга.

Гринок – город в Западной Шотландии, порт на южном берегу эстуария реки Клайд, административный центр района Инверклайд.

Ангус имел в виду выпускной экзамен средней школы, приблизительный эквивалент бакалавриата во Франции или экзамена А-уровня в Англии.

Сент-Этьен – город и коммуна во Франции, административный центр департамента Луара региона Рона-Альпы.

Пастушья порода собак, выведенная на границе Шотландии и Англии.

Название породы – border – происходит от англ. «граница».

Hermes («Эрмес») – французский бренд, основанный в 1837 году; специализируется на производстве одежды, изделий из кожи, аксессуаров, парфюмерии, а также предметов роскоши.

Инверкип – небольшой городок в Шотландии.

Vauxhall – британский производитель легковых автомобилей.

Высокоскоростной поезд, соединяющий Великобританию, Францию и Бельгию.

Телячья зобная железа.

Джеймс Мэтью Барри (1860–1937) – шотландский драматург и писатель, прославившийся своей пьесой «Питер Пэн» о мальчике, который отказывался взрослеть.

Кирримьюр – городок в Шотландии.

Досл.: «Зернохранилище» (*англ.*).

Дегустационный термин, означающий «сбалансированный» (о виски).

Отель «Тонтин» (Tontine) занимает здание, построенное более 200 лет назад, и находится в пяти минутах ходьбы от центра города Гринок.

Музей и художественная галерея неподалеку от Гринока.

Аламбик – древнейший самогонный аппарат для производства элитных напитков.

Виски региона Спейсайд (Speyside) – односолодовый скотч с северо-востока Шотландии, долины реки Спей.

Блюдо бельгийской кухни, представляющее собой пирог с любыми начинками, который готовится путем фламбирования, то есть поливается сверху крепким алкоголем и поджигается. Это блюдо может быть как сладким, так и представлять собой нечто вроде пиццы с мясом или сыром.

Гилли – легкая в обтяжку кожаная обувь наподобие мокасин.

Балморал – шерстяной берет без полей с помпоном наверху, к которому может крепиться значок – эмблема клана.

Азулежу – португальские изразцы, привезенные арабами в Средние века на Пиренейский полуостров. Предприятие, с которым Мэри заключила контракт, занималось изготовлением керамической плитки.

Старинная форма имени Изабель или Изабелла.

Главная торговая улица в Глазго.

Пирожки, которые обычно подают на обручениях или свадьбах в Шотландии.

Удар в боксе (*разг.*)

Арран – остров в заливе Ферт-оф-Клайд на западе Шотландии.

Waxy O'Connors в Глазго – старый ирландский паб, открытый в 1788 году.

Пол для просушки ячменя с перфорированным покрытием.